

ВІСНИК

**ЛУГАНСЬКОГО НАЦІОНАЛЬНОГО
ПЕДАГОГІЧНОГО УНІВЕРСИТЕТУ
ІМЕНІ ТАРАСА ШЕВЧЕНКА**

№ 20 (136) ЖОВТЕНЬ

2007

2007 жовтень № 20 (136)

ВІСНИК

**ЛУГАНСЬКОГО НАЦІОНАЛЬНОГО
ПЕДАГОГІЧНОГО УНІВЕРСИТЕТУ**

ІМЕНІ ТАРАСА ШЕВЧЕНКА

ФІЛОЛОГІЧНІ НАУКИ

Частина I

Заснований у лютому 1997 року (27)
Свідоцтво про реєстрацію: серія КВ № 3783,
видане Держкомвидавком України 19.04.1999 р.

Друкований орган Луганського національного
педагогічного університету імені Тараса Шевченка
Видавництво ЛНПУ «Альма-матер»

Рекомендовано до друку на засіданні вченої ради
Луганського національного педагогічного університету
імені Тараса Шевченка
(протокол № 2 від 28 вересня 2007 р.)

Виходить 2 рази на місяць

РЕДАКЦІЙНА КОЛЕГІЯ:

Головний редактор –
проф. Харченко С. Я.

Перший заступник головного редактора –
проф. Синельникова Л. М.
Заступник головного редактора –
проф. Ужченко В. Д.
Відповідальний секретар –
проф. Галич О. А.
Члени редколегії:
проф. Грищенко П. Ю.,
проф. Зеленько А. С.,
проф. Тараненко О. О.,
доц. Унукович В. В.

Засновник – Луганський національний педагогічний університет імені Тараса Шевченка

Збірник наукових праць, ліцензований ВАК України за напрямками: педагогіка, історія, філологія, біологія (Бюлетень ВАК України. – 1999. – № 4 (12))

Матеріали номера друкуються мовою оригіналу

EDITORIAL BOARD:

Editor-in-chief –

Prof. Kharchenko S. Y.
First Deputy –
Prof. Sinelnikova L. M.

Deputy –
Prof. Uzhchenko V. D.
Executive secretary –
Prof. Galich O. A.

Editor Board Members:
Prof. Gritsenko P. Y.,
Prof. Zelenko A. S.,
Prof. Taranenko O. O.,
Unukovich V. V.

Founder – Luhansk Taras Shevchenko National Pedagogical University

The collection of studies on Pedagogic, History, Philology, Biology licensed by the Higher Attestation Board of Ukraine (HAB) (Bulletin HAB of Ukraine. – 1999. – No. 4 (12))

The materials are published in the original

Видавництво Луганського національного педагогічного університету імені Тараса Шевченка «Альма-матер»:
вул. Оборонна, 2, м. Луганськ, 91011. Тел./факс: (0642) 58-03-20.
e-mail: mail@lnpu.edu.ua

© Луганський національний педагогічний університет імені Тараса Шевченка,
2007

ВІСНИК
Луганського національного педагогічного університету
імені Тараса Шевченка
(філологічні науки)

Коректори: Крисало О. В.,
Ніколаєва В. А.

Відповідальна за випуск:
доктор філологічних наук,
доцент І. П. Зайцева

Здано до складання 03.09.2007 р. Підписано до друку 28.09.2007 р.
Формат 60x84 1/8. Папір офсетний. Гарнітура Times New Roman.
Друк ризографічний. Умов. друк. арк. 23,1. Наклад 100 прим.
Зам. № 459.

Видавництво ЛНПУ імені Тараса Шевченка
«Альма-матер»
вул. Оборонна, 2, м. Луганськ, 91011. Тел./факс: (0642) 58-03-20.

З М І С Т

1. Бондарева О. Є. Парадокси мови радянської доби у постмодерній драматургічній транскрипції.....	5
2. Вовк О. І. Формування граматичної компетентності студентів-філологів у процесі оволодіння англійською мовою.....	20
3. Волкова Н. А. Приемы и методы исследования живой речи в диалектах (к проблеме выбора информанта).....	25
4. Герасименко Э. Н. Фразеологические единицы в «мужском» и «женском» детективном романе.....	31
5. Гніздечко О. М. Міжособистісна комунікація в соціо- й психолінгвістичному аспектах.....	39
6. Данилюк С. С. Стратегії створення англомовних електронних текстів Інтернет-чатів.....	47
7. Жулий Т. Б. Русский язык как иностранный во внеаудиторное время.....	52
8. Какзанова Е. М. Гендерный аспект немецких математических терминов-эпонимов как лингвокультурологическое явление.....	56
9. Каменева И. А. Пространственно-временная организация поэзии Ф. Тютчева.....	61
10. Карпенко Е. П., Логвиненко И. А. «Формальный» параллелизм в поэтическом произведении (на основе стихотворений Б. Л. Пастернака).....	69
11. Коваленко Л. П. В. И. Даль в контексте творчества И. С. Шмелева.....	82
12. Комар Л. В. Ознаки іншомовності у фонетичній структурі лексичних запозичень: нормативний аспект.....	86
13. Кошман И. Н. Понятие заробітчанин в современном публицистическом тексте.....	90
14. Крамарь О. К. Словарь В. И. Даля в творческом сознании русских писателей начала XX века.....	97
15. Крымова В. В. Речь персонажей произведений Ю. Полякова как социокультурный показатель.....	102
16. Курносова И. М. Из опыта создания одноаспектного словаря языка писателя.....	108

17. Лоповок В. Л., Теплицкая О. Н. Региональный аспект школьного филологического образования.....	114
18. Марченко Т. М. Идеино-художественное своеобразие исторических баллад В. И. Любича-Романовича.....	120
19. Михова Н. Г. О вариативности некоторых согласных в говорах Кирилловского района Вологодской области.....	126
20. Мухина М. М. Влияние научного стиля на современную публицистику (на материале журнала «Фінанси України»).....	130
21. Николаева В. А. Стихотворение О. Мандельштама «Ленинград» («Я вернулся в мой город, знакомый до слез...»): история жизни, история города.....	134
22. Павленко А. Е. Европейская хартия и выработка общего подхода к поддержке языковых меньшинств.....	140
23. Прасол Ю. Г. Окказионализмы и новообразования в текстах современной периодики.....	146
24. Радчук О. В. Фразеологизмы как средство выражения субъективной модальности.....	154
25. Stepykina T. V. Globalization and National Languages.....	159
26. Фомина С. Б. Лингвокультурный подход в обучении языку как один из эффективных путей формирования коммуникативно-культурологической компетенции личности.....	166
27. Шопин П. Ю. Метаязыковая рефлексия в романе А. Мердок «Замок из песка».....	172
28. Юган Н. Л. «Были и небылицы» В. Даля в литературной критике 30–40-х гг. XIX в.	181
Приложение. Панищев А. Л. Проблема межэтнического конфликта в Руанде и Бурунди и возможные пути ее решения.....	190
Відомості про авторів.....	106

О. Є. Бондарева

ПАРАДОКСИ МОВИ РАДЯНСЬКОЇ ДОБИ У ПОСТМОДЕРНІЙ ДРАМАТУРГІЧНІЙ ТРАНСКРИПЦІЇ

Драматургічними текстами «Двадцять такий-то з'їзд нашої партії» і «Короткий курс» В. Діброва прагне задекларувати кінець епохи метанарацій в історичній драматургії та настання «епохи коментарів» (М. Фуко), актуалізувати таку категорію історико-культурної концепції М. Фуко, як «історичне несвідоме»: драматург засобами переважно лялькового театру намагається виявити епістеміологічні кордони радянської епохи та специфіку її рудиментарних залишків у постмодерній свідомості. Ляльковість, маріонетковість історичних або квазіісторичних персонажів є маркером авторської концепції історії, а відтак – і жанрологічних особливостей нової драми на історичному матеріалі, переосмисленому в постмодерністських координатах, коли остаточно проголошено «кінець історії», а «завершена» історія застигає у формі багатомотивного міфологічного циклу, придатного для пастішування, травестування, розвитку та центрації периферійних сегментів чи версій, творчої гри. Не викликає сумніву впевненість, що В. Діброва поділяє погляди на історію, сформовані у постмодерністській неklasичній філософії західного штибу, де на зміну традиційному концепту «історія» приходять поняття «постісторії» з властивими йому ознаками – відмовою від лінійного бачення соціальної динаміки, внаслідок чого будь-яка історична подія чи аналогія сприймається як «утрачений референт»=«міф» («нове неминуче має застаріти, але старе назавжди не старітиме» [12, с. 90], оскільки, ставши міфом, має колосальний потенціал для обігрування та естетичного кодування); зневірою в можливості іманентної логіки історії, як результат – повною відмовою від логоцентризму; сумнівами у наявності автохтонної соціальної реальності, звідси – визнанням гри єдино логічною стратегією інтерпретації історичних персоналій та задокументованих фактів; прихильністю до сприйняття будь-якої історичної ідеї як іронічно-фарсового *Deja-vu*, що, врешті-решт, спричиняє фрагментарність, багатофокусну інтерпретацію подій, їхню розмитість, алюзивність, перформативність та сенсову випадковість.

П'єса В. Діброви «Двадцять такий-то з'їзд нашої партії» скасовує серйозне ставлення до нелогічного, абсурдного, отже, «несерйозного» відрізка недалекого історичного минулого. Жанровим маркуванням драматург переводить у поле модальності та іронічної гри як принцип документалізму («стенографічний звіт»), так і проблему ієрархії в мистецтві постмодерної доби (нехудожній, технічний різновид документування реальних подій, маркований як «стенографічний звіт»),

сусідить з «високим, сакральним, класичним» жанром заснованої на синтезі слова, сценічної дії та музики «опери», в якому опосередковані уявою митця події монументалізуються, легендаризуються – «опера серія» чи навпаки, представляються буфонадно – «опера-буффа»). Жанрову «неповноцінність» свого гібридного витвору драматург вбачає в тому, що жанр опери «вимагає, щоб хтось написав до цього твору музику», а поки за умов відсутності оної пропонує вихід у вигляді певної жанрологічної імітації: «нехай кожен актор виголошує свої слова урочистим речитативом, з відповідним почуттям, старанно артикулюючи кожне слово». Таким чином автор п'єси декларує смисловий пріоритет її вербального тексту над іншими жанрологічними сегментами «стенографічного звіту» та «опери».

Головні персонажі гібридного сценічного дійства не мають конкретних історичних прототипів: вони узагальнено-символічні, напівкомічні, позбавлені яскравих особистісних рис – тобто, представлені як маски на кшталт персонажів *commedia dell'arte*. Ще в театральній практиці італійського Ренесансу одночасно з процесом оформлення комедії дель арте відбувається становлення «опери» саме як своєрідної «музичної драми», жанровими ознаками якої були розробка декоративного наповнення спектаклів та їх музично-вокальний супровід. Припустімо, що саме в контексті джерела новітньої дель арте В. Діброва використовує таку складову свого жанрового маркування як «опера». З масками комедії дель арте [5] його дійові особи справді мають цілу низку спільних рис: псевдомасковані персонажі В. Діброви переважно комічні, серед них не може бути трагедійних масок, оскільки вони сформовані шляхом художнього осмислення та стилізації «живих типів» сучасного драматургові суспільства; автор п'єси прагне створити ілюзію рольової імпровізації, акцентує перформативний характер свого твору, тим самим наближаючи його до акторських імпровіз дель арте; повна відсутність психологічного аналізу сконцентровує увагу не на внутрішньому світі персонажів, а на зовнішніх, іноді суто атрибутивних їх ознаках; відчутна інтенція драматурга на моментальний сценічний ефект, якого найлегше досягти актуальною та влучною соціальною сатирою.

Так, чемно поймає «Товаришем Харашо» головний персонаж такого циклічного суспільного дійства, як черговий «Двадцять Такий-то З'їзд нашої Партії», втілює не конкретні, а символічні риси кількох історичних постатей, чію індивідуальність у п'єсі свідомо розмито, оскільки увагу драматурга зосереджено на типологічних рисах історичного образу-фікції. П. Сапронов звертає увагу на мовленнєву алогічність, абсурдність, потенційну гротескність та оксюморонність смислових зв'язків у самому словосполученні «генеральний секретар ЦК»: «технічність», потенційна «другорядність» цієї посади прозоро кодувалася концептом «секретар» – чи не найнижчим щаблем імперської бюрократичної ієрархії ще від часів Петра I. І хто б за штучного більшовицького режиму не обіймав цю посаду, він, на думку філософа,

ніколи не орієнтувався на відтворення будь-якого взірця, тобто всіляко намагався приховати імітативний характер своєї влади (всього-на-всього «секретар» такого колективного органу, як Політбюро ЦК), яку, навпаки, завжди прагнув абсолютизувати та перетворити на самодостатню реальність («генералізувати»): «Генеральний секретар нікого імітувати не збирався, ні в яку чужу одежину не виряджався. У нього справа йшла значно далі. Генеральний секретар ставав таким, хоча сама реальність його секретарства лишалася чимось принципово невловимим і не фіксованим в якості стійкого смислу, здатного відповідати за себе» [11, с. 628]. Але після знетронення Сталіна кожен наступний генеральний секретар ставав постаттю ще більш фіктивною та порожньою, аніж його попередник, що і прагне зафіксувати В. Діброва в образі Товариша Харашо. Сценічні дії цього персонажа, як, власне, й інших сценічних масок, для драматурга є абсурдними з точки зору здорового глузду. Тому, потенційно поважаючи читачів/глядачів як людей розсудливих та адекватних, драматург виводить на сценічний кін постать «помічника» – Ведучого, який не має суто наративних функцій, не виступає лише відстороненим коментатором – «свідком», а постає своєрідним «перекладачем», покликаним тлумачити реципієнту прихований від профанів містичний сенс партійного театру абсурда. Звернімо увагу на поліфункціональність подібного «перекладу» в тексті аналізованої п'єси. Наприклад, незрозумілі паузи в пустопорожній звітній доповіді Товариша Харашо неодмінно супроводжуються іронічними коментарями Ведучого: *«Товариш Харашо перегортає сторінку», «Далі в доповіді дається оцінка міжнародної галузі, де за підзвітні роки мали місце тенденції», «У доповіді наводяться конкретні дати, числа, імена», «Поки товариш Харашо шукає кінцівку речення, слово має директор заводу», «Тільки-но вони сховалися, як товариш Харашо знайшов загублену думку»,* – подібних фрагментів ще можна навести безліч. Саме вони оголюють упевненість драматурга в ілюзорності, імітативності, квазіреальності логічного наповнення концепту «генеральний секретар» будь-яким прийнятним смислом, а тому, з одного боку, викликають очевидні алюзивні історичні аналогії (Брежнєв, Черненко), а з другого, перетворюють нещодавню історичну реальність, означувану порожніми знаками, на постмодерний симулякр. «Синхронному перекладу» підлягають і складові незрозумілого метажанрового дійства під назвою «партійний з'їзд»: тлумачна роль Ведучого тут є наріжною. Адже без нього зовсім неможливо зрозуміти, наприклад, сценічну поведінку Кордебалету, учасники якого виконують *«спільний піонерсько-комсомольський танець»*, і в подібних випадках коментарі Ведучого стають більш розлогими, в них вплетені численні кліше радянської концептосфери (підкреслені мною у наступній цитаті. – О. Б.), тобто у перформативному режимі мовби наново сегментовано «відтворюються» ідеологічні міфи конкретної історичної доби: *«Ведучий. Зміст танцю такий. Комсомольці утворюють ланцюг і не дають піонеркам*

наблизитися до президії. Піонерки пояснюють їм, що вони також готувалися до з'їзду: вчилися на відмінно, випускали стіннівку, збирали макулатуру. Комсомольці бачать, що дівчата – свої, але для годиться трохи їх не пускають. Дівчата м'якими рухами переконають їх і заводять спільну гру, яка нагадує боротьбу зустрічних планів. Здається, ще трохи й настане повне злиття протиріч...». Ведучому подеколи також відводиться роль жанрово передбаченого музичного супроводу, принаймні, його референції, і він голосно, заглиблюючись у нотну партитуру, бере урочисті акорди, артикульовані як «Аааа – Оооо – Уууу – Їїї!»), під час позапланових пауз у промові Товариша Харашо проголошує «барабанний бій», інколи констатує, що «музика посилює драматизм ситуації», «лунає урочистий мариш» або «Оркестр грає вальс. Під цю музику члени Президії з'ясовують стосунки, визначаються, діють». Втім, у розгортанні сценічної дії є кілька моментів, коли у Ведучому всупереч відведеному йому рольовому амплуа раптом прокидається Людина, і він активно втручається у сценічні події, прагне вплинути на їхній хід і зарадити персонажам (наприклад, Комсомольцю та Піонерці), яких система може розчавити своєю абсурдно антилюдською аксіологією, або, навпаки, змінити бодай певні акценти в історичному перформансі через емоційну апеляцію до загальнолюдських чеснот, нівельованих у членів Політбюро: коли у президії з'їзду визріває змова проти Товариша Харашо, Ведучий поступово втручається у перемовини заколотників і прагне їх присоромити неочікуваними вигуками «Що ви замислили?! Як вам не соромно?!», хоча невдовзі перед цим він же спокійно та відсторонено констатував: «Після цих слів товариш Харашо трохи замислюється, у той час як у керівництві щось визріває. Члени Президії озираються, хитають головами й готуються виступити з принциповою критикою», – будучи лише принагідним статистом в очевидній сценічній ситуації.

Аксіологічно двозначна сутність відтворюваної драматургом історичної «арени» моделюється просторовим оформленням сценічного кону, на якому за столом президії «на постаменті височить бюст, тобто голова якогось товариша, схожого на кабана, але без ікол» (маркованість «нелюдського» зовнішнього та внутрішнього ества радянської влади), а також міститься «вишка, щось середнє між місцем для судді під час тенісних та волейбольних матчів і вежею, з якої варта прострілює тюремне подвір'я» (оскільки місце на вищій відведено Ведучому, то очевидно, що драматург розглядає і саму виставу, і її історичний референт як щось непевне між спортивною грою за принципом «хто кого?» та перформативними подіями на обмеженому колючим дротом тюремному подвір'ї). Наявність у п'єсі нечисельних історико-політичних альянсів (колючий дріт, «рясно прикрашений з нагоди з'їзду квітами та кольоровими лампочками», визрівання штучної ситуації зміни політичного ладу з натяком на те, що «сьогодні зарано, а завтра запізно», заклик одного із заколотників гуртуватися «по

трийках», знайомі народу *«по портретах»* обличчя членів Політбюро) не дає підстав стверджувати, що в ній зберігається жанрове ядро історичної, історико-політичної або документальної драми, в той же час українські п'єси постмодерної доби, як бачимо, далекі від постульованої Л. Залеською Онишкевич постколоніальної «історичної амнезії» [7, с. 280], притаманної західній драматургії, оскільки досить свіжими та актуальними лишаються окремі історичні алюзії та ремінісценції, котрі й досі болюче нагадують українській спільноті про її розпорошену ідентичність.

Сценічне дійство у даній п'єсі В. Діброви вибудовується скоріше за кумулятивним принципом серії коміксів, алегорична узагальненість його провідних учасників настільки вичерпна, що вони, не змінюючи соціальних масок, не покидаючи сценічний кін, навіть не модифікуючи інтонаційно-рольове вирішення мізансцен, можуть із легкістю на очах глядачів перевтілюватися з головного колективного державного органу, абсурдного за своїм призначенням, на партійних функціонерів нижчого щабля, профспілкових діячів, працівників ЗАГСу, і при цьому жодна сценічна маска не виявляє характерних змін, універсальною є й декорація зі столом, по різні боки якого мають розташовуватися носії різного ступеня соціальної сакральності; тобто, на будь-якому ярусі художнього розтину демонструється характер універсальної імітативної моделі, запропонованої драматургом.

Власне через представлену багатоярусність «новітньої світобудови» автор п'єси намагається збагнути порожність та фіктивність «сакральної санкції» комуністичної влади. Ця влада, на думку П. Сапронова, попри всі її відчайдушні зусилля створити реальну конкуренцію здоровому глузду, «завжди залишалася безглуздою (позасмисловою) реальністю. Смысл їй заступало тріскотіння нічим не наповнених слів та словосполучень, в які вдуматися було неможливо, оскільки ніякої думки в них не вкладалося» [11, с. 635]. Саме в такому ключі міркує і В. Діброва: його персонажі впродовж усієї п'єси демонструють відірваність словесної оболонки від її наповнення, неузгоджуваність між концептом та його ознакою, між знаком і смыслом, відсутність щонайпримітивнішої логіки у броунівському формуванні суспільно прийнятної концептосфери. Скажімо, коли Ведучий повідомляє, що *«на з'їзді було обрано... (нерозбірлива цифра)... делегатів, які представляють... (нерозбірлива цифра)... мільйонів трудящих із... (нерозбірлива цифра)... країн»*, ми розуміємо, що жодна «нерозбірлива цифра», в принципі, не має сенсу, тож її можна легко опустити, і від цього ніщо не зміниться; коли Товариш Харашо з партійної трибуни розповідає про якусь неконкретну фабрику, що вона з незрозумілих причин *«дев'ять разів одержувала звання заводу імені Чапая»*, а потім з патетикою перелічує поіменно її передовиків, у реєстр *«Анюткін..., Балтайтіс..., Брати-близнюки Кеди..., Твердоквас»* потрапляє *«і яесь прізвище на «Ща»»*, і саме останній факт натомість сміху та глузування

серед делегатів Двадцять такого-то з'їзду збуджує апофеоз ентузіазму та бурхливі оплески; як логічний та вмотивований аналіз «деяких показників на сьогоднішнє число» сприймаються делегатами з'їзду й «такі не менш промовисті цифри» в уповільненій доповіді Товариша Харашо: «Шістнадцять. (Пауза.) Сорок п'ять. (Пауза.) Дев'яносто чотири. (Пауза.) Сто сімдесят. (Пауза.) Триста дванадцять... Чотири тисячі сто п'ятдесят сім мільйонів і дев'ять тринадцятих!», зняковіння ж президії спричиняє не те, що ці голі цифри відірвані від того, що вони мали б означувати, а грізне зауваження Товариша Харашо – «А завдяки кому у нас такі цифри?»; так само, нікого не дивуючи, викликає колективне ухвалення й роками перевірений дієвий засіб рятувати чергову авральну ситуацію – «Жовтень з буряків перекинути на акваторію». Усі наведені приклади, з одного боку, виступають маркерами іронічного травестування віджилої ідеології, адепти якої на перший план виводили «прагнення до вислизання з-під будь-якої фіксованості у своїх владних рішеннях» [11, с. 646], на рівні колективного несвідомого безпорадно імітуючи архетипну трансцендентність божества світові і виявляючи при цьому не лише власне самозванство, а й власну пустопорожність, фіктивність, штучність, ляльковість, нерепрезентативність. З другого боку, вони ж свідчать про сповідування автором п'єси постмодерної філософії, парадигмальною презумпцією якої небезпідставно вважають «сприйняття семіотичних середовищ як самодостатньої реальності – поза будь-якою гарантованістю з боку позатекстових феноменів» [10, с. 810], пойменоване «порожнім знаком». Таким чином В. Діброва продукує драматургічну модель «паралельних» світів та дискурсів – соцреалістичного, який за неусвідомлюваним абсурдом приховував свою порожність, та постмодерністського, котрий, навпаки, прагне конституювати власну порожність через акцентований новітній лінгвістичний поворот, оскільки скасована ідея універсальної та адекватної мови поступається місцем полісемантичним потрактуванням мови як зібрання розпорошених кодів¹, і драматурга цікавлять перипетії мови в історичному наративі, який він свідомо деструктурує. Декларативна відкритість значення, програмна відмова від репрезентативної теорії знака, множинність інтерпретаційних варіантів, розмивання конкретних денотатів у значеннєвій варіативності практично розчиняють у невимірюваності та неконструйованості будь-який конкретний об'єкт, усувають необхідність його чіткого вербального чи знакового маркування, пропонуючи натомість в якості єдиного референта та ідеального конструкта втраченої семантичної цілісності лише децентрований дисигнат, позбавлений принципового якісного смислу.

У п'єсі «Короткий курс» В. Діброва остаточно позбавляється будь-яких ілюзій щодо логічності лінійного сприйняття історії як процесу, котрий має певні закономірності і наслідки, натомість

пропонуючи бачення історії ХХ століття як замкненої сцени маріонеткового театру (одна з можливих моделей постмодерністської принципово нелінійної рецепції соціальної процесуальності, оскільки постмодерна «процесуальність», позбавлена минулого і майбутнього, розгортається «після хронології», поза часом, свідомо ламаючи лінійний вектор історії). У театралізованому локусі сцени маріонеткового театру драматург розгортає неklasичні філософські версії-моделі влади, знімаючи традиційну для класичних філософських концепцій опозицію «правитель – підлеглий», натомість уподобавши погляд на структури влади як принципово децентровані та повсюдні феномени, властивий працям М. Фуко. Головними персонажами п'єси виступають Ленін, Сталін, Троцький та Поскрьобишев – але не як історичні постаті, чия діяльність вартує на глибокий художній аналіз через послідовність історичного нарративу, а як маріонетки, які мають упродовж відведеного часу розважати та бавити шановану публіку, не зважаючи на те, наскільки публіці подобається чи не подобається їхня вистава і яка міра «залишкової фактологічності» (Г. Вайт) міститься в їхніх репліках та сценічних діях.

Щоби рельєфніше відчуті зміни у підходах до історичного матеріалу, які відбуваються у жанрових глибинах драматургії кінця ХХ століття, маємо ще раз пригадати, що радянська історія для нашої так званої «історичної» драматургії з жовтня 1917 року і аж до початку 80-х років мала виключно сакральний статус, була повністю міфологізована, містифікована, вкрай ритуалізована, відтак її персоналії перебували поза раціональним аналізом, штучно наділялися або підкреслено героїчними (Ленін та його найближчі соратники), або, навпаки, майже божественно-демонічними, шаманськими (Сталін) властивостями, суголосними соціальному реалізму як парадигмальній настанові марксизму на відведення «видатній особистості» надзвичайної місії в історичному процесі та революційних зрушеннях. Драматургія другої половини 80-х полемічно переосмислює проблему «помилка в історії» радянської доби головно через надмірну акцентацію протиріч у ленінському «оточенні»: у такому контексті визріває драматургічно загострена бінарія «зодчий – руйнач», в якій єдино правильну стратегію «мурує» Ленін, чий образ знову-таки надміру ідеалізується, а такі персонажі, як Сталін, Троцький, Бухарін та їм подібні, навпаки, свідомо чи несвідомо «руйнують» цю абсолютну стратегію, що в художній логіці більшості тодішніх текстів є головною причиною історичних трагедій ХХ століття. Таким чином, у період «насильницької і дійсної історії» (Ж. Бодріяр) персонажі історичної драматургії переважно виступають носіями конкретних політичних доктрин, вони максимально «документалізуються», секуляризуються і зрештою втрачають ознаки канонічних художніх образів та продуктивних персональних ідеологічних міфів.

«Скасування» лінійного історичного бачення повністю руйнує традиційний жанровий зміст історичної драматургії – відтак у

постмодерній художній системі канонічна історична драма вбачається принципово неможливою, оскільки реальні події «розчиняються в медіа-гепенінгах» (Гі Дебор). Водночас драматурги опановують задекларований В. Беньяміном принцип трактування історії як тексту, як множинності подій, здатних всього-на-всього стати такими, що відбулися, оскільки їхня «історичність» визначається лише згодом, «заднім числом», в залежності від способу їх вписування у відповідну символічну систему. Говорячи, що в постмодерністську епоху історія сприймається як «наша втрачена референція, тобто наш міф», Ж. Бодріяр констатує її подальшу «містифікацію» через те, що в «ретросценаріях» колись лінійна історія перетворюється на «майданчик для ігор і поле для авантюр», тобто набуває ризоматичної структури через витіснення історичної мети з нашого життя і «агонію потужних референцій», що призводить до «ери симуляції». «У той час, – продовжує філософ, – як стільки поколінь, і особливо останнє, жило в такт з історією, в очікуванні, ейфорійному чи катастрофічному, революції, – сьогодні складається враження, що історія відійшла від справ, лишивши після себе індиферентну туманність..., яка позбавлена своїх референцій». Втрата референцій для суспільної свідомості, за Бодріяром, стає серйозною травмою, переживання якої порушує, деструктує логічні причинно-наслідкові зв'язки між історичними подіями та їх віддаленим у часі відгомонам, через що у хаотичній порожнечі постісторії деінде наринають «фантазми з минулої історії», «колекція з подій, ідеологій», «відновлення абсолютного симулякра минулого чи сучасного», що виводить на жанрологічну поверхню вже не жанровий остов історичної драми, а переважно «довершені рімейки» [2, с. 65, 66–73] монтажного стибу, які мають надзвичайний комбінаторний потенціал, але зовсім позбулися естетичних ознак та можливості емоційного впливу на реципієнта.

Сам В. Діброва розглядає свій драматургічний текст «Короткий курс» (тут очевидним є алюзивний претекст – канонізований за життя Сталіна «Короткий курс історії ВКП(б)», 1938, в якому філософію було повністю перетворено на знаряддя тоталітарного режиму) як художню історію «розвитку політичної доктрини від стадії ідеалізму, через прагматизм аж до занепаду і розпаду», не виключаючи при цьому ще двох потенційних колізій, що лежать на поверхні – алегоричної історії «про людей «звичайних», які завжди тримають ніс по вітру й готові нап'ясти на себе будь-які ідеологічні шати» або ж евристичного своєчасного дослідження «про ті метаморфози, яких при цьому зазнає мова» [6, с. 4]. Всі ці дискурси драматург намагається охопити ємнісною жанровою дефініцією «фарс», очевидно, враховуючи, її історично оформлену полісемантичність та мікшуючи постмодерну жанрову дифузійність свого твору. Не буде зайвим пригадати, що фарс іще в старовинній Іспанії був священним жанром (*farsas sacramentales*), змістовно орієнтованим на Страсті Христові, але формально

секуляризованим завдяки участі в них блазня Бобо [8, с. 132]: аналогічним чином і В. Діброва при головних персонажах, запозичених з нещодавнього історичного сакралітету (Ленін, Сталін, Троцький), подає також дійову особу закулісного гатунку, малопомітну в офіційній радянській історії (Поскрьобишев); сценічна поведінка останнього подеколи справді скидається на роль новітнього блазня – у першій дії вірного охоронця і наляканого виконавця «партійної волі», котрий, втім, насправді не приховує свого блюзнірства перед славетним історичним тріумвіратом, а потім раптово, *«забувши про свій дебілізм»*, спокійно втручається в бесіду політичних лідерів, більш того – *«з несподіваною гідністю дає вождям інструкції»* і дозволяє собі бавитися з ними як із нерозумними ляльками. У другій дії Поскрьобишев грає небагатослівну ділову людину (ідеальний «секретар» – порівняймо з навантаженням концепту «генеральний секретар» у п'єсі «Двадцять такий-то з'їзд нашої партії»), що силкується зберегти бодай якусь логіку мізансценування та самої сценічної вистави, через що наприкінці дії, коли ця логіка знову руйнується на очах, він з'являється на кону *«вкрай роздратований»*, дозволяє собі привселюдно вилаяти вождів, втручається в їхню чергову бійку, *«розбороняє Леніна, Троцького та Сталіна, допомагає їм підвестися, отрушує їх»*, потім *«продовжує розкладати речі, мовчки чепурить бійців»*, а коли його терпець від їхнього безглузлого тріскотіння остаточно уривається, він *«хапає Леніна, Сталіна та Троцького, тягне їх на платформу, вмощує у відведені для кожного стільці»*, потім *«тицькає кожному в руки – тому хліб, тому рибу, тому пляшку»* і рішучою ходюю покидає кін, даючи вождям остаточно вказівку: *«І щоб тихо мені тут ето!»*. Згадаймо, що у французькому та італійському фарсі XV ст. «драматична дійсність обмежується побутом, а функція сміху – чисто карнавальною агресивністю, не ускладненою жодними карнавальними завданнями» [1, с. 190]. Аналогічно змонтована і друга дія фарсу В. Діброви «Короткий курс»: його головні дійові особи в цій частині твору сперечаються передусім за кашкета (дрібний і суто зовнішній символ більшовицької влади) та бутафорські хліб, рибину і пляшку (стандартний «набір» для чоловічих посиденьок). Нарешті у третій дії Поскрьобишев-персонаж вже не соромиться відведеної йому та допіру приховуваної під машкарою придворного блазня ролі всезнаючого й агресивного розпорядника квазіісторичної вистави в театрі маріонеток – його розпорядницька місія настільки універсалізується, що навіть наляканий Сталін свідомо вживає прізвище Поскрьобишева як декларативний міфічний гіперонім: *«Він! Диявол! Князь тьми! І господар цього світу!.. Ми всі тут прип'яті, а він один пурхає між світами. Не скутий мораллю! Ми розвиваємося, зазнаємо змін, а він не міняється. Сатана він! Удає, ніби служить нам, а сам... Диявол! За гріхи наші... Лукавий! (Починає несамовито хреститися й хрестити Поскрьобишева)»*.

Якщо для людей літнього віку сьогодні прізвище Поскрьобишева ще може сприйматися як реально-історичне, то для покоління самого В. Діброва воно вже позбавлене конкретного сенсу та наповнення і виступає повноцінним симулякром, за логікою драматурга, більш правдоподібним, аніж знетронені ним особистісні міфоісторичні наративи (Ленін, Сталін, Троцький). Не випадково основному тексту драми передують «Пояснення і поради», в яких автор попереджає, що *«крім Поскрьобишева, імена всіх дійових осіб – не справжні, а псевдоніми»* (тут подвійного обігравання зазнає реальний історичний факт прийняття більшовицькими вождями нових, «сакральних» прізвищ, котрі увійшли до офіційної історії натомість загальновідомих «профанних» (Ульянов, Джугашвілі, Бронштейн), завдяки чому під сумнівом опиняється сама можливість історичної референції стосовно цієї «революційної трійки»). У жанрових преформах фарсові образи-маски відпочатково були позбавлені індивідуального начала і спрацьовували на створення певних соціальних типів. В. Діброва розвиває далі і цей жанромодулятивний принцип, створюючи єдиний, універсальний тип більшовицького лідера шляхом уніфікації та стандартизації колись різних персонажів історичного процесу-театра, згодом історичної драматургії (але ж помилкове прийняття однієї особи за іншу також є поширеним фарсовим сюжетним елементом [3, с. 490]). Його маріонетки-ватажки обов'язково міняються одягом на початку кожної наступної дії, а їхні імена для більшої наочності пишуться на спинах цього одягу, як це водиться у спортсменів. Сцена і в такий засіб декларативно позиціонована як ігровий майданчик, як поле для експериментів та спостережень, а квазіісторичний сюжет «гри в більярд» розгортається як дійство водевільного, кумедного змісту, насичене суто зовнішніми комедійними прийомами (саме таким було жанрове наповнення фарсу у ХІХ–ХХ ст.) та пунктирними натяками на проблеми з *«милом»*, *«з талонами на цукор, з цеглою, із тарою»*, на те, що *«брехнею про путч»* послідовники революційних ідей *«лише осоромилися перед пролетаріатом»* (рудиментарні залишки власне історичної алюзивної драми). З фарсового жанрологічного змісту драматург черпає також перебільшення окремих рис персонажів (наприклад, глупоти, підлабузництва) та ускладнення сюжету за рахунок нісенітних епізодів (кількаразові бійки між Леніним, Сталінін, Троцьким, розіграний «щиросердий» монолог Леніна про домашні «проблеми» з *«дітьми»* – *«Світланкою»* та *«Олежкою»*, яких імпровізовано доводиться грати Сталіну і Троцькому, тож персонажі відповідно маркуються драматургом у цьому епізоді як *«Світлана-Троцький»* і *«Олежка-Сталін»*), сміхотворних ситуацій, особливо на мовно-комунікативному рівні, і безглузких вчинків («виштовхування» Леніна з п'єдесталу або з центрального стільця, зусилля Троцького бодай щось поцупити зі столу, систематичне надгризання бутафорського реквізиту кимось із персонажів). При цьому одні жанрові риси фарсу

(сатирична спрямованість, реалістична конкретність, вільнодумство) ставляться під сумнів та зазнають редукції, інші (циклічність дії, буфонадність) – абсолютизуються через гротескність, галасливість та огрублений комізм персонажів-маріонеток.

Постмодерністську тезу «скасування історії» В. Діброва піддає глибокому художньому ілюструванню. Його художня «історія» перетворюється на гіперісторію саме завдяки співпадінню ймовірних подій з їхнім модусом – не «десь» і «колись», а «тут» і «зараз», оскільки, як переконує М.Епштейн, у постмодернізмі самоскасовувані утопії майбутнього поступаються місцем утопії вічного сьогодення, грайливого самоповторення [12, с. 89]. Як виявляється, сценічні (= квазіісторичні) події мусять розгортатися за «сценарієм», сюжетика якого давно всім відома (адже в будь-який момент сценічного дійства його учасники чітко знають, скільки саме лишається до пострілу «Аврори», і в той же час, наприклад, одному з персонажів «за означенням», наперед відомі наслідки цього пострілу: *«Поскрьобишев (витримавши паузу, вагомо, впевнено). Настала глупа ніч напередодні Великої Жовтневої Соціалістичної Революції»*), про «знання майбутнього» свідчать багатозначні репліки Сталіна *«Знаю, що шкодуватиму»* та ін.; одні персонажі знають, що вчинки інших можуть *«зірвати історію»*), ролі в цьому сценарії майже рівновалентні (драматург декларує, що його *«ідея полягає в тому, щоб кожен з персонажів за принципом ротації побув кожним із вождів»*), а персонажі, що з'ясовується в останній дії, прикуті до чогось мотузками такої довжини, щоби вони не могли заходити за лаштунки, що створює відчуття ретроспекції історичних сюжетів як безкінечної перманентної вистави бутафорських ляльок, організованої талановитим ляльководом. Як виявляється наприкінці п'єси, висновок Сталіна про більшовицьку історію як розіграний Диявольський сценарій теж межує з фікцією, бо Поскрьобишев, якого помилково прийняли за Диявола і розпорядника вистави, всього-на-всього перебував *«на роботі»*, а у фіналі змушений з екзистенціальною проникливістю пояснювати публіці, що за мотлохами бутафорського одягу та сценічного реквізиту незалежно від якості ненових історичних сценаріїв ховається гола, внутрішньо ница, безпомічна одинока смертна людина.

Привертає увагу й схематизм сценічного декорування *«Короткого курсу»*. Автор точно прописує декорації (вони невибагливі, складаються *«з трьох стільців та одного масивного столу, схожого водночас на танк, мавзолей, штаб революції та знаряддя для гри в більярд»*), також зауважує, що великий стіл, будучи композиційним центром вистави, *«мусить символізувати багато речей та абстрактних понять»*, а дійові особи є головним чином *«учасниками скульптурної композиції»*: логічно наголосити, що у драматургії класицизму характер персонажа можна було уподібнити до статуї за критеріями статичності, прогнозованості й акцентації лише однієї риси. Такі у п'єсі *«Короткий курс»*, попри стадію розвитку революційної доктрини (зародження, апофеоз, деструкція),

Ленін лишається знервованим резонером, що розмовляє здебільшого «з собою» або «у простір», Троцький – підступним демагогом, який потайки мріє про найвищий щабель влади або принаймні про «здобич» з числа бутафорського реквізиту, а Сталін – уважним шпіоном, котрий «все чує» і робить з цього відповідні жорсткі висновки. Але старе класицистичне кліше вистави як заданої «скульптурної композиції» наповнене численними постмодерністськими прийомами текстової деконструкції – гра персонажів у «театрі історії», таким чином, з рівня сценічного кону переходить у поверхневі зрізи мови, а текст періодично деконструє себе, наприклад:

Ленін. ...І треба очолити цей процес. Як? А так, що нелегально з Фінляндії перебратися до Петрограда! (Ці слова додають усім рішучості.) Доки ситуація не по... (Шукає відповідне слово.) ... по...

Сталін. ...-гіршиться.

Троцький. ...-ліпшиться.

Ленін (не до когось конкретно, а скоріше, у простір, рішучо.)
Навпаки!

Троцький. Хіба?

Сталін (на якусь хвилю замислюється). А й справді! (Його обличчя виражає раптове провітлення.) Діалектика...».

Як бачимо, В.Діброва певним чином наслідує традиції російських драматургів ОБЭРИУ й поставангардних західноєвропейських драматургів-абсурдистів, продовжуючи вектор спрощення змісту сценічних повідомлень та заміни трагізму легкою, подеколи абсурдною словесною грою та переконуючи читачів/глядачів, що історія у постмодерністській ретроспективі, так само як і в цілому життя людини за Л. Вітгенштейном, є суцільна мовленнєва гра. При цьому драматург вступає у приховану полеміку з розумінням концепту «влада» Р. Бартом, у чій постулаті влада здійснюється «у формі дискурсивних стратегій, на службі яких перебуває індивід в силу самого факту використання мови та які в сукупності утворюють первинний рівень приневолювання» [10, с. 128]. З позицій В. Діброви, навпаки, ані сценічні, ані мовленнєві дії трьох головних персонажів не спроможні бути примусом для «виконавця», тому перетворюються на порожній вербальний потік, розташований у позавладному контексті.

З жанрової точки зору, при безсумнівному домінуванні фарсового жанрологічного змісту, п'єса «Короткий курс» також має очевидну колажну структуру. Драматург, окрім неприхованої прихильності до формально-змістових конструктів театру ляльок, не без іронії імітує слабкі сценічні моменти «п'єси-засідання» – актуальної жанрової модифікації української та російської драматургії 70-х рр. ХХ ст. (не випадково всі три дії відбуваються довкола столу, а персонажі, по суті, виборюють найвищий стілець), апелює до нововведень класичної реалістичної драми («німа сцена» у «Короткому курсі» є травестуванням фінальної сцени «Ревізора»), насичує сценічні епізоди подієвим змістом

сучасних бойовиків (натомість «словесних суперечок» класичної драми безліч натуралістичних рукопашних бійок між персонажами). Чи не найбільше перепадає від драматурга жанровим хибам так званої «історико-революційної» драми, яка нещадно висміюється як штучна та абсурдна конструкція. Так, безліч вказівок вожді революції дають лише одному персонажеві – Поскрьобишеву, від якого вони, як виявляється, насправді залежні більше, аніж він – від них; безумовно, ніхто цих безглузвих вказівок не виконує й не виконуватиме; вся діяльність «штабу революції» виявляється лише перформативною самоакцентацією історичних невдач, навіть у ретроспекції навіки прикутих до «міфу про революцію» (згадаймо, що «стіл», за вказівками драматурга, має символізувати не лише конкретні топоси, а й «абстрактні поняття»). Тотальній травестії підпадає й інструментарій розв’язання складних ситуацій у недолугуватих текстах історико-революційних драм: аби щось здійснити, їх персонажі зазвичай «посилають матроса». Не виводячи на кін персонажа-Матроса безпосередньо, В. Діброва дає своїм головним дійовим особам можливість не забути про його радикальну «місію» в травестованому жанровому кліше: Матроса «з *отакенними вусами*» вожді революції планують «*послати*», аби розігнати «*Учредилівку*», з цим же сценічним образом ключового персонажа російської революції, якого у п’єсах радянської доби постійно «посилають» незнамо-куди (як у жанровому коді чаклунської казки героя відправляють на ініціаційні випробування), пов’язаний великий монолог Леніна: «*От у понеділок послав був матроса до бібліотеки. «Йди, – кажу, – принеси мені той том, де розписано всі кроки, як назад, так і вперед!» (Пауза.) Вертається через три роки, забр’юханий, п’янючий! «Ти що, – кричу йому, – я ж тебе – під трибунал!» «А я вже – на дембелі!» – каже. «Ну біс, – кажу, – з тобою! Літературу приніс?» «Ні! – матрос каже, падає на коліна і плаче. – Ні літератури, ні методрозробок, ні навіть інструкцій!» «Та як же це так?!» – кажу. «А так, – він каже мені, – бо ми – перші в історії!» (Пауза. На обличчі Леніна суміш суму, переляку й гордості за себе.)». Не дивно, що навіть вочевидь невдалий похід матроса по «методрозробки» не змінює ставлення головних дійових осіб до його «місіонерства»: чергове сценічне загострення знову наштовхує їх на думку розв’язати ситуацію у звичний спосіб – «*може, ...матроса послати?»*. Таким чином постмодерний драматург ускладнює і розслоює дифузність мерехтливої жанрової традиції (прикладом такої дифузності у модернізмі та драмі абсурду стає, наприклад, трагіфарс), пропонуючи натомість зліпок обіграної жанрологічної еkleктики, нанизаної на дискретний фарсовий остов. Іронічний потенціал проаналізованих драматургічних текстів В. Діброви, як, до речі, й інших постмодерних драматургів, допомагає суспільній естетичній свідомості «очистити» канонізовані ідеологічні образи від зайвого брухту та поновити їх здатність переходити саме в художню площину і спрацьовувати не на ідеологічному, а на неоміфологічному рівні.*

Міфологізація актуальної історії – одна з наріжних тенденцій сьогоденної драматургічної динаміки. Процесуальні або завершені історичні події драматургами нерідко розглядаються як семантико-міфологічне ядро, здатне породжувати безліч центробіжних сюжетів: саме тому навіть повне завершення актуальної історичної колізії не є перешкодою для її «домислювання» або моделювання нових сюжетних відгалужень. Історія тоталітарних режимів ХХ століття сучасною драмою інтерпретована як великий міфологічний цикл, що може безкінечно обростати новими художніми асоціаціями, відповідно – новими мікросюжетами, спроможними центрувати й безкінечно тиражувати подальше міфотворення. Це свідчить про новий, дискретно-гібридний рівень міфологізації певних локальних біографічних фактів з життя знакових історичних постатей ХХ століття (окремі факти стають лише «маркерами», уможливаючи бодай якусь референцію, яка, втім, нерідко одразу підпадає деконструкції) та довільну інтерпретацію драматургами цих новітніх міфологічних кодів. У будь-якому випадку загальний вектор жанрологічного розвитку п'єс, у центрі яких опиняються подібні історичні постаті, демонструє принциповий відхід від засад актуального ще для 80-х документалізму з його прихильністю до гіпотез і версій лінійної історії. Драматурги кінця ХХ – початку ХХІ століття натомість досить уважно реінтерпретують різні модерністські текстові стратегії, наріжним каменем яких справедливо вважають окремі, зазвичай ізольовані аспекти і зв'язки дійсності (скоріш побічні, аніж суттєві, здебільшого випадкові чи виокремлені довільно), що призводить до канонізації певних ресурсів образної системи при відмові від «фігуративної» зображальності на користь суб'єктивістської гри з відстороненими від актуальної історії образами-символами та довільними, нерідко периферійними «уламками» попередніх образних систем, не випадково подібну нову якість культури Гі Дебор називає «суспільством вистави». Але сучасна драматургія практично відмовляється від модерністського конструкта історичної персоналії як ніцшеанської надлюдини, у постмодерній інтерпретації дезінтегровані історичні персонажі набувають зовсім інших рис: фарсових, клоунадних, маріонеткових, вони майже повністю вириваються з закріплених за ними раніше історичних контекстів та амплуа і переміщуються у штучні та ризоморфні сценічні ситуації, постаючи в них фрагментованими, недетермінованими, невловимими, чим, власне, усуваються сама можливість історії та місіонерський статус відповідних жанрів, що обслуговували її на теренах драматургії.

Література та примітки

1. Андреев М. Средневековая европейская драма. Происхождение и становление. – М., 1989. – 215 с. 2. Бодріяр Ж. Симулякри і симуляція: Пер. з фр. – К., 2004. – 230 с. 3. Боров Ю.Б. Эстетика. Теория литературы: Энциклопедический словарь терминов. – М., 2003. – 275 с.

4. Дебор Ги. Общество спектакля: Пер. с фр. – М., 2000. – 184 с. 5. Дживелегов А.К. Итальянская народная комедия. Commedia dell'arte. – М., 1962. – 288 с. 6. Діброва В. Довкола столу: П'єси. – К., 2005. – 296 с. 7. Залеська-Онишкевич Л. Персонажі і проблеми ідентичності: історія, нація, релігія і гендер в українській пострадянській драматургії // Українське суспільство на шляху перетворень: західна інтерпретація: Пер. з англ. – К., 2004. – С. 279–292. 8. Клековкін О.Ю. Сакральний театр: Генеза. Форми. Поетика (Структурно-типологічне дослідження). – К., 2002. – 272 с. 9. Мережинская А.Ю. Художественная парадигма переходной культурной эпохи: Русская проза 80–90-х годов XX века. – К., 2001. – 433 с. 10. Постмодернизм. Энциклопедия. – Мн., 2001. – 1040 с. 11. Сапронов П.А. Власть как метафизическая и историческая реальность. – СПб., 2001. – 816 с. 12. Эпштейн М.Н. Постмодерн в русской литературе. – М., 2005. – 416 с.

¹ На теоретичному рівні певну спорідненість методологічних стратегій соціалістичного реалізму та східнослов'янського постмодернізму обґрунтовано М. Епштейном та Г. Мережинською. В. Діброва, по суті, не на теоретико-літературному, а на естетичному рівні самостійно доходить аналогічних висновків, які завуальовує в комплексному жанровому форматі «псевдоісторії», «історичного театра абсурду», «перформативної історії», «перманентної історії поза референцією».

В статье на примере текстов пьес В. Дибровы рассмотрены художественные стратегии современной драматургии, которая интерпретирует знаковый исторический материал. Определены продуктивные жанровые границы подобных текстов, проанализированы их содержание и историко-литературные преформы. Зафиксированы конкретные механизмы размывания и перформирования современной драмой политико-идеологических метанарративов XX в.

Ключевые слова: современная драматургия, постмодернизм, метанарративы, жанровые границы, мифологизация.

У статті на прикладі текстів В. Діброви розглянуто художні стратегії сучасної драматургії, котра інтерпретує знаковий історичний матеріал. Визначені продуктивні жанрові кордони подібних текстів, проаналізовані їх зміст та історико-літературні преформи. Зафіксовані конкретні механізми розмивання та перформування сучасною драмою політико-ідеологічних метанаративів XX ст.

Ключеві слова: сучасна драматургія, постмодернізм, метанаративи, жанрові кордони, міфологізація.

An article explores the estatic strategies of modern dragmaturgy, that changes main historical material. V. Dibrova's dramas are used as the example. Productive genre borders of this kind of texts are defined, their contents and historical and literatural previous forms are analized. The concrete alorhytms of changing and performing by modern drama of political and ideological metanarratives are fixed.

Key words: modern dragmaturgy, postmodern, metanarratives, genre borders, mythologization.

О. І. Вовк

ФОРМУВАННЯ ГРАМАТИЧНОЇ КОМПЕТЕНЦІЇ СТУДЕНТІВ-ФІЛОЛОГІВ У ПРОЦЕСІ ОВОЛОДІННЯ АНГЛІЙСЬКОЮ МОВОЮ

Метою цієї статті є висвітлити особливості формування граматичної компетенції (далі ГК) у студентів мовних ВНЗ під час оволодіння іноземною мовою.

Проблему формування ГК досліджували такі вітчизняні та зарубіжні вчені, як М.М. Вятютнев, Т.А. Лопарева, Н.К. Скляренко, Л.М. Черноватий, С.П. Шатілов, L. Bachman, M. Canale, N. Chomsky, D. Hymes, J. Munby, S. Savignon, M. Swain та ін.

ГК є складовою лінгвістичної (мовної) компетенції, яка, у свою чергу, входить до структури комунікативної компетенції. Лінгвістична компетенція забезпечує змістовий бік комунікативної компетенції в іноземній мові та традиційно представляється як набір дидактичних одиниць у розділах лексики, граматики та фонетики. Вважається, що **лінгвістична компетенція** передбачає: а) здатність розуміти / продукувати необмежену кількість правильних у мовному відношенні речень за допомогою засвоєних мовних знаків і правил їхнього поєднання [1, с. 35]; б) здатність конструювати граматично правильні форми і синтаксичні побудови, а також розуміти смислові відрізки у мовленні, організовані відповідно до існуючих норм мови, та використовувати їх у тому значенні, в якому вони вживаються носіями мови в ізольованій позиції [2, с. 4]; в) знання системи мови і правил її функціонування в іншомовній комунікації [3, с. 9].

Н. Хомський розмежував знання системи мови (*idealized competence*) та володіння мовою (*performance or actual production and comprehension of language*) [1, с. 35]. Частково погоджуючись із таким розмежуванням, Р. Кемпбел і Р. Вейлз, водночас, зазначали, що розуміння Н. Хомським цих термінів не включає ніякого посилання на відповідність висловлювання певній ситуації чи контексту (*appropriateness of an utterance to a particular situation or context*) або його соціокультурну значущість (*sociocultural significance*), а отже, не відображає всю глибину їхнього смислу [4, с. 249].

Д. Хаймс вважав, що ГК є лише одним із компонентів знань, якими володіють носії мови. Тому він запропонував термін «комунікативна компетенція» (далі КК), яка, на його думку, охоплює соціолінгвістичну, контекстуальну і граматичну компетенції [5, с. 75].

У 1970-х роках деякі науковці почали вживати КК як поняття, яке було відмінним від граматичної або лінгвістичної компетенції. Часто під

КК розуміли виключно знання чи здібності використовувати правила мови, а під ГК – правила граматики [6, с. 4].

У дослідженні С. Савіньон визначення КК уже не вміщувало лінгвістичну компетенцію як один із її компонентів: автор характеризувала КК як здатність одного або декількох співрозмовників функціонувати у дійсно комунікативному оточенні, тобто у динамічному обміні, в якому лінгвістична компетенція має адаптуватися до певної вхідної інформації, як лінгвістичної, так і паралінгвістичної [7, с. 8]. С.Савіньон вважала, що використання мимічних, кінетичних і просодичних засобів спілкування, зокрема виразів обличчя, жестів та інтонації також робить внесок у процес комунікації, але, на її думку, лінгвістичну точність (хоча вона має певну важливість) слід розглядати лише як одну із складових комунікативного обміну. Автор також розмежовувала компетенцію та володіння мовою: компетенцію вона вважала здатністю, наявністю якої припускається (*a presumed underlying ability*), а володіння мовою – проявом такої здатності (*the overt manifestation of that ability*) [7, с. 15]. «Компетенція – це те, що людина знає, а володіння – це те, що вона робить. Хоча, лише володіння є помітним і лише через володіння можна розвинути, підтримувати та оцінити компетенцію» [7, с. 15].

С. Савіньон розглядає компетенцію як відносне, а не абсолютне поняття, тому, на її думку, слід говорити лише про ступінь володіння КК [7, с. 15].

Інші науковці вважають, що роль ГК є суперечливою. Наприклад, Дж. Мунбі наголошує на необхідності включення ГК до складу КК [8, с. 113]. Якщо не включати ГК до складу КК, то це може призвести до таких висновків: 1) ГК і КК мають формуватись окремо, з акцентом, переважно, на граматиці; 2) ГК є не важливим компонентом КК [9, с. 5], а отже порушується одне із основних положень комунікативного навчання, відповідно до якого навчання граматичного боку іншомовного спілкування має відбуватись у процесі мовленнєвої діяльності людини [10, с. 15].

М. Кенейл і М. Свейн акцентують, що і ГК, і соціолінгвістична компетенція є важливими елементами КК. Вони, з одного боку, погоджуються з Д. Хаймсом, який підкреслював, що існують правила граматики, які є марними без правил користування мовою, а з іншого боку, стверджують, що існують правила користування мовою, які є марними без правил граматики [9, с. 5].

М. Кенейл і М. Свейн наголошували також, що оволодіння другою мовою буде ефективнішим, якщо використання граматичного матеріалу не буде відірвано від значущого контексту [9, с. 24], і що інтеграція різних компетенцій має бути основною метою у комунікативному навчанні [9, с. 27].

Посилаючись на Р. Кемпбела і Р. Вейлза (1970), Д. Хаймса (1972), С. Савіньон (1972), Дж. Мунбі (1978), М. Чаролза (1978), Х. Відеусана

(1978), М. Кенейл і М. Свейн сформулювали свою **структуру КК**, яка складається з чотирьох основних компонентів: 1) ГК; 2) соціолінгвістичної компетенції; 3) дискурсивної компетенції; 4) стратегічної компетенції [9, с. 43].

Автори визначають **ГК** як ступінь володіння мовцем лінгвістичним кодом, включаючи знання лексики, правила вимови і правопису, морфології та синтаксису. Вони підкреслюють, що така компетенція є важливим аспектом комунікативного підходу, в якому адекватність та точність розуміння і продукування мовлення є пріоритетними цілями [9, с. 43].

Соціолінгвістична компетенція (*sociolinguistic competence*) визначається авторами як здатність адекватно розуміти і використовувати другу мову в різних контекстах для вираження специфічних комунікативних функцій, таких як опис, розповідь, переконання, узагальнення, висновки тощо [9, с. 45]. Авторами робиться особливий наголос на необхідності оволодіння регістрами спілкування [9, с. 45], що передбачає знання стилів комунікації від офіційного до неофіційного як в усному, так і в писемному дискурсі [11, с. 78].

Дискурсивна компетенція (*textual competence*), на думку авторів, передбачає здатність досягати зв'язності між думками та формою їхнього вираження (*cohesion in form and coherence in thought*). Людина, яка володіє засобами зв'язку, знає, як використовувати займенники і граматичні конектори (сполучники, прислівники тощо) для досягнення єдності думки і цілісності тексту [9, с. 45].

Стратегічна компетенція (*strategic competence*), як вважають автори, передбачає здатність використовувати вербальні та невербальні комунікативні стратегії для компенсації мовних знань мовця. Науковці додають, що соціокультурна компетенція використовується також для підсилення риторичної ефективності комунікації (*enhancing the rhetorical effectiveness of communication*) [9, с. 46].

Л. Бахман пропонує свою **модель КК**, яку він називає комунікативною мовною здатністю (*communicative language ability*), котра вміщує такі компоненти: 1) лінгвістичну (мовну) компетенцію; 2) стратегічну компетенцію; 3) психофізіологічні механізми. Перший компонент передбачає володіння різними видами знань, які використовуються у процесі комунікації через мову, в той час як другий і третій компоненти включають розумові здібності та фізичні механізми, за допомогою яких ці знання використовуються у процесі комунікації [12, с. 84].

Л. Бахман ототожнює перший компонент – **лінгвістичну (мовну) компетенцію** – зі знанням мови, але додає до неї ще два головних типи компетенцій, які він називає здатностями (*abilities*). Перший тип – це **організаційна компетенція** (*organizational competence*), яка співвідноситься з **ГК**, що відповідає за контроль формальної структури

мови, та **текстовою компетенцією** (*textual competence*), що передбачає знання побудови дискурсу [12, с. 85].

Другий тип компетенції автор називає **прагматичною компетенцією** (*pragmatic competence*), якій підпорядковуються **ілокутивна компетенція** (*illocutionary competence*), що передбачає функціональне використання мови, та **соціолінгвістична компетенція** (*sociolinguistic competence*), що передбачає відповідність мови контексту, в якому вона використовується. Подальший розподіл підкомпонентів моделі КК такий: ГК контролює лексичний, морфологічний, синтаксичний, фонетичний та орфографічний аспекти мови; текстуальна компетенція відповідає за зв'язність і риторичну організацію мовлення. Ілокутивна компетенція відповідає за контроль функціональних властивостей мови, таких як здатність виражати думки та емоції (*ideational functions*); використовувати мову для навчання і для вирішення проблем (*heuristic functions*); бути творчим у використанні мови (*creative functions*). Нарешті, соціолінгвістична компетенція відповідає за відчуття стилю та діалекту мови, природність чи автентичність використання мови (*native-like use of language*), розуміння культурологічних референтів (*cultural referents*) і мовних тропів (*figures of speech*) [12, с. 87–98].

Отже, як очевидно, ГК не можна розглядати окремо від інших компетенцій, а лише в межах багатокомпонентної КК.

Підсумовуючи сказане вище, можна зробити висновок, що **КГ** передбачає: а) системне знання лексичного, морфологічного, синтаксичного, фонетичного та орфографічного аспектів мови для побудови осмислених і зв'язних висловлювань; б) володіння граматичними поняттями, а також засобами вираження граматичних категорій; в) знання стилістичних особливостей виучуваної іноземної мови; г) автентичність використання мови; д) навички і вміння адекватно використовувати граматичні явища в мовленнєвій діяльності в різноманітних ситуаціях спілкування для розв'язання комунікативних задач і вирішення проблем; е) вміння використовувати граматичні явища як засоби навчання.

Таким чином, лінгвістична граматична компетенція – це складне явище, що передбачає володіння певними знаннями, навичками і вміннями, здатність до виконання мовленнєвої діяльності засобами іноземної мови, а також вміннями передавати наявні знання у процесі навчання.

Перспектива подальшого розгляду проблеми формування ГС вбачається у дослідженні зв'язку граматичної та стилістичної компетенцій.

Література

1. Хомский Н. О понятии «правило грамматики» // Новое в лингвистике. – М., 1965. – Вып. IV. – С. 34–65. 2. Структура и

содержание образовательного стандарта в области иностранного языка на основе компетентностного подхода. Компетенции и критерии оценки. www.relod.ru/teachers_english/clauses/competent. **3. Лопарева Т.А.** Обучение грамматической стороне речи немецкого языка как второго иностранного в условиях субординативной триглоссии (специальный вуз): Автореф. дис. ... канд пед. наук: 13.00.02 / Ярославск. гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского. – Ярославль, 2006. – 24 с. **4. Campbell, R. and Wales, R.** The Study of Language Acquisition // New Horizons in Linguistics / J.Lyons, ed. – Harmondsworth, England: Penguin Books, 1970. – P. 248–253. **5. Hymes, D.** On Communicative Competence // Sociolinguistics / J.B.Pride and J. Holmes, eds. – Harmondsworth, England: Penguin Books, 1972. – P. 73–91. **6. Hadley, O.A.** Teaching Language in Context. – Urbana-Champaign, Illinois: Heinle & Heinle, 2000. – 498 p. **7. Savignon, S.J.** Communicative Competence: An Experiment in Foreign Language Teaching. – Philadelphia: Center for Curriculum Development, 1972. – 178 p. **8. Munby, J.** Communicative Syllabus Design. – Cambridge: Cambridge University Press, 1978. – 244 p. **9. Canale, M. and Swain, M.** Theoretical Bases of Communicative Approaches to Second Language Teaching and Testing // Applied Linguistics. – 1980a. – P. 1–47. **10. Brown, H.D.** Principles of Language Learning and Teaching. – Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1994. – 92 p. **11. Вовк О.І.** Співвідношення комунікативного і когнітивного у навчанні практичної граматики англійської мови студентів-філологів // Вісн. Черкас. ун-ту. Сер: Пед. науки. – Черкаси: Вид-во ЧНУ, 2006. – Вип. 93. – С. 9–17. **12. Bachman, L.F.** Fundamental Considerations in Language Testing. – Oxford: Oxford University Press, 1990. – 210 p.

В статье рассматривается актуальная проблема формирования грамматической компетенции студентов-филологов в процессе овладения иностранным языком.

Ключевые слова: лингвистическая грамматическая компетенция, коммуникативная компетенция, социокультурная компетенция, стратегическая компетенция, дискурсивная компетенция, организационная компетенция, иллокутивная компетенция.

У статті розглядається актуальна проблема формування граматичної компетенції студентів-філологів у процесі оволодіння іноземною мовою.

Ключові слова: лінгвістична граматична компетенція, комунікативна компетенція, соціокультурна компетенція, стратегічна компетенція, дискурсивна компетенція, організаційна компетенція, ілокутивна компетенція.

The article focuses on the important problem of the development of the grammatical competence in students of the linguistic schools in the process of foreign language acquisition.

Key words: linguistic grammatical competence, communicative competence, sociocultural competence, strategic competence, textual competence, organizational competence, illocutionary competence.

Н. А. Волкова

ПРИЕМЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЖИВОЙ РЕЧИ В ДИАЛЕКТАХ (К ПРОБЛЕМЕ ВЫБОРА ИНФОРМАНТА)

В современных русских диалектах наблюдаются интенсивные процессы развития, затрагивающие различные уровни языковой структуры. Степень интенсивности этих процессов обусловлена не только облигаторным характером воздействия русского литературного языка, но и внутренними факторами, которые определяют специфику диалектной системы и степень её устойчивости. Одним из таких факторов является то, что диалектные системы в российском обществе (в отличие, например, от немецкого) служат средством устного общения определённого социума, преимущественно принадлежащего к среде сельского населения и имеющего социально обусловленный низкий или средний уровень грамотности. Сфера использования диалекта преимущественно ограничена семейными и бытовыми ситуациями.

Устная диалектная речь значительно более свободна в выборе языковых средств, необходимых для передачи того или иного содержания, чем устная форма литературного языка. Устная форма существования русских народных говоров обуславливает относительную устойчивость тех диалектных черт, которые актуализируют современные диалектные системы.

Диалектная система, реализующаяся в речи любого индивидуума, говорящего на одном национальном языке, всегда территориально соотнесена с каким-нибудь одним населённым пунктом. Для каждого населённого пункта характерна своя частная диалектная система, которая в принципе репрезентирует диалектную систему ареала. Существенной особенностью функционирования современных диалектов является определённая специфика языкового сознания носителей диалекта, которая заключается в том, что отношение к собственному диалекту, как естественному и единственному средству общения, замещается отчётливо выраженной ориентацией на языковые средства литературного языка. Об этом хорошо известно в диалектной науке. Это отмечал ещё С. С. Высотский, когда по следам А. А. Шахматова изучал говор деревни Лека: «Это стремление отгородиться от своих “серых” восточных соседей мы встретили и ещё далее на запад, уже в Егорьевском районе. Там прямо указали, что жителей некоторых деревень южной окраины Ялмоти называют “мещорой”, что равнозначно кличке “лапотник”, “житель серой стороны”» [1, с. 9]. Понимание специфики своего диалектного произношения и отличия его от нормированного литературного языка обычно чётко осознаётся диалектоносителями. Это отмечено составителями Звучащей хрестоматии севернорусских говоров

[2]. «У самих носителей непрестижных форм языка может сформироваться негативное отношение к своему языку, желание его изменить или заменить. Но только в том случае, если индивидуум выходит за пределы своего социума, контактирует с носителями престижных с его точки зрения форм языка и испытывает языковое давление новой среды. Вне таких контактов негативное отношение к диалекту в среде его носителей не складывается, и диалект остаётся достаточно стабильным, успешно обслуживая коммуникативные потребности своих носителей. Вообще отрицательная оценка своего языка спонтанно не формируется – сравни часто встречаемое ироническое отношение диалектоносителей к соседним диалектам, но никогда к своему» [3, с. 116]. Во время работы с информантами в курском регионе мы ни разу не столкнулись с фактом уничижительного отношения к своему «курскому», «щигровскому» или «суджанскому» языку. Никто, если к этому сознательно не подталкивают экстралингвистические обстоятельства, не фиксирует личным персонифицированным сознанием своей «языковой» неполноценности и не замечает в таких ситуациях собственного диалектного языка. Это не отмечалось и ранними исследователями курских говоров тоже. Нигде не отмечено это и Н. П. Гринковой при фундаментальном исследовании воронежских говоров в пятидесятые годы прошлого столетия [4]. Возможно, это объясняется ментальностью носителей южнорусских диалектов. Надо сказать, что это отмечено на XIII Международном съезде славистов в докладе М. Краузе, К. Саппока и др. «Ментальные диалектные карты и оценка диалектов в России: метаязыковое знание и оценка диалектов». Авторы полагают, что существенным компонентом современной языковой ситуации является оценка в общественном сознании диалектных форм языка. Для выявления этой оценки авторы провели эксперимент среди городского населения г. Курска, г. Кирова, г. Перми. Севернорусские говоры всеми испытуемыми оцениваются как неприемлемые, весьма далёкие от стандарта, южнорусские же, особенно *курские, напротив, обнаруживают в основном, позитивный имидж и оцениваются испытуемыми позитивно, как близкие к стандарту.* [5, с. 111]. На сегодняшний день это и есть реальная языковая жизнь в её синхронии, которая охватывает культурно-историческую зону курского региона.

Русский диалектный ландшафт перманентно изменяется, диалектные изоглоссы в большинстве своём под натиском литературного языка в течение многих десятилетий «дрогнули», стали неустойчивыми и изменили свою конфигурацию [6, с. 38]. На месте классических, «хрестоматийных» диалектов возникают новые переходные состояния от диалектной речи к формам разговорного литературного языка.

«Социально-политические процессы, характерные для русского общества в первой половине XX века (включая 70-е годы), вызвали изменения в русском диалектном континууме, сократив его

насыщенность диалектными идиомами. В то же время диалекты, существующие в условиях территориальной и временной преемственности, вопреки официальной языковой политике демонстрируют определённый структурный консерватизм, естественно присущий живому языку. Это заставляет с сомнением относиться к тезису, согласно которому русские диалекты в современной языковой ситуации якобы занимают периферийное место, отведенное языковым реликтам. Территориальные диалекты – это варианты современного русского языка, которые для значительной части его носителей являются нормальным средством коммуникации. Русские диалекты, как любой язык, осуществляя духовную преемственность нации, является феноменом культурного наследия, а сохранение диалектов отнюдь не является проявлением отсталости языка или несостоятельности культурных сил, действующих в обществе [3, с. 123].

Можно говорить об определённой совокупности методов исследования, которыми пользуется современный диалектолог. В целом методы работы в диалектных условиях можно классифицировать следующим образом: методы сбора материала, методы его обработки и методы оценки достоверности полученных данных.

Одним из традиционных и основных способов получения диалектного материала является *наблюдение* над языком респондентов (термин социологический), или информантов (термин диалектологический). Ни одна наука не отказывается от такого испытанного методического приёма. Наблюдение даёт материал, стимулирующий научное познание действительности, в частности, языка. Но надо сказать, что воздействие наблюдателя на объект наблюдения бывает различным. В социологии известен так называемый «хоторнский эффект», когда испытуемые, гордясь тем, что им уделяют внимание ученые-исследователи, всячески старались оправдать интерес к себе [7]. Хоторнский эффект действует также и при изучении речевого поведения человека: испытуемый хочет показать себя с лучшей стороны, угодить исследователю. В одних случаях он старается говорить «культурнее» либо, наоборот, утрирует в своей речи то, что сам считает отклонением от узуса. Эти интенции (намерения) зависят от того, как испытуемый, в частности, диалектоноситель, интерпретирует ожидания исследователя. Это положение У. Лабов назвал парадоксом наблюдателя: «целью лингвистических исследований речевого коллектива является выяснение того, как говорят люди, когда за ними не ведётся систематического наблюдения; а получить такие данные можно лишь путём систематических наблюдений» [8, с. 121]. Существуют разные методы уменьшить воздействие наблюдателя на изучаемые им процессы, происходящие при речевом общении эксплоратора и информанта. Например, в науке существует способ скрытого наблюдения над языком информанта. При этом реципиент фиксирует особенности речевого поведения изучаемого объекта, не ставя его в известность. И тогда

исследователь получает более качественные и объективные данные, чем в тех случаях, когда он объявляет о своих исследовательских намерениях. Таким способом производил свои наблюдения над языком старообрядческой общины, где вообще невозможно было вести никаких записей, выдающийся фонетист-экспериментатор С. С. Высотский. Он делал записи, не вынимая правой руки из кармана [7, с. 281]. Чаще всего исследователь руководствуется этическими соображениями и не скрывает своих намерений от диалектоносителей. Но для того, чтобы получить необходимую объективную информацию об интересующих лингвиста языковых особенностях, иногда ему приходится искажать истинную цель исследования – наблюдение над языком информантов. Исследователь вынужден формулировать задачу перед информантами по-иному. Например, заявить, что его цель – историческое или культурологическое исследование региона. Тогда информант, не догадываясь об истинной цели лингвиста-диалектолога, не будет следить за своим языком, и общение приобретёт нужное направление. Конечно, такой подход возможен лишь при изучении фонетических или грамматических особенностей диалекта и затруднителен при исследовании диалектной лексики. При использовании всех видов наблюдения речевой материал фиксировался на магнитофонную плёнку и реже – вручную. По этическим соображениям предпочтительной является такая ситуация, когда звукозаписывающая аппаратура работает открыто. Е. А. Земская говорит о том, что снятию эффекта микрофона способствует длительность беседы с информантом, затрагивание близких индивиду тем, непринуждённость в общении. Необходимо натолкнуть информанта на рассказ о таких событиях его собственной жизни, которые особенно памяты, дороги, интересны, или связаны с опасностью, риском и т. п. При этом условии, как правило, информант скоро перестаёт обращать внимание на магнитофон, и его речь делается непринуждённой. Подобные приёмы, используемые при наблюдении, способствуют большей естественности в поведении информантов, и тем самым исследователь получает материал, наиболее адекватно отражающий речевое поведение диалектоносителей, проявление диалектных особенностей в их речи.

Проблема отбора информантов важна при любом лингвистическом исследовании. Задачи, которыми занимается лингвист, всегда привязаны к определённому социуму. С проблемой выборки информантов всегда сталкивается в полевой работе диалектолог. При этом первый попавшийся или даже «среднестатистический» носитель диалектного языка не совсем годится. Подходящих информантов помогают найти квалификация, исследовательский и жизненный опыт специалиста-диалектолога. Одни носители говора могут оказаться наиболее пригодными для продуцирования связных текстов, другие – для сбора словарных материалов и фразеологии, третьи оказываются хороши для изучения фонетики говора. Каждый, кому приходилось заниматься

полевой работой, знает, как сложно найти хорошего информанта, который легко справляется с синтаксическими и морфологическими трансформациями, а подчас и сам включается в научный поиск. В первую очередь привлекали внимание «классические» носители диалекта – пожилые, малограмотные люди. С ними обычно связывают пока ещё доступные старейшие проявления диалектов, в меньшей степени подверженные влиянию других систем, в частности, литературного языка.

В ходе диалектологического обследования региона производились записи на магнитную плёнку живой диалектной речи жителей разных районов Курской области в целях сохранения живого диалектного языка, стремительно уходящего из современной жизни. Спонтанная речь – это наиболее привычная, естественная разновидность устной речи индивида. При наблюдении непринуждённой связной речи можно получить наиболее реалистические сведения о закономерностях звуковой стороны диалектного языка. При сборе диалектного материала мы стремились зафиксировать разные формы речепроизводства наших информантов: это тексты – монологи (их наибольшее количество), в которых ведущая роль принадлежит говорящему – адресанту, но тему задаёт эксплоратор – адресат. Чтобы обеспечить иллокутивность акта коммуникации, необходимо тщательно создать соответствующую обстановку для записи беседы на магнитофон, приблизить ситуацию ведения дискурса к наиболее естественным условиям для информанта. Немаловажной представляется лёгкость достижения контакта исследователя с информантом, утомляемость последнего и другие психологические особенности обследуемого. Лингвист-диалектолог может остановить свой выбор на двух-трёх основных информантах, репрезентирующих говор того или иного населённого пункта, иногда прибегая к контрольным проверкам языковых фактов у других носителей языка. Подобный отбор, например, в социологии называют целевой выборкой. Для описательной диалектологии, где не предполагается статистическая обработка материала, целевая выборка является ведущим, и, бесспорно, наиболее продуктивным способом подбора информантов. Термин «целевая выборка» коррелирует с кластерной выборкой, так как мы имеем дело с территориальными диалектами. Кластер от англ. cluster, букв. «пучок, куст», а также «группа» с последующей выборкой индивидов в пределах кластеров. Как уже указывалось, преимущество при собирании диалектного материала отдавалось языку представителей старшего поколения, носителей традиционного или «архаического слоя говора»; особенно ориентация была направлена на пожилых женщин, постоянно проживающих в данной местности, ибо язык женщин в большей мере сохраняет, «консервирует» диалектные особенности.

Большую лингвистическую информацию несут такие жанры речевой деятельности, как диалоги. В них происходит обмен мнениями, ведётся разговор о житейских проблемах, заботах сегодняшнего дня, о

волнующих моментах личной жизни. Успешно используется при работе с информантами жанр воспоминаний о прошлом: о сватовстве и свадьбах, о жизни в родительском доме в детстве, о совместной работе на земельном участке и сенокосе, о гуляньях после трудового дня и праздниках, гаданиях, забавах отрочества и молодости. Каждый пожилой житель Курской области имеет свои тяжёлые воспоминания о Великой Отечественной войне, о немецкой оккупации, о взаимоотношениях людей в это жёсткое время, о случайных и неминуемых встречах с врагом.

В этих условиях возникает оптимальная речевая ситуация, когда информант абстрагируется от эксплоратора и его речевое поведение и языковое выражение наиболее естественно. Раскрывается прагматикон носителя говора как языковой личности. Таким образом, создание условий для осуществления естественной для носителей говора речевой ситуации обеспечивает наиболее качественный диалектный материал, получаемый в результате акта коммуникации.

Ценность записей устной спонтанной диалектной речи может быть сопоставима лишь с ценностью таких речевых памятников, как берестяные грамоты. А. А. Зализняк пишет, что не подтвердилось представление о берестяных грамотах как о малограмотных в своей массе документах. При анализе берестяных грамот оказывается необходимым тот же «уважительный» подход к тексту, что и для памятников книжной письменности. Такого же уважительного подхода заслуживают и записи спонтанной диалектной речи. Звуковая организация спонтанной диалектной речи представляет собой значительный материал для типологического описания различных систем русских народных говоров. Из него можно восстановить как отдельные фрагменты языковой системы, так и систему в целом. Знакомясь с территориальным диалектом, можно многое узнать из того, что позволяет глубже понять историю русского языка, ибо говоры сохраняют древнейшие языковые особенности, которые в наше время уже утрачены. В настоящее время наблюдается неоднородность, некоторая «слоистость» внутри говора, иначе говоря – дифференциация, связанная с культурно-возрастной дифференциацией носителей говора, т.к. современные носители диалекта в разной степени овладевают элементами литературного языка в зависимости от возраста, уровня образования, профессии, рода занятий. О неоднородности, расслоении системы современных говоров, о выделении носителей традиционного слоя (старшее поколение) и прогрессивного слоя (образованная молодёжь, местная интеллигенция) в современных диалектах писали известные диалектологи Р. И. Аванесов, В. Г. Орлова, К. В. Горшкова, Н. П. Гринкова, Л. И. Баранникова и др.

Литература

1. **Высотский С.С.** О говоре д. Лека (по материалам экспедиции 1945 г.) // Материалы и исследования по русской диалектологии. – М.; Л.: АН СССР, 1949. – Т. 2. – С. 3–71. 2. **Русские** народные говоры: Звучащая хрестоматия. Севернорусские говоры / Под ред. Р.Ф.Касаткиной. – М.–Бохум, 1991. – Ч. 1. – 245 с. 3. **Калнынь Л.Э.** Русские диалекты в современной языковой ситуации и их динамика // Вопр. языкознания. – 1997. №3. – С. 115–124. 4. **Гринкова Н.П.** Воронежские диалекты // Учен. зап. ЛГПИ им. А.И.Герцена. – Л., 1947. – Т. 55. – 638 с. 5. **Калнынь Л.Э., Клепикова Г.П.** Вопросы диалектологии на XIII Междунар. съезде славистов // Вопр. языкознания. – 2004. – №2. – С. 213–215. 6. **Горшкова К.В.** О верификации фонетических реконструкций (на материале славянских диалектов) // Диалектная фонетика русского языка в диахронном и синхронном аспектах. – М.: МГУ, 2001. – С. 5–8. 7. **Беликов В.И., Крысин Л.П.** Социоллингвистика. – М.: Открытое общество, 2001. – 437 с. 8. **Лабов У.** О механизме языковых изменений // Новое в лингвистике. – Вып. 7: Социоллингвистика. – М.: Наука, 1975. – 398 с.

В статье рассматриваются приемы и методы исследования живой речи в русских диалектах и проблемы, связанные с выбором информанта.

Ключевые слова: диалект, информант, диалектоноситель, экспоратор.

У статті розглядаються прийоми та методи дослідження живої мови в російських діалектах, а також проблеми, пов'язані з вибором інформанта.

Ключові слова: діалект, інформант, діалектоносіє, експоратор.

In article are considered acceptance and methods of the investigation alive speech in russian idiom and problems, connected with choice informant.

Key words: idiom, informant, dialectbearer, eksporator.

УДК 81'38 – 373.7

Э. Н. Герасименко

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В «МУЖСКОМ» И «ЖЕНСКОМ» ДЕТЕКТИВНОМ РОМАНЕ

История русского литературного языка от пушкинской поры и до нашего времени – это, как известно, путь непрерывного обогащения литературного языка словами и выражениями, почерпнутыми из живого разговорного языка народа. Одним из источников обогащения национальной фразеологии является язык писателей. Речевое творчество писателя, как и языковое творчество народа, многообразно и многосторонне. На протяжении всей истории развития национальной

культуры из произведений как видных мастеров слова, так иногда и не столь известных писателей в литературный язык входили образные выражения, языковые сравнительные обороты, меткие характеристики. Одни из них быстро исчезали из языка, другие же вошли во фразеологический фонд национального языка.

Фразеологизмы в творчестве любого писателя играют важную роль, они позволяют разнообразить язык художественного произведения, точно, метко выразить мысль. Авторы обращаются к фразеологическим богатствам родного языка как к неисчерпаемому источнику речевой экспрессии.

В данной статье мы представляем читателю наблюдения над фразеологическими единицами в детективных романах наиболее известных современных авторов А. Марининой («Украденный сон») и Ф. Незнанского («Ящик пандоры»).

Наша задача состоит не только в том, чтобы определить стилистическую роль фразеологизмов у каждого из авторов, но главное – сопоставить особенности употребления этих выражений представителями «мужского» и «женского» детектива, т.е. с точки зрения гендерной принадлежности автора.

Сейчас в отечественной лингвистике наблюдается бурный рост исследований, посвященных изучению гендерного параметра в языке и речи. В этих работах делается попытка системного осмысления и описания языка в связи с феноменом пола, создается теоретическая модель гендера и производится систематизация методологических подходов к исследованию проблемы гендера в языкознании. Объектом такого исследования, как правило, становится взаимоотношение языка и пола, т. е. вопрос о том, каким именно образом пол проявляется в языке. Параметрами гендерных исследований могут быть фонетические, лексические, морфологические особенности; грамматические ошибки; синтаксические конструкции; текст и его основные категории (модальность, связность, динамизм, предметность, сложность, предпочтения при выборе темы высказывания и типа речи) и многое другое.

В данной статье мы исследуем с точки зрения гендера особенности стилистического использования фразеологических выражений в романах А. Марининой и Ф. Незнанского. Романы «Украденный сон» и «Ящик пандоры» являются одними из первых в творчестве обоих авторов, поэтому, как нам кажется, являются наиболее удачными для стилистического анализа.

Выбор материала исследования не случаен: детективный жанр всегда был интересен читателю, а сегодня стал одним из самых востребованных и популярных. Следуя лучшим традициям детективного жанра, как Ф. Незнанский, так и А. Маринина стремятся развлечь и увлечь читателя, дать ему особую радость – возможность постижения мотивов человеческих поступков, самого процесса мышления и

основанной на логике интуиции. Эти романы являются свидетельством современной жизни и, как нам представляется, могут стать материалом для стилистического исследования.

Ограниченные объемы статьи позволяют нам рассматривать особенности употребления фразеологизмов лишь по нескольким, наиболее ярко выраженным аспектам:

- принадлежность к одной из стилистических групп;
- структура фразеологических выражений;
- эмоционально-экспрессивная окраска;
- стилистические функции фразеологизмов.

В детективных романах обоих авторов фразеология представлена в широком объеме, употребляются фразеологические выражения всех стилистических групп и эмоционально-экспрессивной окраски: межстилевые (нейтральные); книжные (высокие, торжественные, неодобрительные, ироничные); разговорно-бытовые (шутливые, ласкательные, неодобрительные, ироничные); просторечные (бранные, фамильярные, грубые), стоящие за пределами литературного языка.

Межстилевые фразеологические выражения не несут в себе никакой оценки. Например: *«шаг за шагом»*, *«одним словом»*, *«в полную силу»*, *«ни чем не хуже других»* у А. Марининой и *«все стало на свои места»*, *«умный совет»*, *«по крайней мере»* у Ф. Незнанского. Эта группа фразеологизмов очень малочисленна, как правило, встречается в авторской речи и выполняет чисто номинативную функцию. Эти фразеологизмы можно назвать нейтральными как с точки зрения стиля, так и с точки зрения эмоционально-экспрессивной окраски.

В анализируемых романах несколько чаще авторами используется книжная фразеология. В ее употреблении мы наблюдаем некоторые особенности, связанные, как нам кажется, с личностью авторов, их гендерной принадлежностью.

Анализ работ по гендерной лингвистике (Е.И. Горошко, А.В. Кириллина, Т.В. Гомон) показал, что именно для женской речи характерны склонность к употреблению престижных, стилистически повышенных форм, клише, оборотов литературно-публицистического характера.

Так, в романе А. Марининой мы обнаружили устаревшие фразеологические выражения (напр., *«на вольных хлебах»*, *«диву даваться»*, *«вот и весь сказ»*, *«падать замертво»*, *«дать соизволение»*); книжные выражения, характеризующиеся окраской торжественности, приподнятости, поэтичности (напр. *«плод запретной любви»*, *«налит болью и свинцовой тяжестью»*, *«эмоции бушуют»*, *«запылали щеки»*, *«полная чаша»*); фразеологизмы, которые часто используются в публицистике (напр., *«жертва критики»*, *«нелицеприятная тирада»*, *«обивать пороги»*, *«удручающее впечатление»*, *«уступить первенство»*, *«продвижение по служебной лестнице»*, *«темная лошадка»*).

Несколько иначе использует книжные фразеологические единицы Ф. Незнанский. В его романе мы обнаружили большое количество

фразеологизмов, связанных с профессиональной деятельностью (напр., «бросить силы», «раскручивать дело», «совещание набирало пары», «организованная преступность», «тылы прикрыты», «быстро поднять дело», «посвятить себя целиком делу», «рубить концы», «отмывать рубли», «воротилы преступного мира», «высокопоставленные чины», «боевые соратники», «правоохранительные органы»). Многие обороты употребляются Ф. Незнанским в измененном, переоформленном или обновленном виде, с иной семантикой или структурой. В этом случае они приобретают совершенно другую - насмешливую, ироничную - окраску и, как правило, сниженную оценку, что более характерно для разговорно-бытовой речи (напр., «поборники щита и меча», «советская мафия вошла в двери наших партийных организаций», «зорко следили жена и дочь», «сердцещипательные беседы»).

Необходимо отметить, что Ф. Незнанский широко использует трансформацию фразеологических единиц, т.е. видоизменяет их с определенной стилистической установкой. Так, в выражении «подсуетитесь, ваша светлость, а то мы умрем голодной смертью» используется прием контаминации: соединяются два вида фразеологических выражений – книжная устаревшая форма речевого этикета и разговорный фразеологизм, что усиливает экспрессивную окраску, добавляет ироничности, усиливает сатирический эффект. При создании фразеологизированных выражений «славные мафиозники», «поборники щита и меча» автор использует оксюморон. Еще один способ видоизменения фразеологических выражений, используемый Ф. Незнанским, - полная или частичная замена компонентов: «сердцещипательные беседы», «собаке под хвост», «пенсия – щенок насикал», «вне себя от радости» (ср. «душещипательная беседа», «коту под хвост», «пенсия – кот наплакал», «вне себя от злости»), также обнаружена синонимическая замена компонентов: «усугублять репутацию» (ср. «подмочить репутацию»), «главный законник (в значении прокурор) Москвы». При использовании трансформации появляется новое художественное качество фразеологических выражений. Ф. Незнанский различными стилистическими средствами стремится ввести дополнительную экспрессию, усилить или изменить (как правило, снизить) оценку, добавить юмористический, иронический, часто сатирический элемент, придать каламбурное звучание фразеологизму. Подобные фразеологические выражения чаще всего встречаются в речи героев, находящихся в состоянии крайнего раздражения или возмущения; для выражения ироничного, скептического, порой презрительного отношения к вышестоящим; а также для того, чтобы подчеркнуть необразованность, иногда глупость своих персонажей.

В романе А. Марининой подобные трансформации встречаются крайне редко. Нами были обнаружены фразеологические выражения, очень напоминающие поговорки: «найти жемчужину в куче зерна»,

«умственная лень – страшный порок», а также поговорки в «чистом» виде: «в час по чайной ложке», «шаг вперед – два назад».

Таким образом, данные наблюдения показали, что в тексте «мужского» детектива при стилистическом отборе фразеологических единиц отмечается более сильное влияние фактора «профессия», большая, по сравнению с «женской», тенденция к использованию экспрессивных, стилистически сниженных средств. Для «мужского» романа характерно использование творчески обработанных фразеологических выражений с обновленной семантикой, структурой и экспрессивно-стилистическими свойствами. Эти особенности также были отмечены в гендерных лингвистических исследованиях как типичные черты «мужской» речи.

Приведенные примеры преобразованных фразеологических единиц в основном относятся к разговорно-бытовой группе с точки зрения их стилистической окраски. И это не случайно. Как в романе А. Марининой, так и в романе Ф. Незнанского преобладает (около 80 %) разговорно-бытовая фразеология, которая преимущественно употребляется в устной речи, диалогах героев и имеет самую разнообразную эмоционально-экспрессивную окраску. Эти фразеологические выражения имеют образный характер и вносят в речь оттенок непринужденности и простоты, «при их помощи писатель добивается яркости и сочности языка, воспроизводя излюбленные средства народного выражения» [3, с. 42]. Используя их в речи персонажей, автор делает фразеологические обороты одним из средств стилистико-речевой характеристики.

Говоря об особенностях использования подобных фразеологических выражений, считаем необходимым отметить, что в своих текстах А. Маринина отдает предпочтение разговорно-бытовым фразеологическим оборотам, характеризующимся лексической неделимостью, устойчивостью и нерасчлененным значением (напр., «бить баклуши» = бездельничать; «прикусить язык» = молчать; «в час по чайной ложке» = медленно, мало; «диву даваться» = удивляться; «выше крыши» = много и т.д.). Основная часть обнаруженных нами разговорно-бытовых фразеологизмов используется в их первоначальном, нетрансформированном виде (напр., «опять двадцать пять», «дежурный вопрос», «тридцать три удовольствия», «плакаться в жилетку», «числиться в любимчиках»), что еще раз подтверждает склонность к использованию в «женской» речи более стандартных, общеизвестных и понятных всем выражений. Стремясь быть понятой, желая наладить контакт с читателем, подтянуть его до своего уровня, А. Маринина часто дает пояснения, раскрывает значение используемых ею фразеологических выражений (напр., *По крохам собираем, по крупницам, медленно, в час по чайной ложке. Девчонка топчется на одном месте, шаг вперед – два назад. Та (девушка) была попроще, без особых претензий. Шаг за шагом, буквально по минутам.*). Такое

речевое поведение вообще свойственно женщинам, т.к. они ориентированы на тактику «коммуникативного сотрудничества» [4, с. 52].

Совершенно иной подход к использованию разговорно-бытовой фразеологии мы наблюдаем в текстах Ф. Незнанского. Во-первых, большая часть такой фразеологии имеет ярковыраженную сниженную эмоционально-экспрессивную окраску со значениями презрения, неодобрения, пренебрежения, иронии и т.д. (напр., «*в бутылку полез*», «*понес чепуху*», «*мотать душу*», «*мокрое дело*», «*изобразить героя*», «*днем с огнем не найдешь*», «*наобещал семь верст до небес*»). Во-вторых, как уже было отмечено выше, большинство разговорно-бытовых фразеологических выражений автор трансформирует, обновляя их семантику, структуру и экспрессивно-стилистические свойства (напр., «*в голове салат «оливье» образовался*», «*его лицо не лишено приятности, но все-таки какое-то бабье*»). Созданные писателем фразеологические единицы, как испытанный традиционный прием, используются для выражения своего отношения к героям (напр., «*поборники щита и меча*», «*разношерстная публика*», «*подозрительные людишки*», «*увядшая блондинка*», «*девицы прокуратурские*», «*дура старая*», «*рыжая сатана*», «*курица мокрая*»). Необходимо подчеркнуть, что подобных примеров обращения к женщине или ее описания в тексте романа великое множество, и лишь несколько раз мы встречаем описания типа «*Анна – свой парень*», «*какая же она смешная и добрая баба*», «*бабенки что надо*», где, хотя бы в какой-то степени, содержится положительная оценка. Здесь мы наблюдаем явное преобладание негативных оценок в обозначениях женщин, что с точки зрения феминистской лингвистики демонстрирует «андроцентричность языка» [5, с. 34] и может проявляться только в «мужских» текстах. Для сравнения обратим внимание на то, какие выражения использует А. Маринина для обращения к женщине: «*дорогая моя*», «*родненькая моя*», «*девочка моя*», «*милый мой ребенок*» и т.д.

Еще одна яркая особенность языка Ф. Незнанского – широкое использование им фразеологических выражений просторечного характера, грубых и бранных оборотов. Использование этой группы фразеологизмов даже в разговорной речи должно быть весьма ограниченным. Но появление их в романе чаще всего вполне оправданно и используется для передачи устной речи персонажей, имеющих отношение к преступному миру (напр., «*рвать когти*», «*скостить срок*», «*загнать в лагерь*», «*вцепиться в глотку*», «*оттрубить восемь лет*», «*лафа кончилась*», «*загремел в лагерь*»), для описания подробностей проведения оперативно-розыскных мероприятий по задержанию преступников («*вонючее дело*», «*на какие шиши*», «*расколоть преступника*»), для показа отрицательных сторон жизни героев («*срок отпахал*», «*вытаскивать из дерьма*», «*вши зажрали*»). Писатель часто использует армейский и тюремный жаргон, иногда в текстах появляются

нецензурные выражения, инвективы, что, по нашему мнению, излишне, но не случайно, т.к. использование подобных выражений вообще характерно для «мужской» речи.

В романе А. Марининой просторечные фразеологические выражения встречаются редко, как правило, в речи персонажей при выражении ими отрицательных эмоций (напр., *«дурак безмозглый»*, *«сукин сын»*, *«напиться в доску»*, *«явная халтура»*).

В заключение хотелось бы остановиться на особенностях использования А. Марининой фразеологических выражений при описании внешности персонажей, их чувств, эмоций и переживаний. При исследовании текстов романа мы обратили внимание на особое отношение автора к изображению внешности своих героев. Возможно, это связано с особенностями восприятия внешности женщинами и мужчинами. В научных работах по гендерной психологии (Ш. Берн, И.С. Клёцина, Т.В. Говорун) отмечается, что женское восприятие внешности в корне отличается от восприятия мужского. Женщина видит детали, ей свойственно замечать как мелкие недостатки, так и незначительные преимущества во внешности. Мужчины же деталей почти не замечают, они воспринимают образ другого человека как бы целиком.

Так, в романе А. Марининой портретные характеристики (*«тонкие черты лица»*, *«мужчина с благородным лицом»*, *«выглядеть моложе своих лет»*, *«казались на одно лицо»*, *«похожи как брат и сестра»*, *«чуть лучше обезьяны»*), внешний вид героев (*«атлетическое сложение»*, *«одет с иголки»*, *«точёные плечи»*, *«округлые бедра»*, *«признанный красавец, по которому сохнут все молодые женщины»*) представляются нам не только при первом знакомстве с персонажем, но и в различных жизненных ситуациях, эмоциональных состояниях на протяжении всего романа. В связи с этим автором также используется большое количество фразеологизмов, передающих эмоционально-психологическое состояние человека, описывающих чувства, эмоции героев (*«болеть идеями»*, *«эмоции бушуют»*, *«на душе слякотно»*, *«раздирали противоречивые желания»*, *«закипает злость»*, *«судьба свела»*, *«колотится сердце»*, *«дрожать от страха»*, *«радостное волнение»*, *«трясусь как осиновый лист»* и др.). Вероятно, это связано с тем, что «женской» речи в целом свойственна высокая эмоциональность, а огромные стилистические и эмоционально-экспрессивные возможности фразеологии как раз и служат для того, чтобы делать речь красочной, образной и убедительной.

Таким образом, проведенный анализ дает возможность утверждать, что большая частота употребления фразеологических выражений в текстах романов обоих авторов свидетельствует, прежде всего, о достаточно высоком эстетическом уровне произведений, несмотря на распространенную точку зрения о популистскости и простоте жанра. Используя фразеологизмы самых разных

стилистических групп, различной эмоциональной окраски, создавая новые и трансформируя уже известные выражения, авторы успешно справляются с главной целью своего творчества – увлечь, развлечь, заставить думать и фантазировать своего читателя.

Кроме того, различия в употреблении фразеологизмов, описанные в данной работе, дают основания говорить о некоторых гендерных особенностях использования фразеологических выражений в «мужском» и «женском» детективе, несмотря на то, что мы не можем выделить персональные признаки стилистического использования фразеологических единиц, которые имеются исключительно в текстах А. Марининой или в текстах Ф. Незнанского.

Так, для А. Марининой более характерно использование фразеологических выражений с положительной эмоционально-экспрессивной окраской, с традиционным лексико-семантическим значением и обычной, не обновленной структурой. В ее текстах нами обнаружены устаревшие, стилистически повышенные книжные и разговорно-бытовые фразеологизмы, клише. Вообще, для женской речи характерно стремление быть понятной и быть понятой, возможно, поэтому А. Маринина использует общеизвестные, знакомые всем фразеологические выражения, часто поясняет их, вводит в синонимические ряды.

В тексте романа Ф. Незнанского нами была отмечена склонность к огрублению речи: чаще употребляются разговорно-бытовые и просторечные фразеологические выражения с отрицательной, грубой, жаргонной, порой бранной эмоционально-экспрессивной окраской. Фразеологические конструкции, как правило, трансформируются автором, изменяется их структура и семантика, образуются совершенно новые выражения с новым значением или другой, часто противоположной оценкой.

Представленные материалы не могут, естественно, претендовать на полноту и завершенность в изучении темы, обозначенной в данной статье, но, на наш взгляд, они могут стать хорошим началом для дальнейшего стилистического исследования текстов современного детективного романа с точки зрения взаимоотношения языка и пола. В следующих работах мы планируем описать результаты наблюдений над особенностями использования лексических средств (прежде всего тропов) в «женском» и «мужском» детективном романе, а также исследовать особенности строения их текстов.

Литература

1. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М., 1996.
2. Горошко Е. И. Особенности мужского и женского стиля письма // Гендерный фактор в языке и коммуникации: Сб. науч. тр. МГЛУ. – Вып. 446. – М., 1999. – С. 44–60.
3. Кирилина А.В. Особенности и

тенденции развития гендерных исследований в российской лингвистике // Гендер: язык, культура, коммуникация. – М.: МГЛУ, 2001. – С. 32–47.

Статья посвящена исследованию фразеологических выражений в «мужском» и «женском» детективном романе. Автор анализирует стилистические особенности употребления фразеологизмов с точки зрения гендерной принадлежности создателей произведений. Сопоставительный анализ дал возможность сравнить особенности употребления фразеологизмов по нескольким, наиболее ярко выраженным аспектам: принадлежность к одной из стилистических групп, структура фразеологических выражений, эмоционально-экспрессивная окраска, стилистические функции фразеологизмов.

Ключевые слова: фразеологизм, фразеологические единицы (выражения), гендер, гендерные исследования, стилистическая группа, эмоционально-экспрессивная окраска.

Стаття присвячена дослідженню фразеологічних висловів в «чоловічому» і «жіночому» детективному романі. Автор аналізує стилістичні особливості вживання фразеологізмів з погляду гендерної належності творців. Порівняльний аналіз дав можливість виявити особливості вживання фразеологізмів по декількох, найбільше яскраво виражених аспектах: належність до однієї зі стилістичних груп, структура фразеологічних висловів, емоційно-експресивне забарвлення, стилістичні функції фразеологізмів.

Ключові слова: фразеологізм, фразеологічні вислови, гендер, гендерні дослідження, стилістична група, емоційно-експресивне забарвлення.

The article is devoted to the research of phraseological expressions in the «male» and «female» detective story. The author analyses the stylistic features of using phraseological units since the point of gender of the creators of the stories. The comparative analysis has given us opportunities to compare the peculiarities of using phraseological units according to several, most brightly expressed aspects: belonging to one stylistics group, the structure of phraseological units, emotional-expressive coloring, and stylistics function of phraseological units.

Key words: a phraseological unit, phraseological expressions, a gender, a gender investigation, a stylistics group, emotional-expressive coloring.

УДК 811.111

О. М. Гніздечко

МІЖСОБИСТІСНА КОМУНІКАЦІЯ В СОЦІО- Й ПСИХОЛІНГВІСТИЧНОМУ АСПЕКТАХ

Логіка розвитку вітчизняної психолінгвістики призводить до появи в її лоні різних самостійних за своїми завданнями царин. На сучасному етапі розвитку цієї науки правомірно говорити про виділення в її просторі загальної та конкретної психолінгвістик.

До числа конкретних психолінгвістик, що найбільш інтенсивно розвиваються, слід віднести **соціальну психолінгвістику**, виникнення

якої нашарувалося на багату традицію, що існує у вітчизняній гуманітарній науці. Насамперед, слід вказати на філософію мови, створену М.М. Бахтіним [1, с. 424]. Її виникнення пов'язане, по-перше, з прагненням психолінгвістів перебороти «абстрактний психологізм» і звернутися до мовця в конкретній комунікативній ситуації, по-друге, з помітним в останню декаду «дискурсивним переворотом» у гуманітарних науках [Див.: 2–4]. Спільний для «різних» психолінгвістичних предмет – мовна особистість – вивчається в індивідуально-психологічному аспекті [5, с. 3–8]. У нашій статті *homo loquens* розглядається в рамках інтерактивної моделі, що дозволяє вбачати в мовленнєвій поведінці та мовленнєворозумових проявах мовної свідомості відображення соціально значущої взаємодії членів соціуму.

Індивідуальні особливості мовленнєвого портрету *homo loquens* висвітлюють, здебільшого, екзистенціональні сфери комунікативного континууму – мовленнєві ситуації, що містять елементи психологічної напруги. До числа таких ситуацій належить **комунікативний конфлікт** – мовленнєва сутичка, що базується на агресії, реалізованій мовними засобами. Покликана гармонізувати процес мовленнєвої взаємодії людей царина соціальної психолінгвістики отримала назву **психолінгвістичної конфліктології**. Зарубіжні та вітчизняні психологи [6; 7, с. 6–51] неодноразово писали про природу конфліктів, розкриваючи їх причини та пропонуючи рекомендації щодо їхнього запобігання та виходу з конфліктних ситуацій. Мовознавці роблять перші кроки в опануванні цього не досить звичного для них об'єкта вивчення [8, с. 36–64; 9, с. 8–14].

Об'ємний корпус проаналізованого й узагальненого в серії наукових праць [9–11] матеріалу дозволяє виявити різні типи мовленнєвої поведінки мовця як в україномовному соціально-побутовому комунікативному конфлікті, так і в ситуації англійської непрямой полеміки наукових опонентів. Саме в цьому полягає **мета** нашої статті. Відмінності мовленнєвої поведінки визначаються національно-культурними й індивідуально-особистісними характеристиками мовців, обумовленими їх темпераментом, вихованням, соціальним статусом тощо.

В основі соціально-побутового комунікативного конфлікту лежить прагнення одного з (чи обох) учасників комунікації зняти психологічну напругу, чому передує відчуття фрустрації – психологічний дискомфорт, що виникає за неможливості досягти певної ілюктивної мети. Причиною соціально-психологічних конфліктів може бути запізнення на роботу, невчасно поданий звіт, невмитий посуд, подружня зрада тощо.

У мовленнєвій ситуації наукового спілкування вчені мають керуватися універсальними комунікативними принципами співпраці, ввічливості [12; 13, с. 141–158; 14, с. 121–129] поряд з національно-культурними [15] та функціональними (мовленнєвим етикетом) етико-риторичними нормами наукового спілкування [16, с. 98–99; 17].

Ареною, на якій відбувається мовленнєва взаємодія учасників спілкування, стає **комунікативна ситуація**. Мовленнєве спілкування не

може бути досягнуто й адекватно інтерпретоване поза зв'язком з конкретною ситуацією [5, с. 430]. Вербально-знакове оформлення типових ситуацій соціальної взаємодії людей має назву *мовленнєвих жанрів*.

Проблему вивчення жанрів мовлення започаткував М.М. Бахтін [18], що призвело до появи особливого перспективного напрямку, галузі антропоцентричного мовознавства – жанрознавства [19; 20; 21, с. 9–20]. **Мовленнєвий жанр** трактується за М.М.Бахтінім [22, с. 159–160, 165] як категорія, що дозволяє зв'язувати соціальну реальність з мовною. У сфері наукової комунікації [11, с. 22; 23, с. 9; 24, с. 177] **мовленнєвий жанр** позначає у вузькому розумінні центральну одиницю класифікації.

У повсякденній комунікації **мовленнєвий жанр** тлумачиться як мікрообряд, що являє собою вербальне оформлення взаємодії учасників спілкування. До числа мовленнєвих жанрів можна віднести щире дружню розмову, балачки, сварку, анекдот, флірт тощо. Для позначення жанрових форм, що являють собою *одноактні висловлення*, використовується термін 'субжанр' – мінімальна одиниця типології мовленнєвих жанрів, що дорівнює мовленнєвому акту [5, с. 161–176]. У конкретній внутрішньожанровій взаємодії субжанри реалізуються за допомогою **тактик**, основне призначення яких – змінювати сюжетні повороти в ході мовленнєвої взаємодії. Слід відзначити при цьому здатність субжанрів до мімікрії, залежно від того, до складу якого жанру (стилю) вони входять. Так, наприклад, сарказм, «шпильки» у світській бесіді відрізняються від «шпильок» у родинній сварці, тим більше від тактик іронізації в науковому дискурсі.

Загальна теорія мовленнєвих жанрів не може лишити поза увагою **психолінгвістичну природу** внутрішньожанрової інтеракції. Мовленнєві жанри існують у свідомості мовної особистості у вигляді готових зразків (фреймів), що впливають на процес розгортання думки в тексті. Дискурсне мислення обслуговує процес створення мовленнєвих творів і має принципово жанровий характер. Оволодіння навичками жанрового мислення передбачає довготривалий шлях навчання [25, с. 189–200; 26, с. 13–23]. Варіативність у виборі мовленнєвих засобів реалізації в межах жанру детермінується мовленнєвими *стратегіями* й *тактиками*. **Стратегії** внутрішньожанрової поведінки залежать від індивідуальних характеристик мовних особистостей комунікантів і впливають на їх тактичні вподобання.

Розмаїття мовних форм, уживаних у стані конфлікту, можна звести до трьох основних типів стратегій: *інвективної*, *куртуазної*, *раціонально-евристичної* [10, с. 57]. Єдиним принципом цієї типології є *особливість афективної поведінки* мовної особистості під час зняття фрустрації. Так, **інвективна стратегія** конфліктної поведінки демонструє знижену знаковість. Комунікативні прояви відтворюють емоційно-біологічні реакції й призводять до афективної розрядки у формі лайки, сварки. **Куртуазна стратегія**, навпаки, вирізняється підвищеною семіотичністю мовленнєвої поведінки з тяжінням мовця до етикетних форм соціальної

взаємодії. Однією з форм афекту в такому разі є плач. **Раціонально-евристична стратегія** поведінки в ситуації конфлікту спирається на розсудливість і здоровий глузд з тяжінням до сміху як афективної реакції. Негативні емоції при цьому реалізуються непрямим шляхом.

У повсякденному спілкуванні мовленнєва стратегія обирається мовцем несвідомо. Саме конфліктна поведінка, як лакмусовий папірець, виявляє своєрідність мовної особистості. Ефект «випускання пару», зняття емоційної напруги, подібне до того, що давні греки називали терміном *катарсис*, є психологічним очищенням, яке надає полегшення. Різні типи мовної особистості прагнуть різного вербального катарсису. Так, *інвективна мовна особистість* знімає напругу за допомогою прямої вербальної агресії, *куртуазна* – демонструє емоцію образи, *раціонально-евристична* – використовує сміховий катарсис у формі іронії.

Побутовий конфлікт виникає через невдоволення одного з учасників соціальної взаємодії поведінкою іншого, що призводить до комунікативного непорозуміння на основі розбіжностей мовленнєвих стратегій учасників спілкування. Розглянемо приклади живого буденного мовлення:

(1) Чоловік (щось роздратовано шукає). – *Дідько забирай! І куди лишень в цьому домі все зникає!*

Жінка. – *Не смій зі мною розмовляти таким хамським тоном!*

(2) Жінка (входячи до квартири). – *Щойно їхала в якійсь душогубці! Це ж просто жах, що в транспорті коїться!*

Чоловік (з іронією). – *Жах! Всесвітня катастрофа!*

Жінка. – *Не розумію, чому ти радієш. Твоїй жінці ледве руку не зламали, а ти глузуєш!*

(3) Жінка. – *Ой, щось я сьогодні кепсько почуваюсь ...*

Чоловік (з іронією). – *Бідолаха! Лягай та зроби бай-бай...*

Жінка. – *Ледацюго! Це ти спиши цілісенськими днями, поки я на всю сім'ю вколюю!*

Наведені діалоги демонструють конфліктні ситуації, що виникають на основі розбіжностей типів мовних особистостей. У першій ситуації чоловік представлений інвективним типом, жінка – куртуазним; у другій – куртуазний тип жінки висловлює невдоволення раціонально-евристичним стилем спілкування чоловіка; в третій – конфлікт зароджується внаслідок типологічної невідповідності інвективної мовної особистості жінки та раціонально-евристичної – чоловіка.

У науковій комунікації, на відміну від соціально-побутової сфери спілкування, стратегії обираються автором свідомо, відповідно до правил і законів побудови наукових жанрів. Англomовний науковий дискурс поряд з лінійністю й чіткістю своєї побудови характеризується етикетними модуляціями некатегоричності, толерантності, непрямой персуазивності й орієнтації на адресата [23, с. 31]. У мовленні етноспецифічні ознаки англomовного наукового спілкування реалізуються через використання *м'яких і/або гнучких стратегій пошуку загального порозуміння комунікантів і неупередженого переказу / цитування* [11, с. 150–154]. Вони властиві

неавторитарній мовній особистості з тяжінням до мовленнєвої ввічливості й етикетності. Так, **стратегія пошуку загального порозуміння** реалізується в англомовному науковому дискурсі за допомогою тактик уникнення відповідальності за викладене та/або ототожнення автора з метаавтором (опонентом / пропонентом автора). Наприклад:

(4) *The semantics approach I have taken to be the only acceptable one is that voiced by Chomsky with particular reference to the frontier between semantics and syntax: "... A decision as to the boundary separating syntax and semantics is not a prerequisite for theoretical and descriptive study of syntactic and semantic rules". Notice that **we don't ask where the boundaries of semantics lie but rather where is the best place to put them** (Katz, 295).*

Повідомляючи власну точку зору щодо меж семантики, автор сегменту (4) використовує **тактику уникнення відповідальності за викладене**, мовленнєвою реалізацією якої слугує *анхістонім* (посилання) – відоме в колі лінгвістів ім'я Н. Хомського. Воно викликає в свідомості читача певні асоціативні зв'язки з теорією генеративної граматики та здійснює мовленнєвий вплив на ментальну сферу адресата. Звертаючись до авторитету свого однодумця (Н. Хомського), Дж. Кац застосовує **тактику ототожнення автора з метаавтором**, що реалізується через заміну особового займенника 1-ої особи однини (I) займенником 1-ої особи множини (we). Серед можливих типів реакції на мовленнєві дії комунікантів найбільш характерним для неавторитарної мовної особистості є повне або формальне прийняття наукових поглядів метаавтора(ів). Сутність м'якого та гнучкого стилів мовленнєвої поведінки автора англомовного наукового дискурсу полягає у створенні кооперативної комунікативної ситуації, спрямованої на досягнення взаємопорозуміння автора з метаавтором, що сприяє узгодженості їх епістемічних світів.

Як свідчать результати дослідження, *кооперативна*, поміркована **неавторитарна** мовна особистість в науковому дискурсі корелює з **куртуазною** в повсякденному побутовому спілкуванні.

Мовленнєва взаємодія двох (або декількох) полярно протилежних епістемічних світів спрямована на виявлення розходжень у світоглядних настановах комунікантів шляхом використання *стратегії категоричної незгоди автора з метаавтором і/або стратегії оцінної інтерпретації продуктів чужої пізнавальної діяльності* [op.cit., с. 126–128, 135–143]. *Жорстка* лінія поведінки в науковому дискурсі властива переважно *авторитарній мовній особистості*, що обумовлено індивідуально-психологічними рисами мовця на основі часткового дотримання/ порушення етико-риторичних норм наукового спілкування. Так, **стратегія категоричної незгоди автора з метаавтором** реалізується за допомогою *тактик протиставлення, чіткого визначення авторської позиції, наполегливого твердження, іронізації*, як у прикладі (5):

(5) *It has now become something of a cliché among linguists that universal grammar suffered from the following defects: a) it was based primarily on a Latin model, and was, in some sense "prescriptive"; b) its*

assumptions about language structure have been refuted by modern “anthropological linguistics” (1). In addition, many linguists would hold that universal grammar was misguided in principle in its attempt to provide explanations rather than mere description of usage, the latter being all that can be contemplated by the “sober scientist” (2) (Chomsky, 254).

Чітке визначення смислової позиції автора тісно пов'язане з виявленням його критичного ставлення до наукових теорій опонентів. Таке ставлення становить сутність мовленнєвої **тактики іронізації**, що реалізується за допомогою зворотів *in some sense “prescriptive” (1a); modern “anthropological linguistics (1b); contemplated by the “sober scientist” (2).*

Формальним показником авторської іронії є лапки, функціональне призначення яких полягає у зменшенні категоричності заперечення та частковому руйнуванні позитивного обличчя партнерів по комунікації. Попри формальне дотримання принципу ввічливості, іронія створює ефект гумору чи сарказму та підсилюється через експлікацію критичного ставлення автора до наукових поглядів інших комунікантів.

Умотивована здоровим глуздом та іронією, з одного боку, та індивідуально-психологічними особливостями мовця, з іншого, **жорстка** стратегія мовленнєвої поведінки **авторитарної** мовної особистості в науковому дискурсі корелює з **раціонально-евристичним** її типом у соціально-побутовій конфліктній ситуації.

Здатність до кооперації в міжсуб'єктній мовленнєвій взаємодії є одним з критеріїв для виділення рівнів комунікативної компетенції мовних особистостей. На підставі врахування *типу домінантної установки* відносно іншого учасника спілкування ми виділяємо три **рівні комунікативної компетенції**: *конфліктний, центрований і кооперативний*. Кожен з цих різновидів включає два підтипи (конфліктно-агресивний і конфліктно-маніпуляторський; активно-і пасивно-центрований; кооперативно-конформний і кооперативно-актуалізаторський). Єдиним принципом такої типології виступає характер домінантної установки мовця щодо інших учасників комунікації.

Так, наприклад, **конфліктний тип** мовної особистості демонструє установку проти партнера по комунікації. **Центрований тип** мовленнєвої поведінки характеризується наявністю в одного з (чи обох) учасників установки на самого себе при ігноруванні партнера по комунікації; **кооперативний** – вирізняється домінантною установкою на комуніканта.

На основі вказаних вище параметрів однозначно кваліфікувати той чи інший тип мовної особистості важко. Для адекватного розмежування носіїв мови за рівнем їх комунікативної компетенції використовується поняття **тематичного особистісного комплексу**, що характеризує індивіда за його здатністю до мовленнєвої взаємодії та включає набір ознак за ступенем убування: **домінанту, субдомінанту та субстрат**.

В межах такого поділу можна виділити значну кількість типологічних різновидів, наприклад: особистість з актуалізаторською домінантою, конфліктною субдомінантою й активно-центрованим

субстратом або мовець з конфліктною домінантою, актуалізаторською субдомінантою та маніпуляторським субстратом тощо.

Серед ознак, що кваліфікують мовну особистість за її здатністю до комунікативної співпраці, слід виділити *характер мовленнєвої поведінки* й *тактичні переваги*, що свідчать про рівень комунікативної компетенції мовця з огляду на його здатність до гармонійної мовленнєвої взаємодії. Частотність звернення мовця до жанрового простору конфліктного чи іншого спілкування, ступінь володіння жанрами соціально-побутової та наукової комунікації дозволяють виділити *домінанту* мовленнєвої поведінки *homo loquens*. Звернення до тактичних переваг індивіда в рамках певного комунікативного жанру дозволяє виявити особливість *субдомінанти* в тематичному комплексі, що характеризує людину за її здатністю до комунікативної співпраці.

Подані вище роздуми, очевидно, не вичерпують усього розмаїття проблем соціальної психолінгвістики, окреслюючи лише окремі принципи класифікації мовлення за характером гармонійної / дисгармонійної мовленнєвої поведінки, які потребують доповнення та конкретизації. Втім, навіть у такому вигляді намічені типології можуть знайти своє відтворення й застосування як у загальній теорії комунікації, так і в практиці створення оптимальної моделі комунікативної взаємодії членів соціуму, включаючи практичну риторику, рецептурну лінгвістику або розробку програм штучного інтелекту.

Література

- 1. Бахтин М.М.** Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка: Сб. науч. ст. – М.: Лабиринт, 2000. – 537 с.
- 2. Макаров М.Л.** Интерпретативный анализ дискурса в малой группе. – Тверь: Тверск. гос. ун-т., 1998. – 200 с.
- 3. Harre R.** Discursive psychology // Rethinking Psychology. – London, 1995. – P. 143–159.
- 4. Flick U.** Social representations // Rethinking Psychology. – London, 1995. – P. 70–96.
- 5. Горелов И.Н., Седов К.Ф.** Основы психолінгвістики. – М.: Лабиринт, 2001. – 485 с.
- 6. Берн Э.** Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений; Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы. – М.–СПб.: Университетская книга, 1997. – 399 с.
- 7. Шейнов В.П.** Конфликты в нашей жизни // Прикладная конфликтология. – Мн.: Харвест, 1999. – С. 6–51.
- 8. Ермакова О.Н., Земская Е.А.** К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) // Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект. – М., 1993. – С. 36–64.
- 9. Седов К.Ф.** Типы языковых личностей и стратегии речевого поведения (о риторике бытового конфликта) // Вопросы стилистики. Язык и человек. – Саратов: Изд-во Саратовск. ун-та, 1996. – Вып. 26. – С. 8–14.
- 10. Седов К.Ф.** Становление дискурсивного мышления языковой личности: Психо- и социолінгвістический аспект. – Саратов: Изд-во Саратовск. ун-та, 1999. – 180 с.
- 11. Гніздечко О.М.** Авторизація наукового

дискурсу: комунікативно- прагматичний аспект (на матеріалі англомовних статей сучасних європейських та американських лінгвістів): Дис. ... канд. філол. наук: 10.02.04. – К., 2005. – 203 с. **12. Gordon D., Lakoff G.** Conversational postulates // *Syntax and Semantics*. – London; New York: Academic Press, 1975. – Vol. 3: Speech acts. – P. 83–106. **13. Grice H.** Logic and conversation // *Syntax and Semantics*. – London; New York: Academic Press, 1975. – Vol. 3: Speech Acts. – P. 124–165. **14. Leech G.N.** Principles of Pragmatics. – London; New York: Longman, 1983. – 250 p. **15. Poos D., Simpson R.** Cross-disciplinary Comparisons of Hedging: Some Findings from the Michigan Corpus of Academic Spoken English // *Using Corpora to Explore Linguistic Variation*. – Amsterdam: Benjamins, 2002. – P. 3–23. **16. Почепцов Г.Г.** (мл.) Семантический анализ этикетизации общения // Семантика и представление знаний. Труды по искусственному интеллекту. – Тарту: Тартуск. гос. ун-т, 1980. – Вып. 519. – С. 98–108. **17. Pchenko O.** On etiquettization in Anglo-American scientific discourse // *The Ukrainian Society for the Study of English Messenger*. – 2003. – Vol. 2. – P. 68–74. **18. Бахтин М.М.** Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Собрание сочинений в семи томах. – М.: Русские словари, 1996. – Т. 5. – С. 159–206. **19. Дементьев В.В.** Непрямая коммуникация и ее жанры. – Саратов: Изд-во Саратовск. ун-та, 2000. – 248 с. **20. Жанры речи.** – Саратов: Колледж, 1999. – Вып. 2. – 287 с. **21. Седов К.Ф.** Анатомия жанров бытового общения // Вопросы стилистики: Человек и текст. – Саратов: Изд-во Саратовск. ун-та, 1998. – Вып. 27. – С. 9–20. **22. Бахтин М.М.** Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Собр. соч.: В 7 т. – М.: Русские словари, 1996. – Т.5. – С. 159–165. **23. Ільченко О.М.** Этикетизация англо-американского научного дискурсу: Автореф. дис. ... д-ра філол. наук: 10.02.04 / Київський національний університет імені Т. Шевченка. – К., 2002. – 38 с. **24. Rowley-Jolivet E.** The pivotal role of conference papers in the network of scientific communication // *English for Specific Purposes*. – 1999. – Vol. 23. – P. 176–196. **25. Седов К.Ф.** Жанры общения в речевом онтогенезе // Ребенок как партнер в диалоге. – СПб.: Союз, 2001. – С. 189–200. **26. Седов К.Ф.** О жанровой природе дискурсивного мышления языковой личности // Жанры речи. – Саратов: Колледж, 1999. – Вып.2. – С. 13–26.

Джерела ілюстративного матеріалу

1. Katz J.J. The scope of Semantics // *Landmarks of American Language and Linguistics*. – 1993. – Vol. 2. – P. 292–300. **2. Chomsky N.** The current scene in Linguistics: Present directions // *Landmarks of American Language and Linguistics*. – 1993. – Vol. 1. – P. 253–261.

Статья посвящена описанию результатов изучения актуальных вопросов социальной психолингвистики. Автором исследуется психолингвистическая природа таких явлений межличностной коммуникации, как коммуникативный конфликт, речевой жанр, стратегии и тактики внутрижанровой интеракции. На основе анализа стратегий речевого поведения разработаны типология языковых личностей и классификация

коммуникативной компетенции говорящего с учётом его способности к кооперации в межличностном взаимодействии.

Ключевые слова: психолингвистика, языковая личность, коммуникативный конфликт, внутрижанровая интеракция, речевая стратегия, тактики, речевой жанр.

Стаття присвячена опису результатів вивчення актуальних питань соціальної психолінгвістики. Автором досліджується психолінгвістична природа таких явищ міжособистісної комунікації, як комунікативний конфлікт, мовленнєвий жанр, стратегії й тактики внутрішньожанрової інтеракції. На основі аналізу стратегій мовленнєвої поведінки розроблено типологію мовних особистостей і класифікацію комунікативної компетенції мовця з огляду на його здатність до співпраці в міжособистісній взаємодії.

Ключові слова: психолінгвістика, мовна особистість, комунікативний конфлікт, внутрішньожанрова інтеракція, мовленнєва стратегія, тактики, мовленнєвий жанр.

The article describes the results of actual social psycholinguistics problem research. Studied here is the psycholinguistic nature of such interactive communication phenomena as communicative conflict, speech genre, strategies and tactics. The typology of language identities is worked out on the basis of communicative strategies analysis. Level communicative competence classification is created on the ground of language identity ability to construct a cooperative interactive communication.

Key words: psycholinguistics, language identity, communicative conflict, interaction, speech strategy, speech tactics, and speech genre.

УДК 681.3:801.3:801.8:802.0:81'42

С. С. Данилюк

СТРАТЕГІЇ СТВОРЕННЯ АНГЛОМОВНИХ ЕЛЕКТРОННИХ ТЕКСТІВ ІНТЕРНЕТ-ЧАТІВ

Англомовні електронні тексти Інтернет-чатів, як і будь-які інші тексти, є фрагментами комунікації, в яких реалізовано стратегічні й тактичні завдання спілкування. Говорячи про комунікативні стратегії, ми маємо на увазі комплекс мовленнєвих дій, спрямованих на досягнення комунікативної мети. Щодо електронних текстів досліджуваного типу, то такою комунікативною метою є встановлення, підтримка і розмикання контакту, виявлення позитивного ставлення до співрозмовника, запобігання непорозумінь, створення віртуального образу мовця тощо.

Основою реалізації комунікативних стратегій виступають комунікативні тактики, які, у свою чергу, складаються з комунікативних ходів – методів або прийомів, що окремо або в комплексі призводять до вирішення надзавдання [1, с. 110]. Комунікативний хід є основною одиницею дискурсу, мінімально значущим елементом, який розвиває взаємодію, просуває спілкування до досягнення комунікативних цілей [2, с. 6; 3, с. 31]. Функція продовження розвитку спілкування в цілому – головна риса комунікативного ходу. Відповідно до цього, розрізняють: 1) ініціальні;

2) континуальні; 3) підтримувальні; 4) обрамлювальні; 5) завершальні та інші комунікативні ходи [4, с. 100; 5, с. 293].

Ефективність мовленнєвих стратегій багато в чому зумовлена результатами або наслідками соціальної взаємодії, незалежно від передбачуваності, свідомої спланованості таких результатів. Але комунікативні стратегії тісно пов'язані з мотивами, що керують мовленнєвою поведінкою особи. Під час створення електронних текстів, як і при будь-якій іншій мовленнєвій діяльності, адресант ставить перед собою певну мету, яка значною мірою визначає вибір тієї чи іншої стратегії, що реалізується в тактиках через комунікативні ходи. Розрізняють два типи цілей, які відображають мотиви людської поведінки: бажання бути ефективним (реалізувати інтенцію) і необхідність пристосуватися до ситуації [6, с. 125]. Також у лінгвістичній літературі виділяють першочергові цілі, тобто такі, заради яких і планувалася комунікація, і другорядні, що, у свою чергу, є похідними від різних мотивів людської діяльності [6, с. 126].

Але найважливішим критерієм, за яким люди здійснюють вибір комунікативних стратегій і тактик, є їхня ефективність. Слід також зазначити, що на вибір тієї чи іншої комунікативної стратегії впливають і другорядні цілі, до яких слід віднести [7, с. 23]:

- 1) цілі, пов'язані із самовираженням, моральними нормами мовця, його самооцінкою;
- 2) цілі, пов'язані з ефективною взаємодією комунікантів;
- 3) цілі досягнення контролю, які визначаються бажанням мовця керувати ситуацією, уникнути негативних емоцій.

Розглянемо докладніше кожний із зазначених типів цілей. Використовуючи цілі, пов'язані із моральними нормами мовця, адресант переслідує мету свого самовираження і самооцінки. Здійснюючи вибір тих чи інших лексичних одиниць, адресант прагне зосередити увагу адресата на своїй освіченості, досвідченості, рівні розвитку своєї особистості тощо. У більшості випадків ці цілі досягаються за рахунок подання адресантом інформації про отриману ним освіту, рід його професійної діяльності тощо: *North ave...*, *fulton county...*, *Georgia State University*.

Щодо цілей, пов'язаних із ефективною взаємодією комунікантів, то вони визначаються прийнятністю, релевантністю, зв'язністю повідомлення, намаганням зробити текст легким для сприйняття і розуміння. Ці цілі досягаються за рахунок подання лише основної інформації про свою особистість (у випадку англійських електронних текстів Інтернет-чатів), що ми можемо прослідкувати у таких прикладах: *19/m/Indiana*; *16/f/ UK*; *21/male/Bama*.

Щодо цілей досягнення контролю, то адресант обирає певні лексичні одиниці з метою знайти такого адресата, який зацікавиться відомостями, що подаються у тому чи іншому тексті, уникаючи тим самим неефективної комунікації внаслідок звернення до помилкового

адресата, наприклад: *girls from Arizona press 111; girls that need a friend press 23; anyone fro Australia???*

Вивчення спонтанної віртуальної комунікації в Інтернет-чатах дозволило виділити такі стратегії й тактики [8, с. 10–15]: 1) кооперативні (стратегії встановлення, підтримки й розмикання контакту, економії мовленнєвих зусиль, солідарності з адресатом, групової спільності, вияву позитивного ставлення до адресата, запобігання конфлікту і різного роду непорозумінь); 2) контактні (стратегії розвитку конфлікту і віртуального переслідування); 3) стратегії зміцнення «Я»-концепції (стратегії захисту автономної особистості та лінгвістичного створення віртуального образу мовця).

Охарактеризуємо докладніше деякі із зазначених типів стратегій.

Стратегія встановлення контакту представлена такими тактиками:

- тактикою пошуку співрозмовника за формулою A/S/L (age/sex/location):

Ur_best_friend: hello a/s/l plz

Arabic_knighti: Hi 22/m/cairo, you?

- тактикою вітання:

а) вітання до всієї групи:

Hello room nice io cya all in yahoo

Вітання до групи передбачає множинні зворотні реакції:

Diana_21love: hi how's everyone this fine morning?

europaman: wonderful thank you

one_fine_day: tired

trevor2321: not 2 bad... a bit tired too

б) персональне вітання:

morning donnayoung how r u today

Вітання, звернене до конкретної особи, передбачає ритуал ввічливості – взаємообмін вітаннями – «люб'язними запитаннями»:

Coogar: morning princess how are you?

Welshprincess26: cougar hiya, I'm good thnx, yourself?

Coogar: not bad at all! Thanks for asking princess!

- тактикою запрошення до спілкування:

а) загальною: *any1 want to chat with me?*

б) за гендерною ознакою: *any guys want to chat with a very nice girl?*

в) за віковою ознакою: *is there any1 not in school?*

г) за географічною ознакою: *morning Manchester how's tricks fellas?*

ґ) за мовною ознакою: *who's speaking French in the room?*

д) за професійною ознакою, за родом занять: *anyone in small business?*

є) комбінованою: *any married woman talk english here?*

- тактикою передачі комунікативної ініціативи:

а) *glorious210: who wants to talk?*

~Cute_Gizi~: me ☺

glorious210: the come on

glorious210: iken come on

б) *It's_me_longlegs: come on people write something interesting*

Стратегія підтримки контакту представлена:

- тактикою звертання:
hey ppl why is noone talking?!
 - тактикою підтримки теми розмови:
im _ gonna love my grandson: my house is going wild
hotrodhattie: mine will be after my son gets his arse home... wild! ...lol
 - тактикою перевірки каналу комунікації:
а) *ram_industriestperson: jac are you there?*
б) *(_/*_)Erik(/_*_): are you talking to me*
Sunnie?
***~5unnie~Butt~**:* *no I was talking to Johnny*
- Стратегія розмикання контакту представлена:
- тактикою наведення причини припинення контакту:
angel2000: I guess my chores are not done what a good day to clean windows...
BabyBrownEyes: need 2g, going out 4 drinks, bye room
 - тактикою висловлення подяки/радості/задоволення від спілкування:
Thanks for a nice chat on the WBC! See you friends
 - тактикою висловлення сподівання/впевненості у подальшому контакті:
Over & out! Hope to be back soon!
Good-bye to all of you. Would be nice meeting you again.
- Стратегія запобігання конфлікту/непорозуміння представлена:
- тактикою зовнішньої (формальної) згоди:
lil_kitten04: because it's boring I like older ppl because unlike most 15-year-olds I'm mature
Flawless: oh ok sure... mature right
 - тактикою жартів:
leaky_chum_bucket: Ramstein..don't bow..it highlights your baldspot
ram_industriestperson: leaky what bald spot the entire head is bald
 - тактикою попередження, застереження:
Please be aware: this is a family Chat Site with children logging in...
- Стратегія захисту автономії особистості представлена:
- тактикою відмови у приватному спілкуванні:
Darkvlad: Joe don't pm me
 - тактикою нерозголошення особистої інформації:
silk_wrap: where do U live?
adorablelady: on earth silk didn't you know that

Слід також зазначити, що стратегії побудови комунікації залежать також від чатлайнової спільноти. Так, наприклад, для підліткових/молодіжних чатів притаманні конфліктні мовленнєві взаємодії. Мовці активно застосовують стилістичний потенціал іронії і, як правило, не схильні пом'якшувати категоричність висловлювань. Підлітки прагнуть максимально піднести своє «Я», що виражається у підкресленні власної сексуальності (шляхом привабливої самопрезентації, вибору сексуально привабливого псевдоніму),

у вживанні нецензурної лексики, у безпідставних (і часто беззмістовних) вербальних атаках. Типовим для молодіжних сесій є вираження невдоволення спілкуванням (*God save my monkey: is extremely bored*), проявами якого є негативна оцінка ситуації у чаті (*this is an insane circus*), відверте роздратування (*so wat's up ppl? a nyone really serious!? // so wat's going on in this room???*), звинувачення інших (*it's so boring in here... wat's you guys say has NO sense*), похвала на власну адресу (*I'm bored...no mature ppl here... just me*), вживання нецензурної лексики (*this room is full of ***** s ****).

Підбиваючи підсумок, зазначимо, що в англомовних електронних текстах Інтернет-чатів, як і в будь-яких інших текстах, що виступають як фрагменти комунікації, реалізовано стратегічні й тактичні завдання спілкування. Основою реалізації комунікативних стратегій виступають комунікативні тактики. Аналіз електронних текстів досліджуваного типу дозволив визначити характерні комунікативні стратегії й тактики – кооперативні, конфліктні та стратегії зміцнення «Я»-концепції, а також найпоширеніші етикетні жанри – привернення уваги/звертання, вітання, знайомство, комплімент, запрошення, пропозиція, прохання і прощання.

Література

1. Courtland M. An introduction to the Discourse Analysis. – L.: Longman, 1977. – 212 p. **2. Edmondson W.** Spoken Discourse. A Model for Analysis. – L.: Longman, 1981. – 250 p. **3. Nielsen J.** Multimedia and Hypertext: The Internet and Beyond. – Boston: Academic Press Professional, 1995. – 263 p. **4. Романов А. А.** Системный анализ регуляторных средств диалогического общения. – М.: Изд-во Ин-та языкозн. Акад. наук СССР, 1988. – 182 с. **5. Owen M.** Apologies and Remedial Interchanges: A Study of Language Use in Social Interaction. – L., N. Y., Amsterdam: Mouton, 1983. – 192 p. **6. Гусар М. В.** Лінгвістичний і комунікативно-прагматичний аспекти приватних газетних оголошень (на матеріалі сучасної британської періодики): Дис. ... канд. філол. наук: 10.02.04. – К., 2004. – 230 с. **7. Dillard J. P., Sergin Ch., Harden J. V.** Primary and Secondary Goals in the Production of Interpersonal Influence Messages // Communication Monographs. – 1989. – Vol. 56. – P. 19–38. **8. Столярова М. О.** Етикет у віртуальній англомовній комунікації (на матеріалі чатлайнових сесій): Автореф. дис. ... д-ра філол. наук: 10.02.04 / Київ. нац. ун-т ім. Т. Шевченка. – К., 2005. – 17 с.

Цель статьи – установить стратегии создания англоязычных электронных текстов Интернет-чатов, а также определить тактики, которые используются в пределах таких стратегий.

Ключевые слова: электронный текст, Интернет-чат, стратегия, тактика.

За мету у статті поставлено завдання встановити стратегії створення англомовних електронних текстів Інтернет-чатів, а також визначити тактики, що використовуються в межах таких стратегій.

Ключові слова: електронний текст, Інтернет-чат, стратегія, тактика.

The aim of the article is to establish strategies of English Internet-chats electronic texts creation as well as to define tactics which are used in terms of such strategies.

Key words: electronic text, Internet-chat, strategy, tactics.

УДК 811.161.1 : 378

Т. Б. Жулий

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ИНОСТРАННЫЙ ВО ВНЕАУДИТОРНОЕ ВРЕМЯ

В обучении иностранным языкам бесспорной является задача формирования у студентов навыков практического владения иноязычной речью. Получить нужный результат, как показывают и опыт, и теоретические исследования, в вузовских условиях, ориентируясь только на аудиторские формы работы, невозможно. Дополнительным и все еще неэффективно используемым резервом могут стать внеаудиторные занятия на изучаемом языке (в нашем случае – русском языке). Закономерно, в связи с этим, говорить о системном введении внеучебных занятий в процесс профессиональной подготовки русистов в группах студентов-иностранцев.

Квинтэссенцией в данной ситуации можно считать личное участие обучаемых во внеаудиторных занятиях, непосредственное наблюдение за тем, как организуется и проводится внеурочно-предметная работа по русскому языку со студентами-иностранцами. Пассивное и активное участие студентов-иностранцев во внеаудиторной работе на русском языке позволяет в полной мере реализовать идею интерактивного обучения, сделать будущего специалиста не только объектом, но и субъектом учебного процесса.

Цели, задачи, условия профессиональной подготовки русистов из числа студентов-иностранцев позволяют выделить две основные группы внеаудиторных занятий по предмету (русскому языку): ситуативно-тематические и лингвистические.

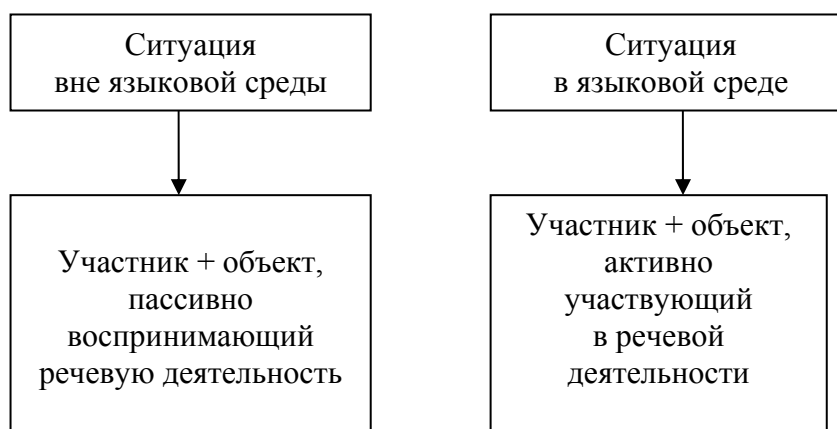
При организации первой группы отчетливо ставится задача научить пользоваться русским языком как средством общения, в то время как на лингвистических занятиях предусматривается владение языком как средством познания; здесь же язык выступает и как объект познания.

Отбор языкового материала для ситуативно-тематических занятий находится в прямой зависимости от экстралингвистических условий, экстралингвистических ситуаций общения. Разнообразие ситуаций (естественных или близких к ним) обеспечивает разнообразие лексико-

грамматического их наполнения. В таком случае в распоряжении преподавателя оказывается целостный речевой материал, в отличие от отдельных грамматических тем, групп слов, представленных на аудиторных занятиях по лингвистическим дисциплинам. Для лингвистических занятий целесообразен отбор языкового материала вне зависимости от экстралингвистических условий обучения.

Так как большая часть студентов в первые годы обучения находится на низком уровне владения языком, то задача обучающего, видимо, состоит в том, чтобы создать необходимую речевую ситуацию, в которой бы совершенствовалась подлинная речевая ситуация. Понятие «речевая ситуация», принципы построения ситуации, отбора их в учебных целях достаточно часто рассматриваются в психолингвистике и лингводидактике [1; 2], полно исследованы методы создания речевых ситуаций в урочное время. Учитывая то, что во внеурочное время речевая ситуация обладает рядом новых, значимых для речевого общения психолингвистических компонентов, мы пытались наметить основные группы внеурочных ситуаций с точки зрения их соответствия естественному общению и способам контакта с собеседниками.

Схематически типы таких внеаудиторных речевых ситуаций можно выразить примерно так:

Процесс формирования языковых и речевых умений студентов первого этапа («Бакалаврат») предусматривает приобщение, включение их в соответствующие виды и формы внеаудиторных занятий (ситуативно-тематических и лингвистических), формирование у них знаний лингвокультурологического, лингвострановедческого характера, одновременно делая более выраженным интересы, потребности в филологическом образовании.

Само собой разумеется, что «обеспечить» эти цели могут, в первую очередь, массовые формы внеаудиторных занятий (см. схему).

На более продвинутом этапе обучения студенты уже подготовлены к выполнению различных творческих заданий, к коллективному осмысливанию теоретических и практических вопросов лингвистической науки, и это обеспечивает возможность проведения групповых форм внеаудиторной работы: кружков, лекториев, клубных форм.

Специфика следующего этапа проявляется уже в учебном плане, предусматривающем ведение в этот период специальных курсов, семинаров по языковедческим и педагогическим дисциплинам, завершение работы над курсовыми сочинениями.

Все названные формы учебных занятий направлены на активизацию самостоятельной деятельности студентов, на развитие их творческого мышления, на совершенствование исследовательской работы студентов и магистрантов.

Этапы «Специалист» и «Магистр» связаны с формированием у студентов устойчивых потребностей в самообразовании, в том числе и в научно-исследовательской деятельности, умении вести самостоятельное продуцирование образов монологической и диалогической речи, соответствующих различным социокультурным контекстам, с учетом диалога культур.

Процессуальный уровень внеурочной работы обеспечивается разными внеаудиторными формами: ролевая и деловая игра, «театр-ситуация», конференция, дискуссия, диспуты, подбор материалов (текстов) с фоновым, национальным компонентом, экскурсии в краеведческий и художественный музеи региона, создание учебных компьютерных программ по языку и искусству и т.д.

Предпочтение на этом этапе отдается многоэтапным и многоструктурным формам работы: театрализованным вечерам, фестивалям, КВН, играм-конкурсам, где студенты выполняют роль лекторов, фасилитаторов, и др.

Важным представляется определение основных принципов построения системы внеаудиторных занятий по русскому языку для студентов-иностранцев: это выделение основных дисциплин учебного плана, имеющих решающее значение в отборе языкового и речевого материала для лингвистических и, в определенной мере, для ситуативно-тематических занятий на русском языке; ограничение типовых форм внеаудиторных занятий; определение тех основных педагогических умений, которые формируются в процессе обучения будущих учителей-русистов. Здесь же намечаются некоторые пути использования новых форм «обратной связи» в процессе вузовского обучения, когда студент, овладевая знаниями, одновременно выполняет практические задания в школе.

Так как в большинство видов ситуативно-тематических занятий (вечер, экскурсия, диспут и т.д.) вовлекаются студенты всех этапов

обучения, то особенно важна методика разработки отдельных элементов мероприятия, распределение заданий между его участниками.

Например, студентам IV–V курсов поручается разработка сценария (определение темы, отбор текстового материала, анализ лексико-фразеологического наполнения текстов, композиционное построение сценария и т.д.); студенты III–V курсов руководят репетициями; студенты I–II курсов занимаются изготовлением реквизита, решением некоторых организационных вопросов. Студенты всех курсов участвуют в репетиционной работе: прослушивание аудиоматериалов, имитация прослушанного и др.

Чтобы слово или грамматическая форма вошли в активное пользование студентов, недостаточно разового участия в одном из внеаудиторных занятий. Совершенствование всех видов речевой деятельности может быть обеспечено только систематической работой. Поэтому такая группа занятий, как ситуативно-тематические, будет активной на всех этапах обучения; при этом, естественно, от этапа к этапу будут меняться их виды и формы в соответствии с меняющимися интересами и потребностями, общим культурным уровнем и эстетическими вкусами студентов.

Скорее всего, на первом этапе внеаудиторной деятельности студентов целесообразно практиковать индивидуальные формы: заучивание наизусть стихов и отрывков художественной прозы, разучивание песен, выписывание цитат, составление заметок, работа над ролью, перевод текста на родной язык; составление мини-диалогов, в том числе и виртуальных. Верную службу в этот период сослужит лингвострановедческая деятельность студентов-иностранцев. В условиях внеаудиторной работы названные задачи решаются успешно на занятиях, выполняемых коллективно – это массовые ситуативно-тематические занятия на русском языке: вечера, экскурсии, диспуты, семинары, клубные формы и др. Они проводятся параллельно с индивидуальными занятиями, хотя и в дальнейшем будут актуальными, но на последующих этапах наряду с другими, более эффективными для того времени.

Особую значимость внеаудиторной работе по русскому языку со студентами-иностранцами придает возможность интегрирования филологического знания и искусства.

Критерии отбора видов искусства и отдельных произведений для таких целей определены в педагогической науке [3; 4]. Наиболее важные из них: образно-дидактический потенциал вида искусства; суггестивные возможности его в системе деятельности филолога; синтетичность и универсальность вида искусства и др. [4].

В итоге с полным правом можно сказать, что для формирования профессиональных умений студентов-иностранцев в целом и речевых возможностей в частности значимым является их личное участие во внеаудиторных занятиях на русском языке: в ситуативно-тематических и лингвистических.

Литература

1. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. – М.: Просвещение, 1979.
2. Джоунс Р. Ситуативный словарь. – М.: Изд-во МГУ, 1971.
3. Жулий Т.Б. Вечера на русском языке. – М.: Рус. яз., 1989.
4. Швырка В.Н. Эстетическое воспитание будущих учителей русского языка: Автореф. ... канд. пед. наук. – Луганск: Альма-матер, 2003. – 13 с.

В статье рассматриваются проблемы освоения русского языка во внеаудиторное время.

Ключевые слова: внеаудиторные занятия, ситуативно-тематические и лингвистические занятия, пассивное и активное участие, языковой материал.

У статті розглядаються проблеми, пов'язані із засвоєнням російської мови під час позааудиторних занять.

Ключові слова: позааудиторні заняття, ситуативно-тематичні та лінгвістичні заняття, пасивна та активна участь, мовний матеріал.

In article are considered problems of the mastering the Russian language at out of auditorium time.

Key words: aout of auditorium studies, situation and thematic and linguistical studies, passive and active participation, language material.

УДК 811.112.2'42

Е. М. Какзанова

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ НЕМЕЦКИХ МАТЕМАТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ-ЭПОНИМОВ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ

Ономастика является формой репрезентации концептуальных структур. Соответственно, ономастику следует рассматривать в лингвокультурологическом аспекте, поскольку лингвокультурологический подход способствует более адекватному описанию языковых явлений, в частности, по мнению В.И. Карасика, имен собственных [1, с. 102]. Р. Глезер вообще считает культурологический подход неотъемлемой категорией ономастики специального научного текста. Она абсолютно уверена – и мы разделяем ее точку зрения, - что имена собственные в качестве компонентов терминов знакомят с материальной и духовной культурой народа и информируют о вкладе этого народа в международный научно-технический прогресс [2, с. 25]. Т.В. Топорова называет имена собственные зеркалом культуры [3, с. 3]. В.И. Карасик предлагает говорить о концептах имен собственных в рамках национальной

культуры [1, с. 122]. По мнению Ю.С. Степанова, культура – это совокупность концептов и отношений между ними [4, с. 40]. Концепт – это отражение культуры в сознании человека, а также то, посредством чего человек сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее [4, с. 43]. Говоря о существующих постоянно концептах как о константах в культуре, Ю.С. Степанов называет, в частности, такую константу, как «человек» [4, с. 84]. При этом самым устойчивым в константе «человек» есть имя [5, с. 270]. Строго говоря, сами по себе имена собственные не имеют никакого значения, то есть не могут быть определены без обращения к денотату – реальному носителю имени [3, с. 6].

Обратившись к научным математическим текстам с целью выявления в них лингвокультурологических особенностей, мы обнаружили, что абсолютно в каждом немецком математическом тексте, будь то статья, монография или диссертация, встречается большое количество терминов с ономастическим компонентом, или терминов-эпонимов. Учитывая отсутствие терминов-эпонимов в математических словарях и тезаурусах, нами предпринята попытка создания немецко-русского математического энциклопедического словаря, насчитывающего 1317 ученых, фамилии которых участвовали в формировании тех или иных математических понятий. Материалом для анализа послужили монографии классиков немецкой математической науки, таких как Карл Фридрих ГАУСС (1777–1855), Курт Отто ФРИДРИХС (1901–1982), Иоганн (Иоган) РАДОН (1887–1956), Готтлоб (Готлоб) ФРЕГЕ (1848–1925), Эрнст ВИТТ (1911–1991), Эмми НЁТЕР (1882–1935), Элвин Бруно КРИСТОФФЕЛЬ (1829–1900), монографии современных авторов, одна диссертация, а также научные статьи из немецких математических журналов с 1969 по 2006 годы. Для получения полноты картины мы воспользовались четырехязычным математическим словарем на английском, немецком, французском и русском языках, который включает в себя 35 тысяч терминов по всем областям математики [6]. Это единственный математический словарь, в который вошли все термины-эпонимы до 1983 года на английском, немецком и французском языках с их переводом на русский язык. Биографических ссылок на математиков нет, количество терминов с ономастическим компонентом также не оговаривается. Мы стремились к тому, чтобы объем нашего энциклопедического словаря был максимально полным. Б.И. Игнатьев утверждает, что для специалистов соответствующего профиля краткий специальный словарь явился бы малополезным изданием, поэтому каждый словарь специальной терминологии должен быть максимально полным [7, с. 27].

А.В. Кирилина считает, что практически все феномены языка, в том числе и культурологические, поддаются изучению в аспекте гендера [8, с. 105]. Вся жизнь общества пронизана дихотомией мужское-женское [8, с. 13]. А.В. Кирилина убеждена, что женщинам в обществе

приписывается меньшая ценность, чем мужчинам [8, с. 14]. Среди перечисленных выше классиков немецкой математической науки есть только одна женщина, немецкий математик Эмми Нётер. Гениальный ученый Эмми Нётер работала в атмосфере глубочайшего женоненавистничества, которая царила в то время в немецких «мужских» университетах. По словам ее биографа Tollmien, именно это явилось причиной серьезного заболевания и затем эмиграции Эмми Нётер в Америку. Эмми Нётер известна по таким терминам, как «noethersche Algebra», «Noethersche Bedingung», «Noethersche Gruppe», «lokal Noethersche Gruppe», «noethersche Halbgruppe», «linksnoethersche Halbgruppe», «rechts- und links-noethersche Halbgruppe», «noethersche Induktion», «noethersche Kategorie», «noetherscher Modul», «Noethersches Normalisierungslemma», «Noethersches Objekt», «noethersches Präschema», «lokal Noethersches Präschema», «noetherscher Raum», «Noetherscher Ring», «linksnoetherscher Ring», «rechtsnoetherscher Ring», «rechts- und links-noetherscher Ring», «Satz von Noether», «noethersches Schema», «noetherscher topologischer Raum», «Noether-Theorem».

В наш энциклопедический словарь вошли такие женщины ученые, как итальянский математик и философ Мария Гаэтана Аньези (1718–1799) с синонимичными терминами «Locke der Agnesi» и «Versiera der Agnesi»; английский математик Мэри Картрайт (1900–1998) с термином «Cartwright-Littlewoodsche Differentialgleichung»; французский математик Мари-Софи Жермен (1776–1831) с термином «Sophie-Germain-Primzahl»; российский математик Софья Васильевна Ковалевская (1850–1891) с термином «Satz von S. Kowalewski».

По своей структуре описываемые в настоящей статье термины-эпонимы представлены, в основном, терминологическими сочетаниями, а также сложными словами двух моделей:

а) фамилия одного ученого + простое существительное в единственном числе: *Noether-Theorem*

б) имя + фамилия одного ученого + существительное: *Sophie-Germain-Primzahl*.

Терминологические словосочетания представлены следующими моделями, некоторые из которых имеют свои разновидности:

I. Простое существительное + предлог (von) + фамилия ученого: *Satz von Noether*

Разновидность этой модели:

- Существительное + предлог + инициалы + фамилия ученого: *Satz von S. Kowalewski*

II. Генитивная модель, представленная простым существительным + артиклем женского рода в Genitiv + антропонимом: *Locke der Agnesi*, *Versiera der Agnesi*

III. Образованное от антропонима прилагательное + существительное (простое или сложное, в единственном числе): *noethersche Halbgruppe*

Разновидности этой модели:

Образованное от антропонима прилагательное + обычное прилагательное + существительное: *noetherscher topologischer Raum*

– Наречие + образованное от антропонима прилагательное + существительное: *lokal Noethersche Gruppe*

– Наречие 1 + союз + наречие 2 + образованное от антропонима прилагательное + существительное: *rechts- und links-noetherscher Ring*

– Комбинированное прилагательное из двух антропонимов + существительное: *Cartwright-Littlewoodsche Differentialgleichung*.

Мы включили в словарь также информацию об английском математике Grace Chisholm Young (1868-1944), которая, хотя и не увековечила себя каким-либо математическим термином, но зато является женой английского математика Henry Young (1863–1942) и матерью американского математика Laurence Chisholm Young (1905–2000).

Таким образом, число женщин-математиков, чьи фамилии вошли в состав математических терминов-эпонимов, составляет 0,5% от общего числа представленных в словаре ученых. Можно сделать вывод об андроцентричности математических терминов-эпонимов.

Невыясненной остается судьба термина-эпонима «*Artztsche Parabel*», обнаруженного в четырехязычном математическом словаре [6]. По не до конца проверенным данным немецкий математик-женщина изобрела данную параболу в 1884 году. Мы связались с американским профессором математики Алисой Артцт в надежде получить какую-либо информацию об авторе данного открытия, но профессор математики ответила кратко: «Я понятия не имею об этой параболе». Следует отметить, что ответ математика-женщины ничем не отличается от ответа математика-мужчины в аналогичной ситуации.

Дальнейший анализ научных текстов (причем не только математических) показал, что имена всех немецких авторов всегда приводятся полностью, например, Dr. Hans Bredow, Georg Schünemann, Franz Benedict Biermann, Robert Lachmann, Otto Kappelmayer, Walter Plugge, Gerhard Lindner, Willi Reich и т.д. Мы считаем, что, таким образом, безусловно, обращают внимание на гендерную принадлежность автора. К сожалению, такое написание не стало правилом нашего научного дискурса. В прежних своих работах (см., например, [9]) автор настоящей статьи активно ссылался на работу Е.А. Лобач, безуспешно пытаясь выяснить, как же расшифровываются инициалы данного автора, чтобы правильно просклонять фамилию. Совершенно случайно коллега, взглянув на фамилию, произнесла: «Это же Лена Лобач. Я ее знаю лично». Очевидно, следует подумать над тем, чтобы писать полностью имена тех авторов, фамилия которых не раскрывает их гендерной принадлежности. В то же время, если должность немецкого автора написана полностью, то имя отсутствует, например, Professor Schmidt. Понятно, что речь идет о мужчине, иначе было бы Professorin Schmidt. То

же относится и к врачам, и к официальным служащим, подпись которых требует расшифровки (например, подпись нотариуса или секретаря суда).

Литература

1. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с. **2. Gläser Rosemarie.** Gegenstand, Ziel und Methoden der Fachsprachenonomastik // Eigennamen in der Fachkommunikation/Hrsg. von Rosemarie Gläser. Leipziger Fachsprachenstudien 12. – Frankfurt am Main/Berlin/Bern/New York/Paris/Wien: Lang, 1996. – S. 15–33. **3. Топорова Т.В.** Культура в зеркале языка: древнегерманские двучленные имена собственные. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 253 с. **4. Степанов Ю.С.** Константы: Словарь русской культуры. – М.: Академический проект, 2001. – 990 с. **5. Булгаков С.Н.** Философия имени. – Санкт-Петербург: Наука, 1998. – 448 с. **6. Günther Eisenreich, Ralf Sube.** Technik-Wörterbuch. Mathematik. Englisch-Deutsch-Französisch-Russisch. A–Z. – Berlin: VEB Verlag Technik, 1983. – 923 S. **7. Игнатъев Б.И.** Принципы построения отраслевого двуязычного словаря // НТИ. – Сер. 1. – 1974. – № 5. – С. 24–30. **8. Кирилина А.В.** Гендер: лингвистические аспекты. – М.: Изд-во «Институт социологии РАН», 1999. – 180 с. **9. Какзанова Е.М.** Представители славянских стран в немецких математических терминах-эпонимах // Вісник Луган. нац. пед. ун-ту імені Тараса Шевченка. – 2007. – № 11 (128). – С. 92–97.

Статья посвящена исследованию гендерного аспекта математических терминов-эпонимов. Делается вывод об андроцентричности математических терминов-эпонимов. Описываются терминологические гнезда с фамилиями математиков-женщин. Анализируются модели терминов-эпонимов. Рассматривается культурологический аспект имен собственных.

Ключевые слова: математика, термины-эпонимы, гендерный аспект, лингвокультурологические особенности, имя собственное.

Стаття присвячена дослідженню гендерного аспекту математичних термінів-епонімів. Робиться висновок про андроцентричність математичних термінів-епонімів. Описуються термінологічні гнізда з прізвищами математиків-жінок. Аналізуються моделі термінів-епонімів. Розглядається культурологічний аспект власних імен.

Ключові слова: математика, терміни-епоніми, гендерний аспект, лінгвокультурологічні особливості, власне ім'я.

The article deals with the investigation of the gender aspect of mathematical eponym terms. A conclusion is drawn on the androcentricity of mathematical eponym terms. Terminological groups with the surnames of women-mathematicians are described. The analysis of models of eponym is proposed. The cultural aspect of the proper names is considered.

Key words: mathematic, eponym terms, gender aspect, linguocultural features, proper names.

И. А. Каменева

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПОЭЗИИ Ф. ТЮТЧЕВА

Категории пространства и времени являются существенными для лингвистического анализа художественного текста, так как и время, и пространство «служат конструктивными принципами организации литературного произведения» [1, с. 121].

Актуальность темы, избранной для анализа, обуславливается прежде всего интересом современного языкознания к проблеме художественной картины мира с временными и пространственными координатами. Комплексное использование различных методологий анализа художественного текста открывает новые перспективы в изучении поэтического текста. Актуальность темы исследования определяется также и необходимостью поисков разных подходов к изучению творчества Ф. Тютчева как единого поэтического мира, основными способами и формами существования которого являются художественное время и художественное пространство.

Некоторые исследователи творчества Тютчева разделяют его лирику на «поэзию дня» и «ночную поэзию» [2, с. 19], где нарисована картина вселенной так, как ее понимает и видит поэт.

Необходимо отметить, что тема дня и ночи была в центре внимания поэтов и писателей на протяжении всего развития литературного процесса, поскольку ее воплощение позволяет обратиться к вечным проблемам, определяющим в целом бытие человечества. «Ночь — наименее благоприятная пора, но не в мистическом смысле (как царство враждебных духов), а в естественнонаучном. Это некий кризисный момент человеческой жизнедеятельности, требующий максимального внимания, размышления, философского углубления в истину», — отмечает Ю.В. Манн, определяя таким образом роль и значение темы. [3, с. 35].

Усиление интереса к теме ночи предопределено спецификой «переходного времени». «Ночь» является универсальным мотивом, суть которого (по К. Юнгу) — «прорыв в бессознательное». Следовательно, «символика ночи, как трансцендентального времени, когда для человека открывается возможность постижения высших истин, может быть рассмотрена в космологических аспектах, связанных с мистическим опытом прохождения через тьму, хаос с целью обретения высшего знания» [4, с. 293]. В таком аспекте тема ночи оказалась наиболее привлекательна для романтиков, поскольку традиционные мифологемы дня и ночи созвучны системе романтического двоемирия. В русле

традиционной романтической антитезы «день-ночь» пролегает и основной конфликт рассматриваемых произведений Ф. Тютчева.

В «поэзии дня» и в «ночной поэзии» Тютчев изображает движение природы во времени (утро – день – вечер – ночь) и в пространстве (верх – низ). В основном, передавая моменты перехода из одного состояния в другое, Тютчев как бы замедляет время, воспроизводит в поэтическом образе медлительность времени, в течение которого происходят изменения в природе.

День и ночь у Тютчева находятся в сложных взаимоотношениях. С одной стороны, они неразрывно связаны между собой, представляя постоянно сменяющие друг друга этапы движения жизни: день плавно перетекает в ночь и наоборот. С другой стороны, Тютчев часто использует противоположение «ночь-день» [5, с. 280]. Это не просто временная, а пространственно-временная оппозиция, поскольку в своей «поэзии дня» поэт изображает движение природы во времени и пространстве, в «ночной поэзии» – в основном представлено пространство, окружающее землю: «бездна безымянная», «бездна роковая», «всепоглощающая бездна».

День — это «покров, наброшенный над бездной», «блистательный покров», «души болящей исцеленье». Ночь – исчезновение «блистательного покрова», обнажение бездны «с своими страхами и мглами». А ночь – это вершина мироздания, «верх» пространства, которому противостоит «низ»: «с неба звезды нам светили / снизу искрилась волна», «туманная и тихая лазурь / над грустно сиротеющей землею»; «сводом легким и прекрасным / светит небо надо мной; и баюкает их море тихоструйною волной», «чуткие звезды глядят с высоты», «месяц слушал, волны пели».

Элементы пространственных отношений имеют в творчестве поэта особую значимость. В поэзии Тютчева основным является стремление к контакту между пространством «верха» и «низа». В противоположении «верх-низ» «день» и «ночь» выступают в функции «посредника», связующего основные противопоставленные пространственные сферы: («Как светло сонмы звезд пылают надо мною»; «Какая ночь сгустилась над землею»). Взаимоотношение этих сфер определяется направлением их встречного движения. «Посредниками» являются различные образы: «Мотылька полет незримый Слышен в воздухе ночном...» (земное в небесном, движение по вертикали снизу вверх); «И опять звезда ныряет В легкой зыби невских волн» (небесное в земном, движение по вертикали сверху вниз). Образами, которые объединяют пространство «верха» и «низа» являются и языковые средства, как, например метафоры глаголов «глядеть», «глядеться», «смотреть» при субъекте действия солнце, луна, звезды. Приведем примеры: «неохотно и несмело / солнце смотрит на поля», «солнце раз еще взглянуло / исподлобья на поля», «чуткие звезды глядят с высоты», «здесь, где так вяло свод небесный / на землю тощую глядят».

Для сближения пространства «верха» и «низа» Тютчев обращается к глаголам «лить», «литься», «облить», которые также являются «посредниками». Эти глаголы, как правило, употребляются с существительными, обозначающими источники света (как известно, «свет» является знаком пространства): «сияет зал и купол весь в лучах», «Сумрак тихий, сумрак сонный, / лейся в глубь моей души». Очень часто автор использует глаголы в метафорическом значении: «луч бежит», «...свод небесный на землю тошую глядит», «небо, полное грозой, все в зарницах трепетало», «но днем, когда, сокрытые как дымом / палящих солнечных лучей, / они, как божества, горят светлей / в эфире чистом и незримом».

Как уже было сказано, в «поэзии дня» Тютчев также изображает движение природы во времени, которое мыслится поэтом не только как механическое перемещение, но и как борьба противоречивых проявлений.

Противоположность дневного и ночного мира ярко представлена в стихотворении «День и ночь».

*На мир таинственный духов,
Над этой бездной безымянной,
Покров наброшен златотканый
Высокой волею богов.
День – сей блистательный покров –
День, земнородных оживление,
Души болящей исцеленье,
Друг человеков и богов!*

*Но меркнет день – настала ночь;
Пришла – и с мира рокового
Ткань благодатную покрова,
Сорвав, отбрасывает прочь ...
И бездна нам обнажена
С своими страхами и мглами,
И нет преград меж ей и нами –
Вот отчего нам ночь страшна!*

В первой строфе отсутствует движение, картина статична. Это определяется отбором лексического материала: Тютчев использовал лишь один глагол с пространственной семантикой «наброшен». В тексте доминируют имена существительные и прилагательные, что вполне согласуется с преобладанием в нем номинативных предложений. Несмотря на то, что здесь отсутствуют глаголы движения, автор описывает картину настоящего с намеком на перспективу.

Вторая часть стихотворения (описание ночи) отличается скоплением глаголов и отглагольных форм. После двух глаголов совершенного вида прошедшего времени «настала», «пришла», характеризующих наступление ночи, глагол несовершенного вида

настоящего времени направлен на создание эффекта зримости совершаемого действия и на внезапность открывшегося зрелища «бездны». Созерцая «бездну» днем, человек тянется к ней. Но в то же время он боится слияния с ней. Слияние, как мы видим, происходит ночью, когда «бездна нам обнажена С своими страхами и мглами», поскольку действительная сущность мира открывается только ночью.

Описывая день и ночь, Тютчев обозначил пространство и время каждого «действия». В этом действии происходит смена декораций: в первой строфе — описание земли, во второй — бездны. Пространство — «бездна роковая», «мир таинственных духов». Время, в течение которого происходит смена действий, — бесконечность [6, с. 500].

«День» и «ночь» противопоставлены как разнонаправленные силы, но они не противопоставлены во времени. «День» исчезает с наступлением «ночи», «ночь» исчезает с наступлением «дня». Взору художника открылась мировая ночь «с своими страхами и мглами», как «бездна безымянная», как «мир роковой», от которого мы отделены «тканью благодатного покрова» — дня.

Многие из стихотворений Тютчева были посвящены ночной природе.

В «ночной поэзии» Тютчев описывает ночь и как живую и безмерную в своей глубине и тайных смыслах. Ночь помогает проникнуть в «тайное тайных» человека. Вместе с тем она является носителем загадок и тайн всего мироздания. Может быть, поэтому ночь в изображении поэта представляется столь величественной и грандиозной. Этому способствует употребление соответствующей экспрессивно окрашенной лексики («светозарный бог», «сияет», «чистое стекло», «вольет елей душистый и янтарный»).

*Смотри, как днем туманисто-бело
Чуть брезжит в небе месяц светозарный,
Наступит ночь – и в чистое стекло
Вольет елей душистый и янтарный!*

А для описания дня автор использует эпитет «облик тощий», чтобы показать блеклость, тусклость этого времени суток в сравнении с ночью:

*На месяц взглянь: весь день, как облик тощий,
Он в небесах едва не изнемог, –
Настала ночь – и, светозарный бог,
Сияет он над усыпленной рощей!*

В «ночной поэзии» Тютчев изображает пространство «верха» и все то, что с ним связано. Образы неба, месяца мы можем условно отнести к пространству «верха», «космическому пространству». Словесный образ небесного пространства Тютчев создает при помощи метафор, перифраз («светозарный бог», «месяц золотой»; «небесный свод», «звезды-горемыки»), которые реализуются через глагольную

дистрибуцию «сияет», «брезжит» (месяц); «глядит», «светит», «горит», «рдеют» (звезды).

В «поэзии дня» главным оказывается образ земли: «усыпленная роща», «лениво катится река», «покров наброшен златотканый».

Все стихотворения Тютчева — вариации на одну и ту же тему, варианты воплощения его мирообраза: борьбы «дня» с «ночью», света с мраком, ночного хаоса с «пламенным днем».

Проанализируем стихотворение «Молчит сомнительно Восток», в котором борьба ночи и дня прослеживается в момент перехода от мглы к первым солнечным лучам.

*Молчит сомнительно Восток,
Повсюду чуткое молчанье...
Что это? Сон иль ожиданье,
И близок день или далек?
Чуть-чуть белеет темя гор,
Еще в тумане лес и доли,
Спят города и дремлют селы,
Но к небу подымите взор...*

*Смотрите: полоса видна,
И, словно скрытной страстью рдея,
Она все ярче, все живее —
Вся разгорается она — еще минута, и во всей
Неизмеримости эфирной
Раздастся благовест всемирный
Победных солнечных лучей.*

Тютчев описывает грандиозность светового явления. В первой строфе преобладает лексика сна, покоя, дремоты: молчит, молчанье, сон, спят, дремлют. Но в ней есть и слова, которые говорят об изменении состояния природы: сомнительно, чуткий, ожиданье, «чуть-чуть белеет темя гор», «но к небу подымите взор».

Миг появления солнечных лучей автор запечатлел в ярких красках («рдея», «ярче», «разгорается»). Нарастающий динамизм поддерживается лексикой: «полоса видна», «она все ярче, все живее», «вся разгорается она». Усилительная частица все («все ярче, все живее») усиливает интенсивность красного цвета («рдея»). Динамика также подчеркнута глаголом «разгорается», который показывает длительность процесса и, как результат, появление лучей, заполняющих незримое небесное пространство. Нарастающий динамизм поддерживается фразами («полоса видна», «она все ярче, все живее», «вся разгорается она»), содержащими усилительную частицу все («все ярче, все живее»).

Автор предвосхищает момент восхода солнца. Тютчев показывает борьбу между ночью и днем: «Еще минута, и...» «раздастся благовест всемирный». При этом используются перифразы для передачи

перспективы пространства верха: «неизмеримость эфирная» (небесное пространство).

В создании картины наступления утра играют большую роль определения «всемирный» (благовест), «победных» (солнечных лучей), перифрастическое название небесного пространства «незримость эфирная». Само слово «благовест» говорит о торжественности наступления утра. Автор приравнивает лучи к звукам, которые заполняют собой пространство: «лучей победных», «благовест всемирный».

Все языковые средства, использованные в стихотворении, отражают момент ожидания восхода солнца и саму картину появления первых солнечных лучей.

Динамичному утру у Тютчева противопоставлены вечер, сумерки, когда жизнь замедляет свой ход. Поэт также пытается замедлить время, запечатлеть миг этого переходного момента. Ключевые слова, передающие этот миг, имеют значение: «скатиться» («Летний вечер»), «меркнуть» («Песок сыпучий по колени»), «спуститься» («Как сладко дремлет сад темно-зеленый»), «разгореться» («смотри как запад разгорелся»), «Вечереет» («день вечерееет, ночь близка»), «догорать» («Я помню время золотое»).

Переживание сумерек – одно из сложнейших у Тютчева. В момент перехода от дня к ночи, от света к мраку поэт ярко и выразительно описывал картину сумеречного часа.

Проанализируем стихотворение «Тени сизые смешались»:

*Тени сизые смешались,
Цвет поблекнул, звук уснул -
Жизнь, движенье разрешились
В сумрак зыбкий, в дальний гул...
Мотылька полет незримый
Слышен в воздухе ночном...
Час тоски невыразимой!..
Все во мне, и я во всем!..
Сумрак тихий, сумрак сонный,
Лейся в глубь моей души,
Тихий, томный, благовонный,
Все залей и утиши.
Чувства - мглой самозабвенья,
Переполни через край!..
Дай вкусить уничтоженья,
С миром дремлющим смешай!*

Перед нами запечатлен момент дня, когда все природные краски потеряли свою яркость. Автор не только описывает потерю оттенков сизыми тенями, но и приглушенность цвета в сумеречный час.

Поэт представляет ночь в наиболее типичных для нее внешних признаках — отсутствие света — цвета, замирание всех проявлений

жизни и времени. Тьма стирает все грани, превращая мир в «сумрак зыбкий».

Автор благодаря умелому использованию лексики сочетал воедино такие слова и в таком порядке, что мы видим и слышим сумеречный час: «тени сизые смесились», «цвет поблекнул, звук уснул».

Стихотворение строится на двух тематических комплексах: «сумрак» (слова: сумрак, мгла, тихий, тихий, благовонный) и «человек» (слова: глубь души, чувства, дай вкусить, смешай, сонный, утиши, дремлющий, самозабвенье). Комплекс «сумрак» включает прямое лексическое наименование ночи и синонимы «ночь», «тьма», «мрак», «сумрак», «мгла»; метафору глагола «смесились» (тьма); прилагательное «ночной» (воздух), с темпоральным значением; глагол «лейся» (сумрак), обладающий пространственным значением.

Первая строфа стихотворения не просто запечатлевает выразительно и точно одно из первых восприятий сумеречной темноты, но и ее динамику. Перед нами запечатлен не только такой миг дня, когда отдельные краски потеряли свою четкость и выразительность. Мы погружаемся в атмосферу неопределенности, когда светлый день завершается, но еще не завершился, когда мрак наступает, но еще не наступил. Это и есть в условиях определенного пространства и времени борьба между светом и мраком, которая в том или ином виде проходит почти через всю поэзию Тютчева и связана с его мироощущением.

В зыбком сумраке, когда «цвет поблекнул» и «звук уснул» можно увидеть незримый полет мотылька и услышать его.

Признаки наступления ночи находят свое метафорическое и номинативное обозначение в следующих словах: «сумрак тихий», «сонный», «тихий», «дремлющий», «томный».

Первые строки стихотворения воспринимаются как обращение к сумеречному мигу. Поэт требует от сумеречного часа, чтобы он

*Чувства – мглой самозабвенья
Переполни через край!..
Дай вкусить уничтоженья,
С миром дремлющим смешай!*

Образ сумеречного часа художественно раскрыт во всей его полноте. Победа ночного мрака над светом раскрывается во второй половине стихотворения как момент преодоления личностью граней между ней и окружающим миром, когда «все во мне, и я во всем».

Наблюдение над лексическим материалом тютчевской «поэзии дня» и «ночной поэзии» позволяет сделать некоторые обобщения.

Образы дня и ночи у Тютчева создаются при помощи перифраз, метафор, поэтических синонимов прямых наименований явлений (ночь, тьма, мрак, сумрак, мгла), сравнений, которые в традиционной романтической поэзии создавали впечатления величия, грандиозности. «Ночная поэзия» и «поэзия дня» изобилуют пространственными образами. Тютчевская лирика природы также богата движением.

Стихотворения представляют собой не картины, а сцены, где происходит действие. Природа изображается во времени, в открытых и закрытых ее переходах.

Таким образом, можно сделать вывод, что образы «дня» и «ночи» являются основными в воплощении авторского хронотопа.

Литература

1. **Николина Н.А.** Филологический анализ текста. — М.: Издат. центр «Академия», 2003. — 256 с.
2. **Касаткина В.Н.** Поэзия Ф.И. Тютчева. — М.: Просвещение, 1978. — 176 с.
3. **Манн Ю.В.** Проблемы романтизма. — М., 1967.
4. **Поэтика русской литературы.** М., 2001. — 366 с.
5. **Виноградов В.В.** Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. — М., 1963.
6. **Гиршман М. М.** «Мир и ночь» Тютчева. Изв. Акад. наук СССР. Сер. лит-ры и яз. — 1973. Вып. 6. — Т. XXXII.
7. **Пигарев К.В.** Жизнь и творчество Тютчева. — М., 1962.
8. **Брюсов В.Ф.** Ф. Тютчев // Избр. соч.: В 2 т. — Т. 2. — М.: ГИХЛ, 1985.
9. **Озеров Л.** Ода эпитету. — Вопр. лит-ры. 1972. — №4.
10. **Григорьева А.Д.** Слово в поэзии Тютчева. — М., 1980. — 248 с.

Статья посвящена проблеме художественного времени и художественного пространства в лирике Ф. Тютчева. В ней рассматривается «поэзия дня» и «ночная поэзия». Анализ каждого конкретного поэтического текста позволил определить, какие категории нашли в нем воплощение («время», «пространство»), а также выявить лексические средства их выражения.

Ключевые слова: день, ночь, художественное пространство, художественное время.

Статтю присвячено проблемі художнього часу та художнього простору в ліриці Ф. Тютчева. У ній розглядається «поезія дня» та «нічна поезія». Аналіз кожного конкретного поетичного тексту дозволив з'ясувати, які категорії знайшли в ньому втілення («час», «простір»), а також виявити лексичні засоби їх вираження.

Ключові слова: день, ніч, художній простір, художній час.

The article «Space and time organization of Tjutchev's lyrics » is devoted to the problem of space and time in the poetry. We briefly review the «day poetry» and the «night poetry». The analysis of each poem let us determine which categories are embodied in it («time», «space») and discover its lexical ways of expression.

Key words: day, night, space, time.

Е. П. Карпенко, И. А. Логвиненко

**«ФОРМАЛЬНЫЙ» ПАРАЛЛЕЛИЗМ В ПОЭТИЧЕСКОМ
ПРОИЗВЕДЕНИИ (НА ОСНОВЕ СТИХОТВОРЕНИЙ
Б. Л. ПАСТЕРНАКА)**

Одним из общепризнанных выводов в современной лингвистике является то, что поэзия, в отличие от прозы, способна в сжатой *форме* особым языком *образов* выразить огромное количество информации. (Вспомним Нобелевскую лекцию И.А. Бродского: «Стихосложение – колоссальный ускоритель сознания, мышления, мироощущения».) Слова «форма» и «образ» выделены не случайно. Во-первых, поэзия ограничена своеобразными структурными рамками (ритмом и размером), а также опирается на грамматический строй определённого языка. Во-вторых, поэзия говорит особым языком символов, каждый из которых несёт в себе многообразие смысла. Основой первого является *параллелизм формы*, основой второго – *параллелизм образов*.

Ещё в начале 20-го века многие крупные отечественные (Р. Якобсон, Ю. Лотман, А. Веселовский, В. Жирмунский) и зарубежные (Дж. М. Хопкинс, Дж. Р. Хайтауэр, П.А. Будберг) лингвисты приходили к выводу, что все элементы поэтического произведения находятся в параллельных связях между собой и что в поэтическом языке нет ничего случайного. Ю.М. Лотман в своих работах, подчёркивая многоуровневость структуры художественного произведения и исследуя взаимодействие структур через одноуровневые и межуровневые сопоставления, неоднократно отмечает, что основным механизмом поэтического языка является параллелизм. Учёный утверждает, что в художественном тексте слово не существует самостоятельно, «слово оказывается соотнесённым с другими словами, поставленным в параллельное положение к ним» [1, с. 205]. Дж. М. Хопкинс писал: «Структура поэзии – это постоянный параллелизм, начиная с формальных так называемых параллелизмов древнееврейской поэзии и антифонов церковной музыки и заканчивая изощрённостью древнегреческого, итальянского и английского стиха» [2, с. 99].

Выделенный как фигура поэзии в библейских текстах ещё в XVIII веке, параллелизм до сих пор не имеет чёткой и всеобъемлющей классификации. Р. Якобсон, автор статьи «Грамматический параллелизм и его русские аспекты», отмечает некоторые попытки дать обобщённую классификацию параллелизмов на основе китайской поэзии (китайский трактат 9 века, исследования Хайтауэра), но говорит о необходимости свести «бесконечное разнообразие параллелей в строгую и исчерпывающую типологию» [2, с. 100].

Действительно, анализируя существующие классификации параллелизмов в статье «Параллелизм как явление поэтической речи» [3], мы пришли к выводу, что однобокость и отсутствие чётких принципов подразделения на типы в данных классификациях делает необходимым создание детальной классификации параллелизмов, охватывающей все стороны данной фигуры поэзии на всех языковых уровнях.

Одной из особенностей нашей классификации, которая отличает её от предшествующих, является разграничение в параллельных конструкциях *параллелизма формы* и *параллелизма содержания*. Действительно, каким бы острым не был спор по поводу главенства формы или содержания в поэзии, ставший одной из основных проблем поэтики в начале прошлого века, само их наличие отрицать невозможно. В современной отечественной лингвистике превалирует мнение о неотделимости формы от содержания, их взаимосвязи и единстве. Однако, на наш взгляд, разграничение формальной и содержательной стороны поэтического произведения необходимо, так как задача лингвиста, в отличие от литературоведа, состоит в том, чтобы научными методами «препарировать» художественное произведение, исследовать его мельчайшие структурные элементы, проследить их в совокупности их связей и взаимоотношений и на основе этого сделать научные выводы о влиянии метро-ритмического, синтаксического, морфологического, лексического, фонологического, уровня – *формы* – на *содержание* и восприятие произведения, а *содержания* на выбор *формы* произведения.

Цель данной статьи – описать формальный аспект параллельных конструкций в поэзии, проанализировать взаимодействие различных формальных уровней. Исследование иллюстрируются текстами Б. Пастернака.

Если обратиться к истории вопроса, то можно увидеть, что учёные, исследующие проблему параллелизма в поэзии, в основном обращали внимание на формальные характеристики параллелизма, справедливо отмечая, что «явление структуры в стихе всегда, в конечном итоге, оказывается явлением смысла» [1, с. 149].

Основываясь на различных критериях, мы выделили следующие типы параллельных конструкций: по языковому уровню – ритмико-интонационный, фонетический, грамматический (синтаксический, морфологический) и графический. По структуре – полный и неполный (анафорический и эпифорический) параллелизм. По порядку расположения параллельных структур – прямой, хиастический и лестничный параллелизм. По месту расположения – внутристрочный, в смежных строках и строфный. По количеству членов – одночленный, двучленный и сложные параллельные конструкции.

По языковому уровню наиболее детально исследованным в отечественной и зарубежной поэтике является грамматический параллелизм. Разделение грамматического параллелизма на

синтаксический, морфологический и выделение **фонетического параллелизма** встречается в работах Р. Якобсона [2] и Ю.М. Лотмана, [1; 4]. Однако глубокий анализ в трудах отечественных и зарубежных исследователей получил только **синтаксический параллелизм**. Его можно определить как повторяемость синтаксических компонентов отрезка текста. В поэзии Б. Пастернака мы находим множество примеров синтаксического параллелизма:

Я унизил себя до неверья.

Я унизил тебя до тоски [6, с. 138].

Данный контекст – пример полного синтаксического параллелизма, когда синтаксическая конструкция полностью дублируется следующей за ней синтаксической конструкцией. Однако для творчества Б. Пастернака более характерен неполный синтаксический параллелизм, т.е. частичное дублирование синтаксической конструкции, которое, однако, позволяет говорить об их схожести. (И.А. Рабчинская использует для обозначения полного синтаксического параллелизма термин «идеальные параллельные фразы», а для неполного синтаксического параллелизма – термин «периферийные параллельные фразы») [6]. Приведём пример:

Забором крался конокрад,

Загаром крался виноград... [6, с. 126].

Обе данных строки представляют собой синтаксическую конструкцию «*второстепенный член предложения – сказуемое – подлежащее*». Однако в первой строке мы имеем дело с обстоятельством места в роли второстепенного члена предложения, а во втором – с косвенным дополнением в творительном падеже. Их, однако, объединяет грамматическая форма творительного падежа и практически полное повторение консонантного состава слова: *забором* – *загаром*. Сходны по своему звуковому составу и подлежащие данных предложений: *конокрад* – *виноград*. Синтаксическим и смысловым центром обеих строк являются сказуемые-омонимы – *крался*. На фонетическом уровне также повторение звуко сочетаний бр – кр – гр является объединяющим для всех слов отрывка.

Ещё один пример:

Змеей гремучею – в песок,

Гремучей ржавчиной – в купаву [6, с. 82].

В данном случае мы видим хиастическую перестановку синтаксических членов начальных полустиший: *обстоятельство способа действия – обстоятельство места* и *обстоятельство действия – обстоятельство места*. Интересно здесь также повторение прилагательного «гремучая» в прямом и переносном смысле и характерное для Пастернака повторение звуковых комплексов: *в песок* – *в купаву*. На ритмико-синтаксическом уровне параллелизм поддерживается паузами перед обстоятельством места.

Неполный синтаксический параллелизм может быть подразделён на неполный **анафорический** и неполный **эпифорический** параллелизм:

*Клевали кисти воробы,
Кивали безрукавки чучел...* [6, с. 126].

В приведённом выше примере мы можем наблюдать **неполный анафорический параллелизм**, когда повторяется синтаксический рисунок начала строки. Обе строки начинаются со сказуемого, выраженного глаголом прошедшего времени во множественном числе, одно из которых, однако, является переходным глаголом, а второе непереходным глаголом, что и обуславливает разницу следующих за ним членов. В первом случае мы имеем дело с синтаксической схемой «сказуемое – прямое дополнение – подлежащее», а во втором – «сказуемое – подлежащее – косвенное дополнение».

Следующий отрывок также является примером неполного анафорического параллелизма. В первых трёх строках четверостишия с помощью интонационных пауз акцент делается на первой части строки, содержащей предикативную группу. И, благодаря авторской пунктуации, мы воспринимаем данные группы как синтаксически тождественные, хотя на самом деле они таковыми не являются. Синтаксическая схема начала первой строки: «сказуемое – подлежащее», начала второй строки: «сказуемое – обстоятельство места», начала третьей строки: «подлежащее – сказуемое». Четвёртая строка благодаря авторской пунктуации в ритмико-интонационном плане также является параллельной остальным трём.

*Смеркалась даль, – спокойная на вид, -
И дуло в щели, – праведница ликом, -
И день сгорал, давно остановив
Часы и кровь, в мучительно великом* [6, с. 155].

Гораздо реже в творчестве Пастернака можно встретить **неполный эпифорический параллелизм**:

*И за оргию чувств – в западню?
С ураганом – к ордалиям партий?* [6, с. 137].

Как мы видим, вторая часть строк параллели выражена обстоятельством места и оформлена вопросительной интонацией.

В следующем контексте параллелизм конца строк (первой и третьей строки) выражен сравнением, хотя и не тождественным по своей лексической наполненности и грамматическому оформлению:

*Замер загадкой, как вкопанный,
Глядя на поле лепное:
В звёздную стужу как сноп оно
Белой плескало копною* [6, с. 128].

Синтаксический параллелизм в данном примере поддерживается рифмой и повторением звукокомплекса «**пн**» во всех четырёх строках.

Морфологический параллелизм мы определяем как противопоставление грамматических форм слова и категорий частей речи в смежных конструкциях. Проанализируем следующие строки:

Казалось, древность счастья облетает.

Казалось, лес закатом снов объят.

Счастливые часов не наблюдают,

Но те, вдвоём, казалось, только спят [6, с. 142].

Повторение глагола «казалось» акцентирует внимание на следующих за ним придаточных предложениях. Мы видим, что сказуемое придаточного предложения первой строки «облетает» противопоставлено сказуемым придаточных предложений второй и четвертой строк «объят» и «спят» по признаку активности-пассивности. В случае противопоставления «облетает» – «объят» первый глагол употреблён в активном залоге, а второй – в пассивном, а в случае «облетает» – «спят» первое сказуемое выступает глаголом активного действия, а второе – пассивного, что продуцирует значение неотвратимости, невозможности что-то сделать, в то время как «счастье облетает».

Рассмотрим ещё одно четверостишие:

Но время шло и старилось. И рыхлый,

Как лёд, трещал и таял кресел шёлк.

Вдруг, громкая, запнулась ты и стихла,

И сон, как отзвук колокола, смолк [6, с. 32].

Глаголы несовершенного вида первых двух строк – «шло», «старилось», «трещал», «таял», - передавая плавный ход времени, явно контрастируют с глаголами совершенного вида третьей и четвертой строки «запнулась», «стихла», «смолк». Мы наблюдаем здесь грамматическое противопоставление категории вида и смысловое противопоставление «движение-остановка», «шум-тишина», «переход из одного состояния в другое», которое подкрепляется началом следующей строфы: *Я пробудился*.

Исследуя творчество Б. Пастернака, можно найти множество примеров использования поэтом фонологических повторов и паронимической аттракции как средств художественного изображения. «Фонетика его изумительна», – читаем у Давида Самойлова [7, с. 280]. Для раннего Пастернака характерно обилие аллитерации в одном четверостишии. Такой приём позволяет создать то ощущение напряжённости и сжатости на грани взрыва мироздания, которое отмечают многие исследователи творчества поэта. Четверостишие, отличающееся такой концентрацией одинаковых звуков на маленьком отрезке, у Пастернака противопоставляется всему произведению, привлекает к себе внимание. Или же, как мы сможем проследить в следующем отрывке, употребление звуковых повторов разграничивает два описания, две картины:

*Облака над заплаканным флоксом,
Обволакивав даль, перетрафили.
Цветники как холодные кафли.
Город кашляет школой и коксом.*

*Редко брызжет восток бирюзью.
Парников изразцы, словно в заморозки,
Застывают, и ясен, как мрамор,
Воздух роц и, как зов, беспризорен [6, с. 155].*

В первом четверостишии бросается в глаза употребление звука «ф», который редко встречается в естественном языке, и частотное употребление звука «л». Более того, начало первых двух строк с сочетания «абл – абв» (*облака, обволакивав*) придаёт начальный толчок четверостишию. Поэт с помощью частотного употребления фонетических сочетаний «пл – фл» и звука «л» (*заплаканным, флоксом, перетрафили, холодные, кафли*) подводит логически к завершающему третью строку слову «кафель». В последней строке звук «ф» исчезает, происходит смена звуковых сочетаний на «кшл – шкл – ккс» (*кашляет, школой, коксом*), которые являются анаграммой слова «кашель».

Повторное употребление звуковых сочетаний «рз – зр» и звуков «р» и «з» во втором четверостишии (*брызжет, бирюзью, изразцы, заморозки, застывают, зов, беспризорен*) создает атмосферу мороза, ясности и лёгкости, контрастируя с тяжеловесностью и «обволакиванием» фонетических сочетаний «фкл» и «шкл». Параллелью к ключевому слову первого четверостишия «кафель» становится слово «изразцы», по сути являющееся синонимом последнего и также обозначающее облицовочный материал. Однако, изразцы – это слово русского происхождения, имеющее сегодня определённую стилистическую коннотацию, а кафель – заимствованное слово, термин в строительном деле. Таким образом, наблюдаемый **на фонетическом уровне параллелизм** становится базой для семантических параллелей «кафель – изразцы», «туман – ясный воздух», «город – за городом», что подтверждает тезис Ю.М. Лотмана о том, что «чем больше единства на более низком уровне, тем контрастнее выступает другой уровень [1, с. 108]¹.

Основу **ритмико-интонационного параллелизма** составляет повторение ритмического рисунка отдельных строк или строф. И.И. Ковтунова пишет: «Усиление ритмической организации текста увеличивает количество внутренних семантических сопоставлений и этим углубляет смысл, создаёт бесконечно уходящую вдаль смысловую перспективу» [8, с. 13]. В следующем контексте мы можем наблюдать строчный и строфный ритмический параллелизм:

*Теперь качаться продолжая
В стихах вне ранга,*

*Бредут в туман росой лужаек
И снятся Гангу.*

*Рассвет холодной ехидной
Вползает в ямы,
И в джунглях сырость панихиды
И фимиама [6, с. 74].*

В стихотворении «Плачущий сад» из цикла «Сестра моя - жизнь» мы видим ритмико-интонационный параллелизм начальных строк нечётных строф:

- 1) *Ужасный! – Капнет и вслушается*
- 2) *Ни звука. И нет соглядатаев.*
- 3) *Но тишь. И листок не шелохнется [6, с.75]*

Данное расположение ритмически параллельных строк играет структурообразующую функцию в организации композиции стихотворения, а асимметричность ритмических отрезков (использование односоставного простого предложения в первом такте трёхтактной тонической строки, вследствие чего оно выделяется интонационно и семантически на фоне следующих двух тактов) акцентирует основные характеристики «плачущего сада» – «ужасный», «ни звука», «тишь», с последующим раскрытием данных характеристик.

Н. Фатеева, описывая основные тенденции развития поэтического языка в конце XX-го века, отмечает также и стремление поэтов к «созданию визуальной структуры с обнажённой формой», к передаче «зрительной интонации» [9]. Однако, по нашему мнению, данная черта характерна уже для поэтов начала XX-го века. Анализируя произведения Б. Пастернака, можно заметить, что **графический параллелизм**, в частности использование тире в, казалось бы, не требующих того по смыслу местах, помогает создавать своеобразный параллелизм интонаций и смысла. Такой поэтический приём конструирует особую соотносённость интонационно параллельных частей стихотворного текста.

*Как усыпительно – жить!
Как целоваться – бессонно! [6, с. 105].*

Выделив графически данные строки в заключительной части стихотворения «Возвращение», автор, во-первых, акцентирует кульминационный момент произведения, во-вторых, хотя семантически нам даны пара антонимов «усыпительно-бессонно» и пара глаголов в противопоставлении «жить-целоваться», сильная позиция после тире слов «жить» и «бессонно» с восклицательным знаком в конце устанавливает между ними новые, уже синонимические связи.

Примером графического параллелизма может послужить и особое позиционирование строк в стихотворении:

*Беззаботные толпы
Снуют,
Как бульварные крали.
Сутки,
Круглые сутки работают
Поршни гульбы [6, с. 227].*

В вышеуказанном примере графическое позиционирование заключается в выносе слов «снуют» и «сутки» в отдельные строки. Графический параллелизм здесь подкреплён также фонетическими параллелями. Так, на фоне повторов звука «т» в различных фонетических сочетаниях с глухими или сонорными звуками (*беззаботные, снуют, сутки, работают*) и повтора звука «л» в сочетаниях со звонкими согласными (*бульварные, крали, круглые, гульбы*) объединяющим выступает слово «*толпы*», включающее в себя как звук «т», так и звук «л». Таким образом, в данном случае мы имеем два позиционно и фонетически обусловленных ряда. Первый – «толпы – крали – гульбы» – выделяется за счёт наличия звука «л» и позиции конца строки, и второй – «снуют – сутки» – выделяется за счёт позиционирования в отдельную строку и паронимической аттракции.

Данными примерами мы подтверждаем тезис о том, что графика в поэзии часто служит и для создания ритмико-интонационных параллелей.

Мы упоминали, что по порядку расположения парных структур параллелизмы можно разделить на прямые, хиастические и лестничные. В **прямых параллельных структурах** компоненты параллелей имеют одинаковый порядок:

*Бездонный день – огромен и пунцов.
Поднос Шелони – чёрен и свинцо [6, с. 108].*

В данном контексте мы можем наблюдать повторение синтаксической структуры предложения, где за группой подлежащего следует группа сказуемого, выраженная двухкомпонентным рядом однородных членов предложения. Разбивка строк на полустипия подкрепляется также интонационно (паузой) и графически (с помощью тире).

Рассмотрим ещё один пример:

*Взвилось мечом Дамокла: рысью!
И лишь спустя мгновение: марш! [6, с. 186].*

Вышеуказанный контекст является примером ритмико-интонационного параллелизма, где автор с помощью пауз и семантически выделяет концовки строк, формируя асимметричный интонационный рисунок.

Отличительной особенностью **хиастических параллельных структур** является то, что компоненты параллелей расположены в обратном порядке:

Вы узнаны, ветки! Прохожий, ты узнан! [6, с. 50].

В данном случае мы имеем дело с внутрисклочным параллелизмом, где синтаксическая схема *ядро предложения (подлежащее + сказуемое) – обращение* трансформируется в схему *обращение – ядро предложения (подлежащее + сказуемое)*.

В следующем контексте все члены предложения изменяют свой порядок на обратный:

*И рожь горела в воспаленьи,
И в лихорадке бредил бог* [6, с. 97].

То есть мы имеем дело с синтаксической схемой *подлежащее – сказуемое – обстоятельство образа действия* в первой строке и *обстоятельство образа действия – сказуемое – подлежащее* во второй строке. Дополнительный смысл конструкция приобретает также за счёт противопоставления подлежащего, выраженного именем существительным женского рода (*рожь*), и подлежащего, выраженного именем существительным мужского рода (*бог*), при полной контекстуальной синонимии обстоятельств образа действия (*в воспаленьи – в лихорадке*).

Лестничный параллелизм можно определить как параллелизм строк, в которых семантический или синтаксический компонент повторяется в более расширенном виде в каждой последующей строке. В творчестве Б. Пастернака данный вид параллелизма не очень распространён, но обнаруживается в некоторых произведениях. Проанализируем следующий контекст:

Мчались звёзды. В море мылись мысы [6, с. 124].

Если данный отрывок представить немного по-другому графически, то лестничный параллелизм будет виден чётче:

*Мчались звёзды.
В море мылись мысы.*

В данном примере мы видим повторение синтаксического паттерна:

*Сказуемое – подлежащее
Обстоятельство – сказуемое – подлежащее*

По месту расположения параллелизм может быть:
– **внутрисклочный**:

Это был мор. Это был мораторий [6, с.152].

В данном контексте мы можем наблюдать полное повторение синтаксической конструкции в пределах одной строки. Смысловая нагрузка строки усиливается также фонетически за счёт паронимической аттракции слов с негативным значением (*мор - мораторий*).

В следующем контексте мы имеем дело с ритмико-интонационным параллелизмом внутри строки. Оба полустишия содержат паузу после безударного слога второй стопы, чем нарушается ритмическая инерция:

Он тоже – сад. В нём тоже – скучен...
«Нескучный сад» [6, с. 140].

– **строчный**. Чаще всего параллельными являются смежные строки:

*Когда у них **есть** нет причина,
Когда для ливня повод **есть** [6, с.140].*

Данный контекст содержит пример **неполного** синтаксического параллелизма (первая строка содержит обстоятельство (*у них*), которого нет во второй строке, а также различные способы выражения определения подлежащего (*нет* – глагол в неопределённой форме; *для ливня* – существительное в родительном падеже с предлогом)). Кроме того, данный параллелизм содержит элементы хиазма (перестановка местами группы подлежащего и сказуемого) в смежных строках.

Для Б. Пастернака также характерно начало строф стихотворения ритмико-интонационным или синтаксическим параллелизмом:

***Это не ночь, не дождь и не хором**
Рвущееся: «Керенский, ура!»,
Это слепящийся выход на форум
Из катакомб, безысходных вчера.*

***Это не розы, не рты, не ропот**
Толп, это здесь пред театром – прибой
Заколебавшейся ночи Европы,
Гордой на наших асфальтах собой [6, с. 85].*

В данном примере первые строки двух четверостиший параллельны не только ритмико-интонационно и синтаксически, они также одинаково рубятся с перемещением одного из членов словосочетания в последующую строку. Кроме того, на данном примере можно проследить параллелизм на фонетическом уровне – наличие шипящих согласных звуков в первом случае (*ночь, дождь, хором, рвущееся*) и повтор звуков «р» и «т» и звукового сочетания «рт» во втором случае (*это, розы, рты, ропот, толп*). Интересен также вокальный параллелизм ударных слогов двух строк: о-о-о-о-у и о-о-ы-о-о.

– **строфный** – содержательное или формальное сопоставление на уровне строф. Примером строфного параллелизма может послужить отрывок из стихотворения «Но им суждено было выцвести...», рассмотренного нами выше с точки зрения фонетического параллелизма.

По количеству членов можно выделить:

– **одночленный параллелизм**. Данный вид параллельных конструкций, как отмечает А.Н. Веселовский, характеризуется «умолчанием» одного из членов параллели, логическим показателем которого является второй член. По мнению учёного, поэтическая метафора также является одночленной параллельной формулой, «в которую перенесены некоторые образы и отношения умолчанного члена

параллели». Особенности одночленного параллелизма проанализированы А.Н. Веселовским на основе устного народного творчества [10].

Наиболее распространённым видом параллелизма является **двучленный параллелизм**, т.е. конструкция, состоящая из двух членов, находящихся в параллельной связи. П.А. Будберг сравнивает параллелизм с бинокулярным зрением – «происходит наложение друг на друга двух образов, с тем чтобы наделить их объёмностью и глубиной, повторяется конструкция, в результате чего воедино связываются синтагмы, которые поначалу представляются лишь свободно следующими друг за другом» [2, с. 101]. Интересна мысль Ю.М. Лотмана о том, что в жизни вообще «доминирует бинарность, потому что при этом можно создать множественность и сохранить единство...» [11].

Также можно выделить **сложный параллелизм** – фигуру, в которой три или более членов находятся в параллельной связи. Возьмём для примера первую строфу стихотворения Б. Пастернака «Определение поэзии»:

*Это – круто налившийся свист,
Это - щёлканье сдавленных льдинок,
Это – ночь, леденящая лист,
Это - двух соловьёв поединок* [6, с. 88].

Все строки данного четверостишия одинаковы по своему синтаксическому построению: подлежащее, выраженное словом «это» + именное сказуемое. Кроме того, в строках наблюдаются параллельные звукосочетания «нл», «лн», «длн», «лдн», составляющие анаграмму слова «льдинка»: *налившийся, щёлканье сдавленных льдинок, леденящая, соловьёв поединок*. А также можно отметить повтор звуковых комплексов «ст – св – свт», который выделяет следующий семантический ряд стихотворения: *свист – лист – соловьёв*. Таким образом, мы видим перед собой четырёхчленный синтаксический строчный параллелизм, подкреплённый параллелизмом фонетическим.

Таким образом, в данной статье мы предприняли попытку создать детальную классификацию параллельных конструкций в поэзии, которая основана на чётких принципах подразделения на типы и охватывает все формальные языковые уровни поэтического произведения. Разделение параллельных конструкций на формальные и содержательные отнюдь не разграничивает форму и содержание, а, наоборот, даёт возможность исследователю выявить характер связи между ними, их влияние друг на друга, разделив на составляющие, глубже проникнуть в целое. Проанализировав параллельные конструкции различных типов, мы ещё раз увидели, что поэзия – это единая структура, где все уровни языка взаимосвязаны, а все элементы параллельны, ведь «...все свои качества, всю свою определённую любую часть текста получает в соотношении (сравнении, противопоставлении) с другими его частями и с текстом как целым» [1, с. 164]. Само наличие ритмики, как особенности стихотворной речи, а также параллелизм ритмико-интонационных

чередований подразумевает формирование определённого смысла, который не равен сумме смыслов слов. То же самое мы можем сказать и о любом виде формального параллелизма: повторяемость или контрастность на формальном уровне ведёт к изменению или усилению смысла на содержательном уровне. В то же время нельзя отрицать, что выбор формы диктуется особенностями содержания и особенностями идиостиля поэта.

Приняв точку зрения Р. Якобсона и Ю. Лотмана о фундаментальном значении параллелизма в поэзии, о том, что возвращение, повторяемость, цикличность есть суть поэзии, мы рассматриваем параллелизм как базовый элемент поэзии на всех уровнях поэтического произведения.

Поэзия Б. Пастернака отличается новаторством и своеобразием как с точки зрения ритмики, синтаксиса, пунктуации (то есть формальной), так и с точки зрения образов, что, безусловно, представляет интерес для исследователя. Ю. Лотман определил стиль Б. Пастернака как «монтаж зрительных образов», где «...соединения слов становятся основой упорядоченности текста» [12, с. 717]. Давид Самойлов в «Книге о русской рифме» отмечает: «Пастернак своей ритмикой несказанно обогатил русскую поэзию» [7, с. 280]. Современник поэта И. Эренбург писал: «Ритм Пастернака – ритм наших дней, он неистов и дик в своей быстроте» [13, с. 1]. И ещё: «Для того, чтобы передать эту новизну ощущений, он занялся не изобретением слов, но их расстановкой. Магия Пастернака в его синтаксисе» [13, с. 22].

В статье «Поэтика Пастернака» А. Жолковский выделяет основной принцип поэзии Б. Пастернака как «единство разного», отмечая, что ему подчинён выбор поэтом художественных средств [14]. Действительно, стремление увидеть целое в многообразии мира заставляет Пастернака использовать элементы, уравнивающие разное, скраивающие из разбросанных ярких кусочков цельное полотно. Параллельные конструкции как раз и являются такими элементами, что мы и показали в своём исследовании. Аспекты содержательного параллелизма будут детально рассмотрены в наших следующих работах.

Литература и примечания

1. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. – М.: Искусство, 1970. – 384 с.
2. Якобсон Р. Работы по поэтике. – М.: Прогресс, 1987. – 464 с.
3. Логвиненко И.А. Параллелизм как явление поэтической речи // Филологический сборник: Сб. науч. Статей. – Харьков: ХНПУ, 2006. – Вып. 3. – С. 41-47
4. Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста. – Л.: просвещение, 1972. – 272 с.
5. Пастернак Б. Избранное. – Т.1. – М.: Художественная литература, 1985. – 623 с.
6. Рабчинская И.А. Синтаксический параллелизм как способ организации сложных конструкций / Автореферат диссертации на соискание учёной степени канд. фил. наук. – Минск, 1976
7. Самойлов Д. Книга о русской

рифме. – М.: Художественная литература, 1973. – 355 с. **8. Ковтунова И.И.** Поэтический синтаксис. – М.: Наука, 1986. – 208 с. **9. Фатеева Н.А.** Основные тенденции развития поэтического языка в конце XX века // НЛО. - 2001. - № 50. – с. 19-25. **10. Веселовский А.Н.** Психологический параллелизм и его формы в отражениях поэтического стиля // Веселовский А.Н. Историческая поэтика. – М., 1989. – С. 25 – 51. **11. На пороге** непредсказуемого (Последнее интервью Ю.М. Лотмана). – www.humans.ru. **12. Лотман М.Ю.** О поэтах и поэзии. – СПб.: Искусство, 1996. – 848 с. **13. Эренбург И.** Борис Пастернак // Эренбург И. Портреты современных поэтов. – СПб.: Журнал Нева, 1999. – 41 с. **14. Жолковский А.** Поэтика Пастернака. – www.usc.edu

¹ Многие лингвисты, такие как Ю.М. Лотман, В.М. Жирмунский и другие, как частный случай фонетического параллелизма рассматривают также и поэтическую рифму, природа которой заключается «в сближении различий и раскрытии разницы в схожем» [1, с. 155]. Однако в данной статье мы не будем анализировать этот аспект, так как он требует отдельного глубокого изучения.

Статья посвящена проблемам классификации параллельных конструкций в поэзии. Автор предлагает новый принцип классификации, в основу которого положено деление параллелизмов на формальные и содержательные. Классификация формальных параллелизмов, представленная в статье, охватывает все уровни поэтического текста и проиллюстрирована примерами из поэзии Б. Пастернака.

Ключевые слова: параллельные конструкции, формальный параллелизм, содержательный параллелизм, языковые уровни, со-противопоставление.

Стаття присвячена проблемам класифікації паралельних конструкцій у поезії. Автор пропонує новий принцип класифікації, в основу якого покладено розподіл паралелізмів на формальні та змістовні. Класифікація формальних паралелізмів, представлена у статті, охоплює всі рівні поетичного тексту та проілюстрована прикладами з поезії Б. Пастернака.

Ключові слова: паралельні конструкції, формальний паралелізм, змістовний паралелізм, мовні рівні, зіставлення-протиопоставлення.

The article is devoted to the problems of classification of parallel constructions in poetry. The author presents a new principle of division of parallel constructions into parallelisms of form and parallelisms of content. The classification of 'formal' parallelisms given in the article encloses all the levels of a poetical text and is illustrated by Boris Pasternak's poetry.

Key words: parallel constructions, parallelism of form, parallelism of content, language levels, comparison-opposition.

Л. П. Коваленко

В. И. ДАЛЬ В КОНТЕКСТЕ ТВОРЧЕСТВА И. С. ШМЕЛЁВА

В последние годы о Шмелёве после многих лет отрицания и замалчивания написано немало работ (монографии, статьи, воспоминания), чему способствовали и ежегодно проводимые в Крыму международные шмелевские чтения.

Тем не менее тема «Шмелёв и Даль», при всей очевидной близости этих писателей, как в литературоведческом, так и лингвистическом аспектах до сих пор не нашла исследователя. Лишь бегло и в немногих работах, посвященных Шмелёву, упомянуто имя Даля, в основном, там, где речь идет о фольклорных традициях писателя и его «Толковом словаре» [3; 4; 6].

Автор заявленной статьи рассматривает вопросы, связанные с традициями В. Даля в художественном творчестве Шмелёва, и выделяет наиболее важные аспекты – социальная среда, быт, национальное самосознание, религия, нравственность; типологические параллели в сюжетах, образах, проблематике.

В данной работе предполагается расширить представление о Шмелёве, как писателе глубоко национальном и самобытном.

Настоящая статья находится на начальном уровне наблюдений над сферой типологической близости Даля и Шмелёва. В последующем в круг этих проблем автор планирует включить и еще один важный аспект. Феномен Шмелёва может быть раскрыт более глубоко в сопоставлении с писателями, чье творчество связано с фольклором. В этом плане центральное место будет принадлежать В.И. Далю. В перспективе – Н. Лесков, П. Мельников-Печерский и др.

Как истинно национальный русский писатель И.С. Шмелёв главную задачу своего творчества видел в следовании гуманистическим заветам предшественников, в числе которых он прежде всего называл А.С. Пушкина, «выразителя нашей духовной сущности».

Так же высоко ценил и считал своими учителями Н. Гоголя, Ф. Достоевского, Л. Толстого, А. Чехова. Традиции этих писателей многообразно преломились в его художественном творчестве, о чем сам Шмелёв благодарно писал в автобиографии, очерках, статьях [11].

Уважительное упоминание о В.И. Дале находим в его рассказе «Приятная прогулка». Шмелёв устами героя, знатока и ценителя литературы, рекомендует начинающему адвокату приобрести «Голковый словарь Даля». Такая книга, – считает он, – должна быть настольной, необходимой каждому образованному человеку, тем более юристу, профессиональным орудием которого является Слово.

Что могло быть значимым для Шмелёва в далевском художественном наследии?

Прежде всего – это русский язык, который оба писателя отлично знали, любили и великолепно им владели.

Даль в свое время писал: «И так родная словесность, без которой не может быть и самобытного писателя, в высшем значении этого слова, требует родного духа и родного языка... Источник один, язык простонародный... Русские выражения и русский язык остались только в народе» [2, с. 10, 544].

Близки далевскому признанию слова Шмелёва: «Главное мое богатство – язык. Я учился сызмальства народным выражениям, и мое ухо очень чутко» [11, с. 2, 301].

О том, что Шмелёв был великолепным мастером слова писали многие исследователи его творчества.

Языковая палитра шмелевского художественного текста необычайно богата, отличается емкостью и разнообразием. Писатель широко вводил в нее разговорную лексику простонародья, купечества, мещан, церковнослужителей, дворян.

Даль был близок Шмелёву и как замечательный реалист в обрисовке быта. Еще Н.В. Гоголь отметил удивительное умение Казака Луганского слышать и видеть Русь: «Каждая строчка подвигает ближе к познанию быта и нашей народной жизни» [1, с. 6, 226].

Глубокий интерес к быту простого народа, к его языку Шмелёв пронес через всю свою жизнь. Не оставил без внимания и воздействие социальной среды на человека.

Все это и сформировало национальное самосознание, главным составляющим которого было чувство ответственности за свой народ, за его судьбу.

Осваивая наследие русской классики в соответствии с собственным мировидением, Шмелёв ставил во главу угла национальные традиции, гуманистические идеи, связывая их с поисками путей духовного религиозно-нравственного совершенствования человека.

Это и многое другое более всего роднит Даля и Шмелёва. Портрет народного мышления через языковую сферу, через картины быта у Шмелёва нередко напоминают далевские. Дорога в художественное творчество для обоих писателей начиналась с национального познания ими своей родины, народа, его религии, истории, языка – от сказок и песен до литературной классики.

Есть еще один (и не последний) аспект, объясняющий актуальность для Шмелёва традиций Даля как этнографа и бытовика:

И.С. Аксаков, сын знаменитого писателя, историк, литературовед, критик восхищался личностью Даля, его подвижнической деятельностью собирателя и хранителя русского народного слова. Он отмечал, что в 70-х годах XIX века в российской культурно-литературной среде наметилась пагубная тенденция пренебрежительного отношения к

народному языку, быту и народным обычаям. Подобный подход критик считал порочным, противоречащим здравому смыслу и оскорбляющим национальное достоинство русского человека.

Высшим авторитетом и союзником для И.С. Аксакова в этом споре с тогдашними космополитами был В.И. Даль.

Нечто подобное в новых исторических условиях в России получило свое продолжение в первые десятилетия Советской власти.

Под влиянием коммунистических идей о всемирной пролетаризации, братстве народов всех стран, возник призыв к писателям: «Смерть быту!»

Лозунговая стилистика начисто перечеркивала многое из подлинно ценного и великого, чем всегда гордилась великая русская литература.

Как и Даль, Шмелев в своих произведениях большое внимание уделял изображению социальной среды, быту простых людей.

Автор содержательной монографии А. Черников отмечает: «Шмелёв был убежден в том, что бытовые детали и эпизоды способны и должны нести в себе глубокое содержание, служить наилучшей обрисовке среды и характеров, быть конкретной формой воплощения бытия» [10, с. 50].

По слову другого исследователя, Шмелёв опозитизировал быт как неизменную субстанцию народной жизни и возвел понятие «быт» в ранг «Бытия» [7, с. 134].

Сам Шмелёв признавался, что быт для него не самоцель: «Но как бы я ни взлетал, я не оторвусь от земли... Везде стараюсь болеющее в душе тащить через осязаемые, видимые, простые и близкие формы» [9].

Создавая образы и характеры, Даль и Шмелёв, как подлинны реалисты, шли от жизни, от жизненных наблюдений над социальной действительностью. Однако при этом можно увидеть и различие. У Даля среда выступает как нечто устоявшееся, малоподвижное («Жизнь человека, или Прогулка по Невскому проспекту»).

У Шмелёва иное: герой показан в ритме быстро меняющихся событий, в многообразии связей с социальной средой («Гражданин Уклейкин», «Человек из ресторана»). Объяснение этому – следствие усложнившихся общественно-политических отношений в России первых десятилетий XX века. Новое время отмечено крупными социальными потрясениями – войнами, революциями, смутой в обществе.

Роднит Шмелёва и Даля гуманистический пафос их творчества, любовь и сострадание к «маленьким людям». Еще дореволюционная критика называла Шмелёва «художником обездоленных».

Более всего Даль и Шмелёв обращались к жизни простого народа, к сфере коллизий, через призму которых подвергались испытаниям человеческая совесть, мораль, православная вера.

Как и Даль, Шмелёв был человеком глубоко религиозным, верящим в Божественный промысел, в его спасительное воздействие. Господь приходит к человеку на помощь в самые трудные моменты, когда ему

угрожает опасность, а иногда и неминуемая гибель. Таковы эпизоды у Даля в рассказах «Архистратиг», «Светлый праздник», «Вор».

У Шмелёва – «Глас в ночи», «Куликово поле», «Милость преподобного Серафима».

Корни, питавшие религиозно-нравственное сознание Шмелёва уходили в XIX век. И потому ему органически были близки мысли Даля, Ф. Достоевского, Л. Толстого, А. Чехова и других корифеев русской литературы о том, что лучшие люди в обществе не столько те, кто обладает сильным характером, способные на решительные поступки, а кроткие, честные, готовые к самопожертвованию, умеющие любить бескорыстно и прощать. Это люди, в коих высшая гармония духа.

Таковы у Шмелёва Илья Шаронов («Неупиваемая чаша»), Дарья Синицина («Няня из Москвы»), герои «Лета Господня», «Богомолья», «Путей небесных».

Критериями поступков таких людей всегда оставались христианские заповеди, стремление к преодолению греха, ибо, по мнению религиозного философа П. Флоренского, «грех» – это момент распада и развала духовной жизни» [8, I, с. 174].

В. Распутин очень точно увидел в личности Шмелёва после чтения его произведений главное: «писатель огромной духовной мощи, христианской чистоты и светлости души» [5, с. 155].

Таковыми же словами без всякого преувеличения можно было бы сказать и о патриархе русской литературы Владимире Дале, чей талант и духовный опыт явились примером и прекрасной традицией для последующих поколений отечественных художников Слова.

Литература и примечания

1. **Гоголь Н.В.** Собр. соч.: В 7 т. – М., 1978. (Далее ссылки на это издание с указанием в тексте номера источника, тома, страницы.)
2. **Даль В.И.** Полн. собр. соч.: В 10 т. – СПб; М., 1899. (Далее ссылки на это издание с указанием в тексте номера источника, тома, страницы.)
3. **Кошелев В.А.** Рассказ Шмелёва «Два Ивана» в свете культурологических традиций русской классики // Художественный мир И.С. Шмелёва и традиции славянских литератур: XII Крымские Междунар. Шмелёвские чт. – Симферополь, 2004.
4. **Наривская В.Д.** О новых подходах к изучению творчества И.С. Шмелёва // И.С. Шмелёв и духовная культура Православия: IX Крымские Междунар. Шмелёвские чт.: Сб. – Симферополь, 2003.
5. **Распутин В.Г.** – Лепта. – 1991. – № 4.
6. **Сорокина О.** Московянина. Жизнь и творчество Ивана Шмелёва. – М., 1994.
7. **Спиридонова Л.А.** Феномен И.С. Шмелёва: Итоги и перспективы изучения // Венки Шмелёву. – М., 2001.
8. **Флоренский П.А.** Столп и утверждение личности: В 2 т. – М., 1990.
9. **ЦГАЛИ**, ф. 11, оп. 1. Ед. х. 230.
10. **Черников А.П.** Проза. И.С. Шмелёва Концепция мира и человека. – Калуга, 1955.
11. **Шмелёв И.С.** Собр. соч.: В 5 т. – Т. 6, доп. – М., 2004. (Далее ссылки на это издание с указанием в тексте

номера источника, тома, страницы. См. в указ. соч. т. 1: Автобиография. т. 2: Как мы открывали Пушкина; Как я узнавал Толстого; Как я встречался с Чеховым. Мученица Татьяна. Рукопись книги Шмелёва о Достоевском, к сожалению, осталась незавершенной.)

В статье рассматриваются вопросы, связанные с традициями Даля в малой художественной прозе Шмелева. Определены наиболее важные аспекты типологических параллелей в сюжетах, образах, проблематике.

Ключевые слова: национальная самобытность, народ, гуманизм, религия, духовность, быт, «писатель-бытовик».

У статті розглядаються питання, пов'язані з традицією Даля в малій художній прозі І.С. Шмелёва. Визначені найважливіші проблеми типологічних паралелей в сюжетах, образах, проблематиці.

Ключові слова: національна самобутність, народ, гуманізм, релігія, духовність, побут, «письменник побуту».

The article deals with those aspects of Dalý's tradition which are presented in the short forms of the artistic literary Shmelyov's Works. The most important aspects of the typological parallels in the plots, images and problems are defined.

Key words: national self-consciousness, people, humanism, religion, everyday being, «everyday being writer».

УДК 81.161.2'373.45

Л. В. Комар

ОЗНАКИ ІНШОМОВНОСТІ У ФОНЕТИЧНІЙ СТРУКТУРІ ЛЕКСИЧНИХ ЗАПОЗИЧЕНЬ: НОРМАТИВНИЙ АСПЕКТ

Ступінь освоєння лексичних запозичень у мові характеризується наявністю формальних ознак, які маркують їхнє іншомовне походження. Сучасна англійська мова належить до такого типу мов, у яких певна частина запозиченої лексики виявляє ознаки іншомовності, а в іншій її частині такі ознаки відсутні [1, с. 126].

Мета статті полягає в узагальненні специфічних ознак іншомовності фонемних і акцентних структур у складі лексичних запозичень в аспекті британської та американської вимовних норм. За ступенем асиміляції іншомовна лексика поділяється на [[2, 213]: а) *повністю асимільовані слова*, що відповідають усім морфологічним, фонетичним та орфографічним нормам мови-реципієнта, і сприймаються мовцями як питомі слова, а їхнє іншомовне походження можна дослідити за допомогою спеціального етимологічного аналізу, наприклад: *operate, travel, wall*, та б) *частково асимільовані слова*, що зберігають ознаки іншомовності у своїй вимові, написанні та граматичній формі, а також

які передають поняття, пов'язані з іноземною національною культурою, наприклад: *ikebana, karaoke, croissant*.

Неповністю асимільовані слова іншомовного походження, як правило, представлені двома видами вимови у найбільш авторитетних лексикографічних джерелах вимови [3; 4]. До першого належать головний та альтернативний варіанти вимови запозичень, які вказують на ступінь фонетичного освоєння в англійській мові, наприклад: *bhagwan* (хінді) / $\forall\beta\{\gamma\ \omega A:v\ \beta\zeta\ \forall\gamma\omega A:v\}$. Другий вид вимови запозичень презентує вимову мови-джерела, наприклад: *papillote* (фр.) / $\forall\pi\{\pi\ I\ \lambda\cong Y\tau\ -\cong-, -\lambda\Theta\tau/\ \|\ / \% \pi\{\pi\ I\ \forall\phi\sigma Y\tau\ \% \pi A:\pi- / - Fr [\pi\alpha\ \pi\ I\ \phi\sigma\tau]$.

У межах нашого дослідження фонемні та акцентні структури запозичених слів англійської мови, які були відібрані шляхом суцільного обстеження зі словників вимови [3; 4], виявляють певні ознаки іншомовного походження, а саме:

1. Наявність іншомовних фонем / $\Theta\sim$ /, / $3\sim$:/, / $A\sim$:/, / $\xi\sim$:/, / $O\sim$:/, / ξ /, що відбиваються, як правило, у словах французького та німецького походження, наприклад: *bien-pensant* (фр.) / $\% \beta\phi\{\sim\ \pi A\sim: \forall\sigma A\sim:/$, *garçon* (фр.) / $\gamma A:p\ \forall\sigma\sigma Yv\ -\forall\sigma Q\sim:/$, *sprachgefuhl* (нім.) / $\forall\Sigma\pi\rho A:\xi\ \gamma\cong 0\phi\phi\upsilon:\lambda/$, *vingt-et-un* (фр.) / $\% \omega\{\nu\tau\ \varepsilon I\ \forall 3\sim:/$, *virement* (фр.) / $\forall\tau\iota\cong\ \mu\Theta\sim/$. Такі фонемні вживаються в 4,5% запозичених слів у британській вимові/БВ й 1,81% лексичних одиниць в американському вимовному варіанті/АВ від загальної кількості досліджуваного корпусу іншомовних слів – 1047.

2. Фонотактичні особливості, а саме не властиві фонологічній системі англійської мови розміщення/сполучення голосних і приголосних фонем, наприклад: *joie de vivre* (фр.) / $\% 3\omega A:\ \delta\cong\ \forall\tau\iota:\tau\ \rho\cong/$, *soigné* (фр.) / $\forall\sigma\omega A:v\ \phi\in I/$ вміщують сполучення приголосних - $\tau\ \rho$ -, - $v\ \phi$ -, яке не притаманні фонотактичній організації питомих англійських слів; у запозиченні *jujitsu* (яп.) / $\delta Z\upsilon\ \forall\delta Z I\tau\sigma\ \upsilon:/$ довгий голосний вживається в ненаголошеній позиції в кінці слова, що не є характерним для власне англійської лексики. У британській вимові такі особливості зафіксовані в запозиченнях, які складають 4,58% від загальної кількості досліджуваного масиву запозичених слів, а в АВ – 4,3%.

3. Фонемній структурі 425 досліджуваних запозичень, або 40,6% іншомовних слів, притаманна *фонемна субституція*, тобто заміна одного звука іншим, коли в мові, що запозичує, немає звука, що відповідав би звукові мови-джерела запозичення [5, 432]. Наприклад: *alla breve* (іт.) / $\{\lambda\ \cong\ \forall\beta\rho\in I\tau\ \upsilon/ - It / \% \alpha\lambda\ \lambda\alpha\ \forall\beta\rho\in: \tau\in/$; *astrakhan* (рос.) / $\{\sigma\ \tau\rho\cong\ \forall\kappa\{\nu/ - Russ / \forall\alpha\sigma\ \tau\rho\cong\ \xi\cong\upsilon^{\circ}/$; *schadenfreude* (нім.) / $\forall\Sigma A:\delta\cong\upsilon\ \Downarrow\ \phi\rho\sigma I\delta\cong/ - Ger / \forall\Sigma A:\delta\cong\upsilon\ \Downarrow\ \phi\rho\sigma\upsilon\delta\cong/$.

4. Співіснування у межах норми фонемних та акцентних варіантів слів, які утворюються засобами так званого «вільного» фонемного варіювання (ВФВ), або варіювання місця та ступеня словесного наголосу, коли в результаті зміни однієї фонемі на іншу (-і) в одній і тій же позиції або зміни місця наголосу утворюється не нове слово, а

модифікація (-ї) фонетичної структури одного і того ж слова (його вимовні варіанти) [6, с. 98]. За даними авторитетних лексикографічних джерел [3; 4], запозичені слова займають найбільший варіантний ряд, тобто найбільшу кількість вимовних варіантів у тому ж самому слові. Як правило, особливість кодифікованих варіантів іншомовної лексики зумовлюється двома різноспрямованими тенденціями: а) наближення звучання іншомовного слова до оригіналу; б) наближення звучання запозичень до споконвічних англійських слів [7, с. 13]. Цікаво зазначити, що альтернативний варіант вимови запозичень може по-різному впливати на основний варіант, наприклад: а) повністю витіснити його з нормативного вжитку; б) витіснити лише на певний час; в) змінювати його фонетичну структуру [8, с. 171].

У нашому дослідженні лексичні запозичення з варіюванням фонемних і акцентних структур складають 618 лексичних одиниць або 59,03% запозичень у британській вимові, наприклад: *dulcet* (іт.) /ʌδζλσ ɪτ –≐τ/, *frottage* (фр.) /ʌφрΘτ А:Z φрΘ ʌτА:Z/, *bouquet* (фр.) /βυ ʌкєɪ β≐Y–, ʌβυ:к єɪ/. В американському вимовному варіанті такі слова нараховують 388 запозичень або 37,06% іншомовних слів, наприклад: *champignon* (фр.) /Σ{μ ʌπɪv φ≐v τΣ≐μ–/, *aikido* (яп.) /αɪ ʌкɪ:доY %αɪкɪ ʌдоY/, *rondeau* (фр.) /ʌрА:vδ оY рА:v ʌдоY/.

5. Особливості фонетичної структури та графічна форма запозичень можуть вказувати на їхню генетичну належність. Етимологічний аналіз досліджуваних лексичних запозичень, свідчить про найбільшу частотність запозичень з французької, італійської, німецької, азійських та класичних мов, що поповнили словниковий склад англійської мови в ХХ-му столітті – початку ХХІ-го століття.

Франкомовні слова, які є стабільним джерелом запозиченої лексики в англійській мові, складають найбільший відсоток у нашому експериментальному матеріалі – 38,11% лексичних одиниць. Велика кількість французьких запозичень вміщують фонemi, які не властиві англійській мові: голосні назалізовані фонemi, сполучення двох губних фонем, вживання довгого голосного у кінцевій ненаголошеній позиції, наприклад, у вимові слів: *bombe* /βΘμβ/, *chichi* /ʌΣɪ:Σɪ:/, *croissant* /ʌкω{σ Θ}/, *dada* /ʌδА:δ А:/.

На часі освоєння франкомовних одиниць вимовними нормами основних варіантів англійської мови має незавершений характер, вони зазвичай містять елементи, які не властиві мові-джерелу. Такий вид запозичень традиційно називається *галліцизмами* [9, с. 78]. Іноді галліцизми асоціюються зі словами місцевого колориту, а також вони позначають характерні особливості, звичаї, спосіб мислення, притаманні французькій нації [там само]. Інтенсивність процесу пізніх запозичень з французької мови зумовлюється розвитком економічних, політичних, культурних відносин між двома країнами. Франкомовні слова часто вживаються британцями заради престижу, як прояв «мовного снобізму» (термін Т.Н. Черемісіної)

[9, с. 86]. Пізні французькі запозичення мають особливості у своїй акцентній структурі, зокрема збереження наголосу на останньому складі, що властиво акцентним закономірностям мови-джерела, наприклад: *c'est la'vie* /%σεΙ λΑ: ∇τπι:/, *crème bru'lee* /%крεμ βρυ: ∇λεΙ/. Такі запозичення мають варіанти акцентної структури, які утворені вільним варіюванням місця наголосу, наприклад: *chauffeur* /∇Σ≅Υφ ≅ Σ≅Υ ∇φ3:/, *frottage* /∇φρΘτ Α:Z –ΙδZ φρΘ ∇τΑ:Z/. Характерним для французьких запозичень є те, що вони підлягають частковій, а не повній фонологічній асиміляції і відображають особливості вимови мови-джерела.

На сучасному етапі в англійській мові має місце „переорієнтація” щодо джерел запозичень. На перше місце все більше виходять іншомовні слова з азійських мов, особливо з японської, причому запозичуються не лише екзотизми, а й одиниці, необхідні для внутрішніх потреб носіїв англійської мови [[10, с. 15]. Іншомовні слова з неєвропейських мов, як правило, відбиваються в наступних сферах: 1) кулінарія: *avgolemono* (грец.); *sushi* (яп.), *tempura* (яп.); 2) спорт: *aikido* (яп.), *judo* (яп.), *kung-fu* (кит.); 3) наука і техніка; у цій сфері, як правило, запозичується назви торгових марок: *Fuji* (яп.), *Fujitsu* (яп.), *Nissan* (яп.). Таким запозиченням властиве збереження графічної та фонетичної форми мови-джерела. Це викликано їхнім низьким функціональним навантаженням та обмеженою сферою вживання.

Отже, іншомовне походження фонетичної структури запозиченої лексики, окрім спеціальних етимологічних досліджень, може бути встановлено за сукупністю певних ознак, які визначають ступінь освоєння фонемних та акцентних структур іншомовного слова в мові-реципієнті та зумовлює подальші наукові розвідки щодо шляхів його повної нормативної адаптації.

Література

1. Мусорин А.Ю. О характеристике лексической специфики при описании языка // Материалы Третьей науч. конф. – Новосибирск: Наука. Университет, 2002. – С. 126–129. **2. Арнольд И.В.** Лексикология современного английского языка. – М.: Изд-во лит-ры на иностр. яз., 1986. – 317 с. **3. Cambridge English Pronouncing Dictionary / Originally compiled by D.Jones. – 17th ed. / Edited by P.Roach, J.Hartman and J.Setter. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – 599 p.** **4. Longman Pronunciation Dictionary / Compiled by J.C.Wells. – 2d impression. – Harlow: Longman, 2000. – 870 p.** **5. Справочник лингвистических терминов / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. – М.: Просвещение, 1972. – 495 с.** **6. Мальковский Г.Е.** Свободное варьирование английскими фонемами // Вопросы фонетики и фонологии. – Иркутск: Из-во Иркутск. гос. пед. ин-та ин. яз. – 1972. – Вып. 1. – С. 98–120. **7. Мошнина Т.В.** Развитие орфоэпической нормы английского языка, обусловленной социально-лингвистическими факторами: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Моск. ордена Ленина и ордена Трудового Красного

Знамени гос. пед. ин-т им. В.И. Ленина. – М., 1989. – 16 с. **8. Паращук В.Ю.** Зміни в кодифікованих вимовних нормах сучасної англійської мови // Наук. зап. КДПУ. Сер: Філол. науки (мовознавство). – Кіровоград: РВЦ КДПУ ім. В. Винниченка. – 2000. – Вип. 26. – С. 165–175. **9. Черемисина Т.И.** Заимствование и закрепление галлицизмов в современном английском языке // Вопр. лексикологии. – Новосибирск: Наука, 1977. – С. 77–88. **10. Зацний Ю.А.** Розвиток словникового складу англійської мови в 80-ті – 90-ті роки ХХ століття: Автореф. дис. ... д-ра філол. наук: 10.02.04 / Київський нац. лінгв. ун-т. – К., 1999. – 32 с.

В статье рассматриваются особенности фонетической структуры лексических заимствований в британской и американской произносительных нормах. Основными признаками иноязычности фонемных и акцентных структур заимствованной лексики являются наличие иноязычных фонем, фонотактические особенности, свободное фонемное и акцентное варьирование, генетическая характеристика таких лексических единиц.

Ключевые слова: фонемная структура, акцентная структура, свободное фонемное и акцентное варьирование, лексические заимствования.

У статті розглянуто особливості фонетичної структури лексичних запозичень у британській та американській вимовних нормах. Основними ознаками іншомовності фонемних та акцентних структур запозиченої лексики є наявність іншомовних фонем, фонотактичні особливості, вільне фонемне й акцентне варіювання, генетична характеристика таких лексичних одиниць.

Ключові слова: фонемна структура, акцентна структура, вільне фонемне та акцентне варіювання, лексичні запозичення.

The paper highlights peculiarities of phonetic structure of loanwords in British and American pronouncing norms. The main features of alien status of borrowings phonemic and accentual structures are the availability of loan phonemes, phonotactic peculiarities, free phonemic and accentual variation, genetic characteristics of such lexical units.

Key words: phonemic structure, accentual structure, free phonemic and accentual variation, lexical borrowings.

УДК 81'373.45:81'38=161.1

И. Н. Кошман

ПОНЯТИЕ ЗАРОБИТЧАНИН В СОВРЕМЕННОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Целью данного сообщения является определение семантического объема понятия *заробітчанин*. Материалом для исследования послужили текстовые фрагменты, извлеченные из русскоязычных газет («Вечерние вести», «2000», «Грани», «День», «Зеркало недели»,

«Молодогвардеец», «Наша газета») и журналов («Власть денег», «Корреспондент», «Фокус»), издающихся в Украине.

Ю. Н. Караулов пишет о том, что в языке, функционирующем за пределами метрополии, широко представлены иноязычные вкрапления, которые «наиболее ярко отражают территориально-варьирующееся влияние инонационального окружения носителей русского языка» [1, с. 9].

Функции иноязычных вкраплений в русском языке метрополии и в «неисконной русской речи» [1, с. 5] различны. Как отмечает Л. П. Крысин, в метропольной русской речи использование иноязычных вкраплений «часто связано с художественно-стилистическими задачами, а иногда отражает индивидуальное словоупотребление» [2, с. 60]. В неметропольную русскую речь иноязычные вкрапления часто включаются как номинации, именующие специфические реалии или отношения [3; 4; 5].

Для русского публицистического дискурса в Украине характерно активное использование украинских вкраплений не только для именования украинских культурных реалий – предметов одежды, народного быта, кушаний, обрядов и т. п. Часто в русские тексты вводятся украинские единицы, называющие относительно новые, находящиеся в центре внимания социума реалии. Некоторые из них чрезвычайно частотны. Примером такого рода является украинское вкрапление *заробітчанин*.

В толковых словарях *заробітчанин* описывается как лексема, имеющая два стилистически маркированных значения: (1) ‘тот, кто ходит на заработки, занимается временной, сезонной работой’ (устар.) и (2) ‘тот, кто работает только ради денег, из корыстных побуждений’ (разг.) [6, с. 293; 7, с. 324]. Первому значению соответствует русское слово *отходник*, второму – *ремесленник* (перен., ирон.) [8, с. 234]. В этих, словарных, значениях единица *заробітчанин* в современные русские публицистические тексты включается сравнительно редко. Пример реализации первого значения представлен в предложении *В тот вечер компания «отдыхала» в дачном доме, находившемся под охраной младшего заробитчанина* (ВВ 2006, № 130: 7), в котором описываемая единица именуется хмельничанина, временно работающего в Киевской области. Второе значение реализуется в предложении *Ведь с далеких от науки позиций они не только несправедливо обвиняют украинских археологов в сознательном искривлении древней истории Украины, но и утверждают в обществе продуцированные любителями, а иногда и просто «заробітчанами», экзотические мифы* (ЗН 2004, № 18-19: 26) – в этом случае единица не только именуется лицом, но и передает негативное отношение к нему.

Публицистические тексты на протяжении значительного времени отражают настойчивый «поиск номинации» для лиц, выезжающих на работу за границу в поисках пристойной заработной

платы. В качестве именовании для них используются описательные сочетания *работающие за границей, выехавшие на работу за границу, уехавшие за границу на заработки, трудовые мигранты*. В некоторых случаях для обозначения лиц такого рода предлагаются заимствования *остарбайтер* и *гастарбайтер*: *...не заметили рождения в Украине нового среднего класса – мелких бизнесменов, многострадальных «челноков», гастарбайтеров, которым удалось заработать немного денег...* (Д 2005, 21.01: 4); *Сколько из среднего класса – молодых, образованных, уважающих себя и свой труд – пополнят те, так и не сосчитанные, то ли пять, то ли семь миллионов «ньюостарбайтеров», если направление развития событий сохранится еще год-два?..* (ЗН 2005, № 33: 3); *Харьковчан Надежду и Виктора Олейник в Москве называют непонятным немецким словом гастарбайтеры* (К 2007, № 7: 54).

Заимствованные из немецкого языка словоформы не закрепились в качестве постоянных обозначений для лиц, уезжающих за границу в поисках заработков, видимо, потому, что не вполне точно передают суть явления, возникшего в последнее десятилетие и «нуждающегося» в именовании. Согласно русским толковым словарям, словоформа *гастарбайтер* имеет значение ‘рабочий-иммигрант, пользующийся меньшими правами, чем граждане страны’ [9, с. 168; 10, с. 180], сходным образом она определяется и в толковом словаре украинского языка [7, с. 175]. Словоформа же *остарбайтер* вообще не зафиксирована в русских толковых словарях. Она включается в толковый словарь украинского языка – значение этой единицы толкуется как ‘рабочие из Восточной Европы, которые принудительно работали в Германии и Австрии в годы II Мировой войны’ [7, с. 686].

Чаще всего описываемая семантическая лакуна заполняется украинским вкраплением, и для именовании лиц, уезжающих на работу за границу, используется словоформа *заробітчанин*. Показателем не только частотности, но и «укоренения» этой единицы в публицистическом дискурсе служит использование ее неукраинскими гражданами. Например, депутат Государственной Думы России Александр Лебедев в статье, опубликованной в украинской газете, пишет: *Ведь, согласитесь, несправедливо, когда украинские «заробітчанин», отправляющиеся на строительство столицы России, становятся жертвами строительной мафии...* (ЗН 2004, № 46: 3). Также свидетельством, указывающим на «завоевание» определенной семантической ниши, является обозначение при помощи этой номинации граждан других стран, занимающихся такой же деятельностью. Например, в статье, посвященной событиям в Молдове, утверждается *Неизвестно, как сложилась бы политическая ситуация в стране, если бы эти «заробітчанин» приняли участие в выборах* (ЗН 2004, № 12: 10). Еще один пример: *Но богатство нынешней России прирастает не Сибирью, не газом, не нефтью, а заробітчанами из СНГ* (Ф 2007, № 3: 41).

Таким образом, в современном русском публицистическом дискурсе Украины отражается формирование нового понятия. Контексты, в которых употребляется эта словоформа, позволяют выделить некоторые смыслы, «организующие» его.

Совершенно очевидно, что словообразовательная структура обуславливает наличие у деривата **заробітчанин** смысла 'заработок' [11, с. 711]. В семантическую сферу описываемой словоформы входит представление о целенаправленности. Деятельность лиц, называемых *заробітчани*, имеет вполне определенную цель – заработать приличную сумму денег: *Еще одна категория нарушителей государственных рубежей – наши соотечественники, выезжающие из Украины без документов. Среди них немало «заробитчан», едущих в Россию за «длинным рублем»* (НГ 2006, № 82: 5); *По словам Галины Гулы, директора львовского агентства Маєток, 30% покупок жилья через ее агентство совершают так называемые заробитчане* (К 2006, № 39: 41).

В понятие *заробітчани* также входит представление о причинах, побудивших их искать работу за рубежом. Это неблагоприятная экономическая ситуация в родной стране, невозможность работать и заработать: *Многие «заробитчане» твердо рассчитывают вернуться, одни – когда достигнуть пенсионного возраста, другие – если однажды изменится экономическая ситуация и появится возможность зарабатывать, не уезжая в другие города или страны* (М 2007, №8: 12). Вместе с тем отъезд на работу за границу предстает как свободный, осознанный выбор личности. В понятие **заробітчанин** не входит смысл 'под чьим-либо принуждением', что отличает это понятие, например, от понятия *остарбайтер*.

В структуре понятия **заробітчанин** важное место занимают пространственные характеристики. Пространство, в котором реализуется целенаправленная деятельность лица, находится за пределами родной страны: *А кроме того, все ребята с непониманием относились к большим дебатам о целесообразности нашего участия в миротворческих операциях, потому что все наши «заробітчани», которые скитаются по всему свету, ни у кого не вызывают интереса* (Д 2003, 5.12: 5); *Во втором туре милиционеры должны были организовать голосование бюллетенями отсутствующих в Украине заробитчан в пользу Януковича* (ЗН 2004, № 47: 2); *Бурный рост экономики при одновременном оттоке заробитчан за рубеж спровоцировал нехватку рабочей силы* (ВД 2007, № 12: 28); *Тем временем наши «заробитчане», вкалывая за границей, в большинстве своем тоже оставляют о себе гадкие впечатления...* (К 2007, №27: 4).

Важным также является то, что территорией для деятельности *заробітчанин* может служить не любое иностранное государство. Лица, заинтересованные в том, чтобы заработать как можно больше денег, выбирают либо страны, которые являются, на их взгляд, материально

более благополучными, территориально близкими, ментально и культурно «понятными» (Российская Федерация, Польша, Венгрия): *Хуже всего жилось «заробітчанами» в Чехии, Польше и России* (2000 2003, № 48: В 7); *Среди них немало «заробітчанин», едущих в Россию за «длинным рублем»* (НГ 2006, № 82: 5). Либо – чаще – страны, которые характеризуются высоким уровнем жизни, высокими социальными стандартами и стабильной ситуацией (Испания, Италия, Канада, США): *По сообщениям западных СМИ, в Европе, США и Канаде украинских заробітчанин не более 1,5 миллиона* (2000 2004, № 7: А 7); *...и предложила этой общественной организации провести в Италии социологический опрос среди наших заробітчанин* (ЗН 2004, № 47: 10); *Украинцам-заробітчанинам в Португалии теперь точно скучать не придется* (ЗН 2005, № 1: 10); *По оценке Юрия Плахотнюка, частного предпринимателя, который много лет занимается перевозками заробітчанин в Италию, из Украины туда курсируют около 1 тыс. микроавтобусов* (К 2006, № 42: 49). Доказательством важности смысла об ограниченности «круга стран», в которых работают заробітчанин, служит то, что в публицистических текстах не встречаются упоминания о заробітчанинах в Китае, Таджикистане или Анголе, хотя украинские граждане в этих странах тоже работают. В этих случаях, как правило, говорят о работе за рубежом, служебных командировках, работе по контракту и т. п. Именно такое представление находит отражение, например, в следующем контексте: *У нас есть своя роль – роль баланса, и именно она позволяет Украине приходить везде, где переодетым «заробітчанином», где – солдатом, где – строителем тропических космодромов и железных дорог, а где – поразительным голосом тысячелетних традиций* (Д 2004: 30.01: 5).

В структуру анализируемого понятия входит также и представление о том, что деятельность заробітчанин зачастую не является легальной: *И это неудивительно: сосчитать «заробітчанин» непросто – большинство из них трудится за границей нелегально* (2000 2003, № 48: В 7); *До сих пор Украина и украинцы в сознании рядового гражданина ЕС (а именно рядовой гражданин в Европе формирует внешнюю позицию своего государства) имели преимущественно негативные коннотации: Чернобыль, мафия, секс-туризм, нелегалы-заробітчанин, тотальная коррумпированность – черно-белая зона с мрачными лицами и отсутствием живых эмоций в сердцах* (Д 2005, 25.02: 5); *Праздником становится эта мартовская неделя для украинской диаспоры (и «заробітчанин-нелегалов») в Италии – в Риме, Неаполе и многих других городах* (Г 2007, №8: 11). И именно это обстоятельство иногда является причиной негативного отношения коренных жителей к заробітчанинам. А также трудностей в общении с представителями официальных государственных организаций.

Еще один важный смысл, входящий в структуру описываемого понятия, – представление о том, что работа заробітчанин за границей, хоть

и является продолжительной, но все же ограничена во времени, не носит постоянного характера. Описываемое понятие называет лиц, оставивших на родине семьи, сохраняющих гражданство и связи с родной страной, предполагающих возвратиться в страну после достижения своей цели. Признак 'временное / постоянное пребывание' отличает *заробітчан* от эмигрантов, и контексты последовательно отражают противопоставление этих номинаций по названному признаку: *Возвращение домой около 9 млн. заробітчан станет тяжелым ударом по украинской экономике* (ЗН 2004, № 7: А 7); *Я не считаю их диаспорой, это – временные «заробітчани»* (ЗН 2004, № 28: 19); *Эмигранты и «заробітчани» – вот еще одна опора украинских экспортёров* (ЗН 2004, № 30: 12); *Создание новых рабочих мест и ликвидация скрытой безработицы, попытки возобновить производство в промышленности, возвращение домой «заробітчан»* (ЗН 2005, № 5: 4); *Праздником становится эта мартовская неделя для украинской диаспоры (и «заробітчан-нелегалов») в Италии – в Риме, Неаполе и многих других городах* (Г 2007, №8: 11).

Временный «заграничный» статус *заробітчан* может создавать определенную напряженность в обществе в некоторых ситуациях. Например, в период выборов: *Кто проследит, чтобы фамилии всех «заробітчан» были извлечены из списков избирателей?* (ЗН 2004, № 36: 2); *Во втором туре милиционеры должны были организовать голосование бюллетенями отсутствующих в Украине заробітчан в пользу Януковича* (ЗН 2004, № 47: 2) или в семейных отношениях: *Особый разговор о семьях заробітчан* (ЗН 2004, № 46: 3).

И еще одна составляющая понятия *заробітчанин* – это условия жизни и работы за границей: *Все это видят нынешние «заробітчани»: остатки нашего разума и благородства Западу не нужны, а нужны – чистильщики нужников и няни, в крайнем случае – наш псевдоинтеллектуальный хлам* (ЗН 2005, № 3: 20); *И тем более ценна надежда украинцев на уважение Западу, где знают – и очень низко ценят – наших «заробітчан»* (ЗН 2005, № 45: 20); *Когда прошел первый шок, заробітчани потребовали отдать деньги и украинские паспорта* (ЗН 2006, № 24: 7); *Глаз на заробітчан, а следовательно, потенциальных клиентов, у него наметан не хуже, чем у московского милиционера* (К 2007, № 7: 56). В контекстах отражается представление о непростых условиях жизни *заробітчан* и о том, что они занимают рабочие места, мало привлекательные для коренных жителей. Причем эти рабочие места не обязательно предусматривают неквалифицированный труд (например, уход за больным или ребенком, строительные работы требуют определенного уровня квалификации).

Иногда в текстах фиксируются и положительные изменения в жизни *заробітчан*: *Достаточно остро ставятся вопросы, связанные с трудоустройством наших граждан в странах ЕС, в том числе и о социальных гарантиях украинским «заробітчанин»* (ЗН 2004, № 27: 4); В

самой Италии уже несколько лет выходят украиноязычные издания для *заробитчан* (ЗН 2006, № 4: 23).

Таким образом, совершенно очевидно, что лексема *заробітчанин* в украинском языке расширяет лексическое значение. Публицистические тексты отражают формирование нового семантического варианта у данной лексемы.

Контексты, в которых употребляется украинское вкрапление, свидетельствуют о том, что понятие *заробітчанин* не является элементарным. Оно включает в себя самые разнообразные представления – о цели, пространстве, времени, условиях существования. Не фиксируемые в современных толковых словарях смыслы отражают чрезвычайно актуальный фрагмент «картины мира» современного носителя русского языка в Украине.

Как пишет Н. Д. Арутюнова, «человек получает в языке множество разнообразных обозначений» [12, с. 347]. «Интересность» описываемого в том, что украинское вкрапление стремится заполнить «семантическую пустоту» при отсутствии конкуренции со стороны русских номинаций.

Литература

1. Караулов Ю. Н. О русском языке зарубежья // Вопр. языкознания. – 1992. – № 6. – С. 5–18.
2. Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 888 с.
3. Земская Е. А. Функции американизмов в речи русских эмигрантов // Слово в тексте и в словаре. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 91–101.
4. Перотто М. Стратегии переключения и смешения кода в устной речи русских, живущих в Италии // Массовая культура на рубеже XX–XXI веков: Человек и его дискурс. – М.: Азбуковник, 2003. – С. 276–291.
5. Авина Н. Ю. Региональные особенности русского языка: вопрос о нормативном статусе (на материале русского языка в Литве) // Русский язык сегодня. – Вып. 4: Проблемы языковой нормы. – М., 2006. – С. 4–13.
6. Словник української мови. – К.: Наук. думка, 1972. – Т. 3. – 744 с.
7. Великий тлумачний словник сучасної української мови. – К.; Ірпінь: ВТФ «Перун», 2003. – 1440 с.
8. Українсько-російський словник. – К.: Наукова думка, 1999. – 984 с.
9. Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия // М.: ООО «Изд-во Астрель»: ООО «Изд-во АСТ», 2001. – 944 с.
10. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. – М.: Изд-во Эксмо, 2005. – 944 с.
11. Карпіловська Є. А. Кореневий гніздовий словник української мови. – К.: Укр. енциклопедія, 2002. – 912 с.
12. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. – М.: Наука, 1976. – 383 с.

В статье рассматривается частотная в русских публицистических текстах украинская номинация *заробітчанин*. Отмечается расширение семантического объема у данной словоформы, выделяются смыслы, формирующие новый лексико-семантический вариант.

Ключевые слова: украинское вкрапление, понятие, значение, номинация, публицистический текст.

У статті йдеться про частотну у російських публіцистичних текстах українську номінацію *заробітчанин*. Відмічається розширення семантичного об'єму у цієї словоформи, визначаються смисли, що формують новий лексико-семантичний варіант.

Ключові слова: українське вкраплення, поняття, значення, номінація, публіцистичний текст.

The article deals with the Ukrainian nomination “zarobitchanyн” which is frequently used in the Russian language publicistic texts. The author defines semantic extension of the word-form in question and distinguishes the semantic components which form the new lexico-semantic variant.

Key words: Ukrainian inclusion, notion, meaning, nomination, publicistic text.

УДК 811.161.1'374.09 + 929 Даль

О. К. Крамарь

СЛОВАРЬ В.И.ДАЛЯ В ТВОРЧЕСКОМ СОЗНАНИИ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ НАЧАЛА XX ВЕКА

В одном из самых известных своих стихотворений Анна Ахматова произносит знаменательные слова:

*Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова, –
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки! [2, с. 209]*

Если учесть, что стихотворение «Мужество» было написано в трагическом 1942 году, то можно предположить, насколько выстраданным было в нем каждое слово, насколько личным было отношение Ахматовой к предмету разговора, насколько глубоким – состояние лирической концентрации. «Русская речь», «свободное русское слово» в стихотворении Ахматовой демультиплицируются и выступают в качестве аналога не только родины, но и жизни как таковой.

В этих строках в концентрированном виде воплотилось отношение Ахматовой к «царственному» Слову, характерное для

русской литературы начала двадцатого века, важнейшим эстетическим принципом которой, как известно, был логоцентризм.

В программных работах представителей практически всех литературных течений в качестве центрального объекта эстетических рефлексий выдвигается Слово (лексема, текст, язык, речь). «В слове дано первородное творчество», «Культ слова – деятельная причина нового творчества», – утверждал Андрей Белый [4, с. 131, 134]. «Для акмеистов сознательный смысл слова, Логос, такая же прекрасная форма, как музыка для символистов», – заявлял О. Мандельштам [9, с. 142]. Торжества Самоценного (самовитого) Слова с нетерпением и надеждой ожидали русские футуристы.

Новое понимание языка и слова в теоретических работах, принадлежащих поэтам начала XX века, имело по преимуществу лингвистический характер.

В своей программной статье «О природе слова» Осип Мандельштам говорил о русском языке как о языке «эллинистическом», насыщенном той «самобытной тайной свободного воплощения», благодаря которой он стал «именно звучащей и говорящей плотью»: «Жизнь языка в русской исторической действительности перевешивает все другие факты полнотою явлений, полнотою бытия, представляющей только недостижимый предел для всех прочих явлений русской жизни. Эллинистическую природу русского языка можно отождествлять с его бытийственностью. Слово в эллинистическом понимании есть плоть деятельная, разрешающаяся в событие. Поэтому русский язык историчен уже сам по себе, так как по всей своей совокупности он есть волнующееся море событий, непрерывное воплощение и действие разумной и дышащей плоти. <...> Русский номинализм, то есть представление о реальности слова, как такового, животворит дух нашего языка и связывает его с эллинской филологической культурой не этимологически и не литературно, а через принцип внутренней свободы, одинаково присущей им обоим [10, с. 176] <...> Столь высоко организованный, столь органический язык не только дверь в историю, но и сама история» [10, с. 177]. Более чем примечательным кажется появление в этом контексте упоминаний о принадлежащем В.И. Даля «Толковом словаре живого великорусского языка», который рассматривается Мандельштамом как исторический и культурный памятник, по своему значению равный культурным памятникам античности.

Говоря о Словаре Даля, Мандельштам подчеркивал его принципиальное отличие от других словарей: «У нас нет Акрополя. Наша культура до сих пор блуждает и не находит своих стен. Зато каждое слово словаря Даля есть орешек Акрополя, маленький Кремль, крылатая крепость номинализма, оснащенная эллинским духом на неутомимую борьбу с бесформенной стихией, небытием, отовсюду угрожающим нашей истории» [10, с. 180].

Словарь Даля, по Мандельштаму, содержит в своем составе слова, воплотившиеся в истории, слова, ставшие событиями истории, слова, наполненные действительным, реально пережитым историческим опытом, слова, ставшие «именами».

Лексикографический труд Даля без преувеличения стал незаменимым источником информации и аргументом самосознания для многих поэтов и писателей XX века. Известно, что внимательным и заинтересованным читателем книги был Вячеслав Иванов, поэт, язык которого зафиксировал в себе «предельно обобщенную идею о «вечном» русском языке от Илариона и Епифания Премудрого до словаря Даля» [1, с. 159]. По свидетельству М. Волошина, Вячеслав Иванов не только сам вновь и вновь обращался к Словарю, но и приобщал к этому благородному занятию близких к нему поэтов младшего поколения, именно под его влиянием они подписались на новое издание Словаря: «Открытие словесных богатств русского языка было для читающей публики похоже на изучение совершенно нового иностранного языка. И старые и народные русские слова казались драгоценностями, которым совершенно нет места в обычном интеллигентском идейном обиходе, в том привычном словесном комфорте в упрощенной речи, составленной из интернациональных элементов» [5, с. 535]. Для самого Волошина чтение и изучение словаря было настоятельной необходимостью: «Надо любить словари, потому что это сокровищницы языка. Слова от употребления устают, теряют свою заклинательную силу. Тогда необходимо обновить язык, взять часть от древних сокровищ, скрытых в тайниках языка, и бросить их в литературу» [6, с. 508].

Знаменитое высказывание, казалось бы, далеких от академической науки российских футуристов о том, что поэзия есть «праздник бракосочетания слов», наиболее ярко воплотившееся в их пристрастии к словообразовательным гнездам, заставляет предполагать знание и понимание ими принципов словарной системы Даля.

Русских писателей XX века привлекал не только научный, но и морально-этический потенциал «Толкового словаря живого великорусского языка».

Так, обращая внимание читателей на языковое богатство и разнообразие стихотворения Б. Пастернака «Наша гроза», на реализацию в его творчестве «феномена лингвистической эквипотенциальности», современные исследователи Г. Амелин и В. Мордерер приходят к выводу об актуализации в романе «Доктор Живаго» врачевательной функции языка и заявляют об аллюзийном характере соотнесенности имени главного героя вершинного романа Пастернака с названием книги Даля «Словарь *Живаго* великорусского языка»: «Пастернаковского “Доктора” как только не называли, вплоть до набоковского “Мертваго”, возмущаясь, подобно Ахматовой, что он никого не лечит. Это не так. Доктор – язык, Толковый Словарь Живаго Великорусского языка, как он и называется у Даля. Из самого романа:

“Сейчас он ничего не боялся, ни жизни, ни смерти, все на свете, *все вещи были словами его словаря*”. <...> Живаго – и тот, кто лечит, и то, что лечится. Подобное лечится подобным, а живое может быть только от живого» [3, с. 271–272].

В письме к Р.В. Иванову-Разумнику Андрей Белый признавался, что часть слов в его романе «Москва» была заимствована им из Словаря Даля, причем многие из указанных слов сохраняли свое первоначальное (словарное) значение, а некоторые были переосмыслены писателем.

Н.А.Кожевникова, автор статьи о словообразовательных гнездах в романе Андрея Белого, отмечает, что Словарь Даля оказал влияние не только на лексический состав, но и на структуру текста романа «Москва» в целом: «В тексте романа наряду с отдельными словами отражаются фрагменты словообразовательных гнезд» [8, с. 520]. Сближают роман Белого с далевским Словарем и некоторые приемы словоупотребления: «Для романа так же, как и для словаря, характерно обилие синонимов» [8, с. 521]. Выстраивание синонимических рядов и создание большого количества авторских неологизмов в романе Белого осуществляется, во-первых, с опорой на лексемы далевского словаря, во-вторых, на собственные опыты Даля по созданию слов.

Совершенно особую роль Словарю Даля суждено было сыграть в жизни и творческой судьбе тех писателей, которые в первые послереволюционные годы вынужденно покинули родину. Письма А.М. Ремизова, одного из самых ярких русских писателей-«вербалистов» к Н. Кодрянской [7], свидетельствуют о том, что словарь Даля в эмиграции приобрел новое качество и перестал быть равным самому себе. Он был уже не только и не столько научным трудом, сколько средством объединения людей, материализовавшейся памятью о прошлом, материализовавшейся памятью о России, «распылившейся в изгнание», источником жизненных, моральных и творческих сил, «крепостью», спасавшей от исторического «небытия».

Указанные письма позволяют утверждать, что отмечаемый как почитателями, так и противниками Ремизова «вербализм» писателя, то есть его лексические эксперименты, его усилия по «воскрешению» старинных слов, во многом проистекал из увлеченности Ремизова словарем Даля.

Присутствие «Толкового словаря живого великорусского языка» явно или неявно ощущается не только в тех письмах, где упоминается имя его автора, но и в тех письмах, где Ремизов размышляет о внутренней форме слова.

И даже если ремизовская игра с языком не всегда может быть верифицирована словарем Даля, сам факт постоянной и неперенной отсылки к далевской сокровищнице русского языка является более чем показательным. Ремизов ориентирован на его словообразовательные модели, на зафиксированный словарем процесс рождения слов, и – шире

– на зафиксированный словарем Даля процесс неостановимой и неуничтожимой жизни языка.

Словарь Даля для Ремизова – это «перспектива», живая память о том, «кто и как выражался до нас», а также свидетельство того, что «все в мире связано».

«Читайте Даля!» – этот призыв звучит чуть ли не в каждом письме «блестящего ювелира русской речи». Чтение Даля может спасти от отчаяния и безверия, может расширить писательский кругозор, может оживить не только языковую, но и человеческую память. Чтение Словаря «хоть по столбцу в раз», «хоть час в неделю» не даст русскому человеку «заклёкнуть» в чуждой языковой среде.

Как творческое, лингвистическое и человеческое кредо Ремизова звучит имплицитно отсылающее к великому творению Даля полное внутренней страсти утверждение: «Я не хочу воскрешать какой-нибудь стиль, я следую природному движению русской речи, и как русский с русской земли, создаю свой» [7, с. 275].

Литература

1. Аверинцев С. Поэзия Вячеслава Иванова // Вопр. лит-ры. – 1975. – № 8. **2. Ахматова А.** Мужество // Ахматова А. Соч.: В 2 т. – Т. 1. – М., 1990. **3. Амелин Г., Мордерер В.** Миры и столкновения Осипа Мандельштама. – М.–СПб., 2000. **4. Андрей Белый.** Магия слов // Белый А. Символизм как миропонимание. – М. 1994. – С. 131, 134. **5. Волошин М.** Поэты русского склада // **Волошин М.** Лики творчества. – Л., 1988. **6. Волошин М.** Алексей Ремизов. «Посолонь» // Волошин М. Лики творчества. – Л., 1988. **7. Кодрянская Н.** Ремизов в своих письмах. – Париж. 1977. **8. Кожевникова Н.** Словообразовательные гнезда в романе А. Белого «Москва» // Текст. Интертекст. Культура: Сб. докл. Междунар. науч. конф. (Москва, 4–7 апр. 2001 г.). – М. 2001. **9. Мандельштам О.** Утро акмеизма // Мандельштам О. Соч.: В 2 т. – Т. 2. – М., 1990. **10. Мандельштам О.** О природе слова // Мандельштам О. Соч.: В 2 т. – Т. 2. – М., 1990.

В статье рассматривается проблема присутствия Словаря В.И. Даля в творческом сознании писателей XX века. Материалом для исследования послужили художественные произведения, теоретические работы и письма О.Э. Мандельштама, Андрея Белого, А.М. Ремизова.

Ключевые слова: слово, язык, словарь, логоцентризм, словообразовательные гнезда.

У статті розглядається проблема присутності Словаря В.І. Даля у творчій свідомості письменників ХХ століття. Матеріалом для дослідження стали художні твори, теоретичні роботи й листи О.Е. Мандельштама, Андрія Білого, Ю.О.М. Ремізова.

Ключові слова: слово, мова, словник, логоцентризм, словотворчі гнезда.

Problem of the presence of the Dictionary V.I. Dalay is considered in article give at creative consciousness of the writers XX age. The data for study has served artistic making, theoretical workings and letters O.E. Mandelishtama, Andrey a Belogo, A.M. Remizova.

Key words: word, language, dictionary, logocentrism, word-building gnezda.

УДК 821.161.1-3.09 Поляков

В. В. Крымова

РЕЧЬ ПЕРСОНАЖЕЙ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Ю. ПОЛЯКОВА КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОКАЗАТЕЛЬ

Перед автором любого художественного произведения стоит сложная задача создать увлекательный сюжет, интересный мир и населить его яркими образами. Для этого писатели прибегают к разным средствам. Общеизвестны такие приемы создания персонажей, как портрет (описательный и психологический), речевая индивидуализация, внутренний монолог, косвенная и авторская характеристика, самоанализ и т.д. Блестящее разнообразие языковых личностей и речевых стратегий отличает современного писателя Ю. Полякова. Слово персонажа как важнейшее средство воплощения его образа составляет одну из ключевых особенностей «иронической» поэтики Ю. Полякова. Богатый арсенал иронических приемов позволяет автору разрушить речевые стереотипы социальных групп и углубить представление личности. Разрушающее действие иронии есть залог созидания. Ирония выводит реципиента в рефлексивную позицию и провоцирует синтетическое восприятие художественного образа персонажа.

Изучению речевого поведения героев художественных произведений, выявлению его роли в структуре произведения посвящены работы многих исследователей (В. В. Виноградова, В. М. Жирмунского, О. А. Мальцевой и др.). Учеными анализируются структурные и лингвистические особенности речи героев, особое внимание уделяется реконструкции языковой личности персонажа. Значительно меньше исследуется речь персонажей современной русской литературы. Целью данной статьи является выявление специфики языковой личности персонажей Ю. Полякова, анализ основных приемов формирования характеристики героев. Материалом исследования статьи послужили самые яркие произведения Ю. Полякова, в которых речевое поведение героев проявляется наиболее ярко.

Для придания узнаваемости речам персонажей Ю. Поляков использует несколько основных способов. Он заставляет своих героев говорить в соответствии с социальными, профессиональными стереотипами, т.е., читая реплику какого-то героя, читатель сразу догадывается: так может говорить только, скажем, водитель или солдат. Например, в повести «Демгородок» служивые всех чинов изъясняются исключительно штампами: « - Передавали, что погиб при невыясненных

обстоятельствах... - уклонился от ответа Курылев, хотя доподлинно знал: бывшего президента телекомпании «Останкино» искрошили автоматными очередями прямо в супермаркете, в рыбной секции, несмотря на его фальшивый паспорт и накладную бороду» [1, с. 160]. Или: « - За расхищение материалов и нецелевое использование техники на территории спецобъекта – пятнадцать лет!» [1, с. 168]; «Не топчите мебель – она казенная» [1, с. 184]. Еще один вояка живет в повести – адмирал Рык. Его речь полна фразами, которые безошибочно выдают в нем анекдотического солдафона: «<решать вопросы с казнокрадами> только лаской. Иначе народ не поймет. Да и Европа, мать ее так...» [1, с. 242]. Или: «Не испугаете, торпеду вам в задницу» [1, с. 222].

Кроме того, автор наполняет речь персонажей профессионализмами или просто придает их рассказам такую меру убедительности, что делает совершенно невозможным приписать их кому иному, кроме специалиста в этой отрасли. Например, в повести «Парижская любовь Кости Гуманкова» второстепенный персонаж по прозвищу Пипа Суринамская, жена генерала, если и говорит, то исключительно о своем супруге и его деятельности. Причем, не просто так, а как истинная генеральша: «*Это ж какое здоровье надо иметь, чтоб так пить! – высказалась Пипа Суринамская* (выделение наше – В.К.). - *Мой-то генерал так только до майоров хлебал. Бывало, с замполитом натрескаются и на танке охотиться едут... Мясо в доме никогда не переводилось...*» [2, с. 128]; «*Давайте <выпьем> за мужиков!.. За наших защитников*» [2, с. 136].

Мы разделяем мнение В. Иткина, характеризующего литературный метод Ю. Полякова как иронический реализм. Именно поэтому в его произведениях встречаются типичный герой в типичных обстоятельствах. Но действовать и говорить автор заставляет их по-особому — с ироническим оттенком. Галерея героев Ю. Полякова достаточно велика: читатель на страницах произведений видит представителей практически всего общества, начиная от водителей, строителей и телохранителей, заканчивая преуспевающими бизнесменами и учеными-филологами. И у каждого своя узнаваемая, характерная речь. Например, у водителя мусоровоза, который помог добраться главному герою повести «Парижская любовь Кости Гуманкова» до аэропорта:

– *Куда летим? – спросил водитель.*
– *В Париж, – смущенно ответил я.*
– *А-а-а, – протянул он, точно я сказал «в Пермь». – Говорят, там винище дешевое...*
– *Посмотрим...*
– *А чего смотреть – ты попей! Хоть память останется...* [2, с. 43].

А в романе «Козленок в молоке» знаменитым «писателем» становится строитель, с трудом владеющий русским языком. Практически вся его речь состоит из фраз и словечек, бытующих в среде малообразованных людей: «*Нам однохренственно*» [3, с. 67], «*Я не шаромыжник!*» [3, с. 81], «*Покендра*» [3, с. 107]. В этом же романе персонаж, весь образ которого – гиперболизированный тип людей, нашедших «приют» возле литераторов, своеобразный представитель околотультурной прослойки общества, некий Гера, обходчик. Его реплики насыщены анахронизмами. Это своеобразный художественный прием, способствующий в данном случае выявлению аномальных мировоззрения и привычек всего литературного бомонда. Итак, Гера «*с некоторых пор почему-то стал изъясняться в стиле начитанного русского мастерового*» [3, с. 105]. А звучит это таким образом: «*Кто сей отрок?*» [3, с. 106]. Или: «*Ищите и обряцете*» [3, с. 106]; «*Откель же ты таков?*» [3, с. 106].

Иногда автор приводит собственный комментарий, чтобы пояснить читателю речевые особенности персонажа. Например: «*Товарищ Буров, очевидно, лишь недавно научился говорить без бумажки и поэтому изъяснялся медленно, но весомо*» [2, с. 28]. Или: «*– Поэтому переходите к следующему пункту! – строго посоветовал товарищ Буров*» [2, с. 31]; «*– Это мы! – удовлетворенно сообщил товарищ Буров и протянул ей ладонь для рукопожатия*» [2, с. 60].

В драматургических произведениях Ю. Поляков часто обращается к образу «нового русского», бизнесмена среднего уровня. Его речевое поведение очень предсказуемо и узнаваемо. А для того, чтобы у читателя не было сомнений, автор добавляет комментарии:

Андрей: А что у нас сегодня с морем?

Паркинсон: А что у вас сегодня с морем?

Нина: Не обращайтесь внимания, господин Паркинсон! Мой муж – бизнесмен. Он каждое утро вызывает в кабинет секретаршу и спрашивает: «А что у нас сегодня с долларом?» [4, с. 10].

Блестящая речевая стратегия свойственна необычному персонажу, господину Паркинсону, одному из героев пьесы «Левая грудь Афродиты». Учитывая специфику драматургического жанра, составить представление об этом владельце крымского отеля для молодоженов можно исключительно по его речи. Это не представляет особого труда, потому что прописан он настолько тщательно, что в процессе чтения создается зримый образ. Господин Паркинсон – загадочная, почти мифическая личность. О себе он говорит с готовностью: «*... я не поляк и не русский... Кроме того, я не англичанин, не швед и даже не еврей. Вас, конечно, вводит в заблуждение моя фамилия. Но дело в том, что Парки – это богиня судьбы у римлян. Они прядут нити человеческих жизней. И обрезают эти нити, когда приходит срок... Ну, если вам приятно, считайте, что я грек. А может, римлянин... Кто знает... Итак, Парка – богиня судьбы. А «сон» означает «сын». Получается, «сын богини*

Парки». Паркин-сон...» [4, с. 10]. Речь персонажа очень похожа на разглагольствования философа или бога любви, потому что практически все высказывания связаны именно с любовной темой: *«Счастливым человек всегда не в себе... Он весь – в другом человеке, в том, кого любит. К сожалению, потом люди обычно приходят в себя ...»* [4, с. 10]; *«Когда мужчина сочетается браком, его избранница всегда необыкновенна, а жены всех остальных мужчин обыкновенны. К сожалению, со временем собственная супруга становится обыкновенной, а жены других мужчин, напротив, необыкновенными» ...»* [4, с. 11]. Этот образ – один из тех, которые у Ю. Полякова функционируют с особой целью – они являются выразителями истины, основной философских рассуждений автора, афоризмов. К таким персонажам относятся и дети, которые из-за возрастных особенностей, по сути, не могут быть носителями каких-либо определенных социальных признаков, проявившихся бы в речи. Это традиция русской литературы и русской культуры вообще. Достоевский, Андрей Платонов, дети-философы. Метафизика детства раскрывает главную черту — быть восприимчивым к трансцендентным измерениям бытия. Например, 8-летняя дочь программиста:

– *Как ты думаешь, - спросила меня Вика, - в следующей жизни у меня будут такие же волосы или другие?*

– *В следующей жизни ты вообще можешь оказаться лягушкой, если будешь вести себя кое-как!.. Может, ты вообще родишься курчавой негритянкой... Или индианкой...*

– *Но если я буду негритянкой, то это буду уже не я?*

– *Конечно!*

– *Тогда это просто глупо!*

– *Что именно?*

– *Хорошо себя вести, прилежно учиться, помогать маме... А волосы твои достанутся какой-нибудь негритянке!* [2, с. 27].

Ю. Поляков – профессиональный филолог. Это, конечно, нашло отражение в текстах его произведений. В них речь повествователя – условного автора строится в основном в соответствии с нормами литературного языка. Однако такой рассказчик – все же не есть автор. Языковая личность автора прежде всего отражается в авторской речи, но Поляков поступает и несколько иначе. Большинство главных героев, представителями какой профессии они ни были бы, делают мимолетные филологические замечания, активно используют языковую игру, в общем, испытывают на себе влияние профессионального образования автора. Например, главный герой повести «Парижская любовь Кости Гуманкова» по специальности программист. В одной из бесед со своей коллегой была придумана целая «литературно-денежная система», согласно которой на денежных знаках разного номинала были бы не исторические деятели, а литературные: на рубле – Гоголь, на трехрублевке – Лермонтов, на пяти – Тургенев, на десяти – Блок, на

двадцати пяти – Чехов, на пятидесяти – Достоевский, а на сотне – Лев Толстой. Разрушило эту стройную систему напоминание о Пушкине, который как-то «затерялся» в этих расчетах.

Лейтенант Хузин – второстепенный герой повести «Демгородок» – также хорошо знаком с литературой. Он «попал в спецназдивизию «Россомон» со второго курса филологического факультета МГУ по добровольному набору в честь первой годовщины исторического рейда подводной лодки «Золотая рыбка» к берегам Японии» [1, с. 156]. Его образование проявлялось в тех прозвищах, которые он придумывал главному герою Мише Курылеву: *Симплициссимус* [1, с. 249], *Шпенглер* [1, с. 270], *Акутагава* [1, с. 274] и пр. Герой повести «Парижская любовь Кости Гуманкова» Филонов Борис Иванович, специальный корреспондент газеты «Трудовое знамя». Как и положено журналисту, он мастерски владеет языком, кроме того, по воле автора, его речь полна ироническими замечаниями: «*Не надо пугать человека Родиной*» [2, с. 52]; «*Взлет – это лишь повод для посадки*»; «*За границей меня всегда поражают две вещи... Все, даже дети, свободно говорят на иностранном языке, и абсолютно все ездят на иномарках*» [2, с. 59].

Поэт из повести «Парижская любовь Кости Гуманкова», естественно, хорошо знаком с литературой, поэтому его немногословные реплики связаны либо с собственным творчеством, либо с мировым: «*Как говорил поэт Уитмен, чем болтать, давайте выпьем!*» [2, с. 130]. Или «*Поэма Рылеева «Наливайко» - приказал Поэт-лауреат*» [2, с. 130]; «*Прощай, мой табор, пью в последний раз!*» - провозгласил Поэт-метеорист, закусил и рассказал...» [2, с. 131]; «*Дианы грудь, ланиты Флоры!* – крикнул ей вдогонку Поэт-метеорист» [2, с. 136]. Еще один поэт в пьесе «Левая грудь Афродиты» дает свое – поэтическое – толкование многим бытовым понятиям: «*А ты знаешь, почему море соленое?.. За века и тысячелетия мириады влюбленных смывали со своих истомленных счастьем тел пот сладострастия – и посему сделалось море солоно...*» [4, с. 16]. Или: «*Писательская копилка (стучит себя пальцем по лбу) должна быть всегда полна*» [4, с. 17].

Иными словами, авторская речь является показателем социокультурного статуса Ю. Полякова. Обилие филологических шуток (каламбуры, неологизмы, ироническое словообразование, авторская этимология) прямо указывают на образование и сферу деятельности Ю. Полякова. Остроумные лингвистические замечания пронизывают тексты всех без исключения произведений: «*Комитет Глубинного Бурения - КГБ*» [2, с. 75]; «*На то они и Запад. От слова «западня»!*» [3, с. 141]; «*Сейчас докторскую <диссертацию> купить легче, чем любительскую <колбасу>*» [5, с. 209] и т.д.

В целом, необходимо сказать, что персонажи Ю. Полякова выдают свою принадлежность к различным социальным слоям на лексическом уровне. Автор при описании речевого поведения наделяет реплики героев довольно сложной синтаксической структурой,

практически все, начиная от водителя и заканчивая профессором филологии, изъясняются грамотно, создавая полные развернутые конструкции.

А в одном из самых известных романов Ю. Полякова «Козленок в молоке» читатель знакомится с уникальной, по сути, «универсальной языковой системой». Она состоит всего из 12 фраз и называется «Золотой минимум начинающего гения»: «1. Вестимо. 2. Обоюднo. 3. Ментально. 4. Амбивалентно. 5. Трансцендентально. 6. Говно. 7. Скорее да, чем нет. 8. Скорее нет, чем да. 9. Вы меня об этом спрашиваете? 10. Отнюдь. 11. Гении — волю. 12. Не варите козленка в молоке матери его!» [3, с. 78]. Созданный филологом, минимум может использоваться любым человеком для поддержания разговора на любую тему. Все фразы имеют общий, размытый характер, однако подобный вид дискурса довольно часто встречается, например, в политической сфере, поэтому легко узнается читателем. (Кстати, после опубликования романа некоторые высказывания их «золотого минимума» вошли в активный словарь многих читателей как действительно универсальные.)

Таким образом, внимание к слову, к речевому бытию персонажей, создание тонких речевых портретов есть важнейшая характеристика художественного мира Ю. Полякова. Создавая в своих произведениях реалистичный мир, Ю. Поляков населяет его вполне реальными персонажами, однако иронический взгляд помогает писателю преодолеть многие условности бытия. Разные приемы создания зримых образов ставят писателя в ряд самых интересных и узнаваемых авторов современной литературы.

Литература

1. Поляков Ю. Демгородок // Плотские повести-2. – М.: ЗАО «РОСМЭН-ПРЕСС», 2006. – 316 с. **2. Поляков Ю.** Парижская любовь Кости Гуманкова // Плотские повести-2. – М.: ЗАО «РОСМЭН-ПРЕСС», 2006. – 316 с. **3. Поляков Ю.** Козленок в молоке. – М.: ЗАО «РОСМЭН-ПРЕСС», 2006. – 372 с. **4. Поляков Ю.** Левая грудь Афродиты // Россия в откате. – М., : ЗАО «РОСМЭН-ПРЕСС», 2004. – 428 с. **5. Поляков Ю.** Замыслил я побег. – М. : ЗАО «РОСМЭН-ПРЕСС», 2004. – 366 с.

В статье автор делает попытку выявления специфики языковой личности персонажей Ю. Полякова, анализирует основные приемы формирования характеристики героев. Поднимаются важные проблемы соотношения собственно авторской речи и речи персонажей. Материалом для исследования стали тексты самых известных прозаических и драматургических произведений Ю. Полякова.

Ключевые слова: языковая личность, речь, персонаж, ирония, характеристика, автор.

У статті автор робить спробу виявлення специфіки мовної особистості персонажів Ю. Полякова, аналізує основні прийоми формування характеристики героїв. Піднімаються важливі проблеми співвідношення власне авторської мови і мови

персонажів. Матеріалом для дослідження стали тексти найвідоміших прозаїчних і драматургічних творів Ю. Полякова.

Ключові слова: мовна особистість, мовлення, персонаж, іронія, характеристика, автор.

In the article an author gives a short exposure of linguistic personality specific of characters by Y. Polyakov, analyses the basic receptions of forming of hero description. The important problems of correlation actually author speech and speech of characters are risen. For research the texts of the most known prosaic and dramaturgic works by Y. Polyakov were used.

Key words: linguistic personality, speech, character, irony, description, author.

УДК 811.161.1'42

И. М. Курносова

ИЗ ОПЫТА СОЗДАНИЯ ОДНОАСПЕКТНОГО СЛОВАРЯ ЯЗЫКА ПИСАТЕЛЯ

Во второй половине XX в. начала активно развиваться авторская лексикография. Появилось значительное количество словарей различного типа, представляющих особенности языка того или иного писателя (см. антологию «Русская авторская лексикография XIX–XX вв.» [9]). Интерес к такого рода лексикографическим трудам объясняется отчасти тем, что «авторские словари отражают в словарной форме, кроме собственно стилистико-языковых черт, образную систему автора, культурно-исторический фон, на котором осуществлялось его творчество» [6, с. 374]. Однако при этом «авторская лексикография, отечественная и зарубежная, к настоящему времени не выработала общепризнанных подходов к подаче материала, дефинированию лексемного состава авторских текстов, к требованиям словарных статей. Преобладают субъективные подходы, обусловленные конкретными целями, задачами, возможностями...» [2, с. 27]. Среди авторских словарей в последнее время активны словари, толкующие так называемые «забытые», «редкие» слова из произведений русской художественной литературы. Как известно, «именно через лексику осуществляется отражение действительности в языке» [5, с. 78], поэтому подобные словари не только толкуют «трудные» слова, но и помогают сблизить лексику народно-разговорной речи, которая является основой русского национального языка, служат важной цели сохранения сведений о быте и духовном мире русского народа, его истории, социально-экономических отношениях, обрядах, обычаях и т.д. Именно эти задачи мы ставили себе при создании «Словаря народного языка произведений И.А. Бунина».

Давая толкование словам, отражающим бытовую, хозяйственную и культурные стороны жизни крестьян в русской деревне рубежа XIX–XX вв., мы стремились дать толкование и словам малоупотребительным, «редким», «забытым», что представляется нам очень важным. Ведь вдумчивый читатель, претендующий на полное восприятие художественного текста, при встрече с малознакомым словом обратится за его толкованием к доступному ему словарю русского языка. Но имеющиеся у нас толковые словари «обычно избегают давать толкование редких слов, потому что они редкие. А читателю как раз справки о таких словах и нужны, поскольку часто встречающиеся слова он, как правило, уже знает и так из своей речевой практики» [3, с. 110]. Составители даже 17-томного словаря русского языка (БАС-1) во Введении сообщают, что в данный словарь вводится только широко распространенная просторечная и диалектная лексика, т.е. достаточно хорошо известная: в Словарь включается «широко употребительная просторечная лексика с соответствующими пометами» [10, I, V] и в «Словаре находят место те областные, провинциальные слова, которые являются материалом общенационального языка, а не достоянием только местных говоров. Сюда прежде всего относятся слова, широко распространенные в разных говорах или в фольклоре, а оттуда проникающие и в художественную литературу...» [Там же]. «Областные слова ограниченного местного употребления, а также слова, отражающие мелочи домашнего крестьянского быта, не включаются в Словарь, если даже они попадают в отдельных литературных произведениях (обычно с пояснением значения или с выделением курсивом, кавычками)» [Там же]. Примечательно и пояснение во Введении к «Словарю русского языка» С.И. Ожегова о том, что в Словарь не включаются «старинные или устаревшие слова, выпавшие из языка, практически не нужные с точки зрения понимания ближайшей исторической действительности или текстов классической литературы (выделено нами. – *И. К.*)» [7, с. 4].

«Словарь народного языка», созданный нами по произведениям И.А. Бунина, вырос из «Словаря диалектизмов произведений И.А. Бунина», материалы к которому мы начали публиковать с 1998 г. И.А. Бунин – один из тех русских писателей, которые не «имитируют народный стиль, а воспроизводят подлинный народный язык, причем иногда с такой этнографической точностью, что можно территориально локализовать речь персонажей, а иногда и речь самого автора» [8, с. 198]. В «Автобиографической заметке» И.А. Бунин писал, что в детстве он слышал много песен и рассказов от дворовых и матери. Он отмечал: «Им же [дворовым и матери] я обязан и первыми познаниями в языке, – нашем богатейшем языке, в котором, благодаря географическим условиям, слилось и претворилось столько наречий и говоров чуть не со всех концов Руси» [1, 9, с. 256]. Детство И.А. Бунина прошло в Елецком уезде на хуторе Бутырки (этот хутор описывается Буниным в романе «Жизнь Арсеньева» под названием Каменка). В повести «Деревня», в

многочисленных рассказах о жизни крестьян упоминаются и описываются конкретные места, связанные с Ельцом. Языковой материал, использованный И.А. Буниным, близок и понятен писателю с раннего детства. «Простонародный тульско-орловский говор первого десятилетия двадцатого века звучит так непринужденно, свободно, многообразно, естественно, что верится в его несомненную подлинность. И восприятие этой речи у него в тысячу раз достовернее, чем у профессиональных народников – у Златовратского, Наумова, Засодимского, Нефедова и других, потому что русская деревенская жизнь – для Бунина родная стихия» [11, 2, с. 304–305]. Однако «Словарь диалектизм произведений И.А. Бунина», задуманный как справочное пособие, помогающее читателю прежде всего в толковании диалектных слов, постепенно вышел за рамки собственно диалектного словаря. Несмотря на то, что И.А. Буниным написано много произведений на тему деревни, большого количества собственно диалектных слов в его текстах нет. Если опираться на данные лексикографических источников и отбирать для словаря только те лексемы, в отнесении которых к диалектной форме языка словари русского языка так или иначе единодушны, то оказывается, что собственно диалектных лексем в произведениях И.А. Бунина насчитывается, по данным нашей картотеки, около 400. (Заметим, что компьютеризация подсчета в данном случае невозможна, так как каждое слово, претендующее на роль диалектного, требовало обращения автора к ряду словарей русского языка разного типа.) И.А. Бунин, стремясь к объективности отражения действительности, к точной передаче речевых особенностей своих героев, вводил в художественные произведения, кроме лексических, также фонетические и морфологические диалектизмы, однако они у И.А. Бунина занимают значительно меньшее место. Понятно, что письменная речь в силу своей специфики не в состоянии отразить все особенности русских народных говоров. Еще Н.Н. Дурново замечал: «Литературное правописание, будет ли оно по своей основе этимологическим, историческим или чисто фонетическим, всегда стремится к известному однообразию, при котором стираются индивидуальные черты говора того или другого пишущего. Поэтому судить о произношении писателя по его письменным и печатным произведениям затруднительно...» [4, с. 92]. Такой объем диалектного материала в произведениях И.А. Бунина, по нашему мнению, недостаточен для самостоятельного авторского одноаспектного словаря.

Кроме того, ограничение словарного материала только областными словами вынуждало автора словаря оставлять вне поля зрения многие лексические единицы, также имеющие отношение к русской деревне, народному языку, но не являющиеся географически ограниченными. Поэтому предлагаемый словарь охватывает диалектную и диалектно-просторечную лексику и фразеологию, отмеченную нами в произведениях И.А. Бунина (материалом для исследования явились

стихотворные и прозаические произведения И.А. Бунина, включенные в 9-томное собрание его сочинений), а также малоупотребительные общерусские слова (устаревшие и специальные, сельскохозяйственные), характеризующие быт русской деревни рубежа XIX–XX вв. Лексикографической базой словаря послужили диалектные и литературные словари русского языка, а также данные опросов, проведенных автором в ряде мест, описанных И.А. Буниным.

«Словарь народного языка произведений И.А. Бунина» построен по типу толковых словарей русского языка, поэтому словарная статья содержит:

- лингвистическое (не энциклопедическое) толкование слова. Два основных способа толкования слов, принятые в современной лексикографии (через литературный эквивалент и через развернутое описание), являются основными и для нашего словаря;
- иллюстративный материал, поясняющий все значения слов, зафиксированных в произведениях И.А. Бунина. Количество примеров в словарной статье обусловлено необходимостью более полно раскрыть значение слова, по возможности шире представить его косвенные грамматические формы;
- отдельные грамматические пометы, принятые в большинстве словарей русского языка;
- отдельные стилистические пометы, указывающие на диалектный, просторечный и устаревший характер слов. Ареальные характеристики для диалектных слов не указываются;
- отдельные пометы, указывающие на экспрессивность и эмоционально-оценочную характеристику слова: *бранно*, *ласк.*, *пренебр.*, *снисх.*, *уменьш.*, *шутл.* и др.

Поскольку это словарь языка одного писателя и при составлении словника мы исходили из имеющегося в его произведениях материала, то во многих случаях мы отступали от принятых принципов построения толковых словарей. Остановимся на некоторых моментах построения словарной статьи, а также дефиниции отдельных слов и словоформ.

В «Словаре» приводятся только контекстные значения слов, отмеченных нами в произведениях И.А. Бунина, поэтому объем значений слов, представленных в нашем словаре, не совпадает, конечно, с объемом слов в словарях русского языка (региональных или литературных).

В поэтических текстах И.А. Бунина анализируемые нами слова имеют в основном общеязыковое значение, поэтому цитаты из бунинских стихотворений приводятся в соответствующих словарных статьях как иллюстративные примеры: *За хуторами, на бахчах, В нежарких солнечных лучах Краснеют бронзовые дыни* (Уж подсыхает хмель на тыне), *И снова вечер, сухо позлативший Дороги, степь и*

удлинивший тень; И бледный лик, напротив солнца всплывший; И четко в ясном воздухе застывший Среди бахчей курень (Сторож). Однако в ряде случаев слово, претендующее на место в данном словаре, оказывается употребленным в переносном, метафорическом значении, и именно это употребление оказывается единственным в произведениях писателя: *Луна склоняет и по ущелью, Сквозь сумрак, тянет млечную кудель* (Вдовец), *Черный бархатный шмель, золотое оплечье, Заунывно гудящий певучей струной, Ты зачем залетаешь в жилие человечье...?* (Последний шмель) и др. В подобных случаях в нарушение структуры словарной статьи, принятой в толковых словарях, мы вначале давали прямое значение толкуемого слова (не подтверждая его цитатой), поскольку только оно помогает читателю «увидеть» семантику слова в переносном употреблении и понять, на основе каких признаков произошел перенос наименования:

КУДЕ'ЛЬ, и, ж. *Устар. и обл.* Пучок шерсти, приготовленной для прядения. *Перен. Луна склоняет и по ущелью, Сквозь сумрак, тянет млечную кудель.* Вдовец. *И дым ленивою куделью Сливаясь с светлой полосой, Синее, таит...* На Плющихе.

ОПЛЕ'ЧЬЕ, я, ср. *Устар.* 1. Верхняя часть рубашки. 2. Вышивка, украшение на плечах рубашки, кофточка. *Перен. Черный бархатный шмель, золотое оплечье, Заунывно гудящий певучей струной, Ты зачем залетаешь в жилие человечье...?* Последний шмель.

В ряде случаев приходилось решать вопрос о толковании тех многозначных слов, семантика которых в бунинских контекстах оказывалась непонятной или же могла пониматься двояко. Это также касалось тех примеров употребления того или иного слова, которые оказывались единственными в произведениях И.А. Бунина. В данной ситуации мы указывали оба значения слова, давая читателю понять, во-первых, что слово многозначно, а во-вторых, что значение его из контекста не «вычленяется»:

КОСЯ'К, а', м. *Обл.* 1. Треугольная вставка в рукаве под мышкой, ластовица. 2. Вставка в боковые швы рубашки. *Панева – чуть не прошлого столетия... рубаха с канифасовыми косяками всегда белая-белая, - «совсем хоть в гроб клади».* Антоновские яблоки.

КЛУ'НЯ, и, ж. *Устар. и обл.* 1. Помещение для молотбы и хранения хлеба в снопах и зерне. 2. Сарай для хранения мякины, сена, соломы. *Мать уснула в хате. Бабка – в темной клуне, тыквы – на земле.* Христя.

Возможно, в подобных случаях полезным было бы привлечение примеров из произведений других писателей, однако при этом образовался бы другой тип словаря, фиксирующего народно-разговорную лексику не в произведениях одного автора, а нескольких (или многих).

Возникали нарушения в построении словарной статьи и при подаче различных словоформ. Так, формы действительных и

страдательных причастий обычно не указываются в толковых словарях, так как они регулярно образуются по правилам грамматики от соответствующих глагольных форм. Однако в данном словаре причастие и деепричастие рассматривались нами особо и помещались в словарной статье при глаголе, от которого они образованы, так как целый ряд глагольных образований встречается в произведениях И.А. Бунина только в форме причастия или деепричастия (*изгвазданный, перебитый* и др.). При этом причастия и деепричастия мы выделяли в отдельную словарную статью, но с отсылкой к глаголу, от которого оно образовано.

Если соотносительные по виду глаголы были зафиксированы в бунинских текстах в обеих формах, то толкование слова приводилось при глаголе несовершенного вида, а для глагола совершенного вида давалась отсылка к форме несовершенного вида. Если же в художественных текстах зафиксирована была лишь одна из видовых форм, то толкование слова осуществлялось именно для нее.

Подобное расположение материала наблюдалось и при подаче форм сравнительной степени прилагательных и наречий (*блажей, дюжей, струшной, пострушной* и др.), кратких прилагательных (*яровит*) и т.д.

Стремясь наиболее полно представить в «Словаре» народно-разговорную лексику бунинских произведений, мы включали в него, помимо лексических, фонетические и морфологические диалектизмы: *аграмадный, бечь, вблизу, владать, впервой* и др.

Литература

1. Бунин И.А. Собр. соч.: В 9 т. – М., 1965–1967.
2. Голованевский А.Л. Полный поэтический словарь Ф.И. Тютчева»: исследовательский проект кафедры русского языка Брянского госуниверситета // Юбилейный сб. ст. проф. Брянск. гос. ун-та. К 75-летию БГУ. – Брянск, 2005.
3. Добродомов И.Г. Читая А.П. Чехова и словари... // Диалектное и просторечное слово в диахронии и синхронии. – Вологда, 1987.
4. Дурново Н.Н. Заметки по истории русского литературного языка // Известия 2. Отд. АН. – Т. 23 (1918). – Кн. 2. – С. 92–108.
5. Исаев М.И. Словарь этнолингвистических понятий и терминов. – М.: Флинта: Наука, 2003.
6. Коршкова Е.А. К вопросу о создании авторского словаря поэтической фразеологии В. Ходасевича // Словарное наследие В.П. Жукова и пути развития русской и общей лексикографии. – Великий Новгород, 2004.
7. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – 15-е изд. – М., 1984.
8. Осовецкий И.А. Лексика современных русских народных говоров. – М., 1982.
9. Русская авторская лексикография XIX–XX веков. – М.: Азбуковник, 2003.
10. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. – М.–Л., 1950–1965.
11. Чуковский К.И. Ранний Бунин // Бунин И.А. Собр. соч.: В 2 т. – М., 1990.

В статье на примере творчества И.А. Бунина показаны особенности создания одноаспектного словаря языка писателя.

Ключевые слова: авторская лексикография, одноаспектный словарь, язык писателя, общеязыковое значение, народно-разговорная лексика.

У статті на прикладі творчості І. О. Буніна показано особливості створення одноаспектного словника мови письменника.

Ключові слова: авторська лексикографія, одноаспектний словник, мова письменника, загально мовне значення, народно-розмовна лексика.

In article on example creative activity of I.A. Bunin are shown particularities of the creation oneaspect dictionary of the language writer.

Key words: author's lexicography, oneaspect dictionary, language of the writer, general-linguistic meaning, folk-colloquial leksika.

УДК 372.881.1(477.61)

В. Л. Лоповок, О. Н. Теплицкая

РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ШКОЛЬНОГО ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В современной отечественной лингводидактике возрастает внимание к региональному компоненту в школьном филологическом образовании. Под региональным компонентом понимается «последовательное и систематическое включение в языковой курс местного языкового материала» [1, с. 8].

Региональный аспект обучения русскому языку и литературе в школах Украины позволяет, на наш взгляд,

- воспитать у школьников любовь к родному краю (семье, школе, улице, селу, городу), с которой начинается подлинное чувство патриотизма;
- расширить знания, кругозор детей информацией об истории региона, его культуре, литературе (особенно русскоязычной);
- учитывая специфику языковой среды, сформировать навыки грамотного, полноценного владения русским языком во всех видах речевой деятельности, в разных сферах коммуникации.

Луганский областной совет принял решение о придании русскому языку статуса регионального. 60% учащихся Луганщины обучаются на русском языке. В области из 759 школ функционирует 199 с русским языком обучения и 327 школ, где обучение осуществляется на обоих языках. В 2007 году девятиклассники 115 и одиннадцатиклассники 180 школ изъявили желание в качестве экзамена по выбору на

государственной итоговой аттестации сдавать экзамен по русскому языку (диктант и изложение).

К сожалению, в школьной программе сейчас нет раздела «Литература родного края», однако за счет резервных часов, уроков внеклассного чтения и особенно во внеклассной работе словесники Луганщины приобщают учащихся к литературному краеведению, рассматривая его в качестве важной составляющей гражданского, патриотического воспитания. На основе Концепции регионального литературного образования, разработанной кафедрой всемирной литературы ЛНПУ имени Тараса Шевченко, создана программа «Литература родного края», в которой отражено литературное краеведение в его основном и региональных компонентах.

Основной компонент включает вопросы, связанные с писателями-классиками:

- материал о местах, где родился, провел свое детство, жил писатель (В. Даль, А. Кольцов, В. Гаршин);

- места путешествий писателя (степь – «Донская Швейцария» - А.П. Чехов);

- материал о местах, которые повлияли на творческую личность, стали предметом описания в известных произведениях (тема шахтерского Донбасса в творчестве В. Вересаева, А. Серафимовича, М. Шолохова);

- материал о памятных литературных местах, где обычно созданы музеи (памятник В.И. Далю, улица, носящая его имя, музей В.И. Даля в Луганске, памятник Гаршину в Старобельске).

К региональному компоненту относятся:

- лучшие произведения местных авторов (например, поэзия С. Бугоркова, И. Курлата, Т. Дейнегиной, В. Спектора, А. Медведенко и др.);

- литературная периодика края (газеты, журналы, альманахи, в том числе и школьные);

- материал о литературных объединениях (областных, городских/районных, а также школьных клубах и др.);

- памятные литературные места: дома, памятники, музеи, надгробия, мемориальные доски (музей-квартира В. Титова);

- материал о развитии культурной жизни региона (театр, живопись, музыка, скульптура и т.д.);

- край в художественной литературе (произведения уроженцев области и тех авторов, которые какое то время жили в регионе).

Кроме традиционных уроков, встреч учащихся с творческой интеллигенцией, заседаний литературных кружков, клубов, концертов и под., отметим:

- Гаршинские чтения, проводимые членами школьного научного общества «Лингва» (Старобельская гимназия);

– «музейные уроки» (в музее Луганской ССШ № 5 имени В.И. Даля, школьном музее М.Л. Матусовского СШ № 13 г. Луганска, в музее «Молодая гвардия» – г. Краснодон)¹.

Учителя-словесники находят новые подходы к современному прочтению романа А.А. Фадеева «Молодая гвардия». 2007–2008 учебный год начнется во всех школах Луганской области уроком, посвященным 65-летию создания подпольной молодежной организации «Молодая гвардия».

Наиболее активно проводится краеведческая работа, связанная с жизнью и творческой деятельностью В.И. Даля: ежегодные Далевские праздники, турниры юных далеведов. В областном конкурсе творческих ученических работ, посвященном 205-летию со дня рождения В.И. Даля, участвовало 452 школьника.

Интересны и творческие проекты по краеведению. Это, например, «Туристическое агентство» (Лисичанский лицей). Учащиеся исследовали памятники родного города, являющиеся свидетелями его прошлого и настоящего. Собранные старшеклассниками материалы используются на уроках развития речи в средних классах.

Или проект «От Пушкина до Даля». Пятиклассники Луганской ССШ № 58 прошли четыре улицы областного центра и в стихах и прозе, собственных рисунках и фотографиях рассказали об истории каждого дома, его обитателях. Архивные документы, газетные публикации разных лет, интервью, взятые ребятами у луганчан, оживили сценарий проекта, наполнив его уникальной информацией очевидцев.

Особое место в курсе литературы занимает «Слово о полку Игореве». Ведь перед зданием областной библиотеки имени Горького стоит памятник легендарному сказителю Бояну, а в Станично-Луганском районе, на обрывистом берегу Северского Донца, возвышается памятный знак, посвященный походу князя Игоря против половцев именно в этих местах...

Таким образом, словесники Луганщины уделяют серьезное внимание работе по литературному краеведению, воспитывают у учащихся чувство гордости за свой край, его историю, традиции, культуру, замечательных людей-тружеников.

Мы хотели бы в нашем регионе обучать школьников не «суржику», не усредненно-обедненному варианту языка, а полноценной русской речи. Для этого, считаем, необходимо учитывать наиболее частотные, типичные отклонения от норм современного русского языка, которые обусловлены, прежде всего интерферирующим влиянием украинского языка, сильным воздействием просторечия. Так, на произносительном уровне это, кроме «гэканья» и «шоканья», неоглушение согласных, особенно [в] – *в школу, прилавков*, оглушение [г] в [х] – *дру[х], сне[х], диало[х]*, несоблюдение редукции, проявляющееся главным образом в «яканье» – *пятнадцатый, потрясающий, лягли*, смешение твердых и мягких согласных:

ака[д]емия, любо[в], все[м], каст[ру]ля, [м]ермин, ко[ф]е, но [т']ест, компью[т']ер, соси[с']ки и др. Много акцентологических нарушений. В ситуации, когда в школах практически отсутствует современная справочная лингвистическая литература, школьные учебники, несомненно, оказывают определенную помощь педагогу и его питомцам. Однако, в помещенном в конце одного из пособий «Орфоэпическом словаре» из 153 слов 60% не представляют абсолютно никаких произносительных проблем (*этаж, бессоюзие, удивление, зодчий, заноза* и многие др.). Даже учащиеся школ с украинским языком обучения не произносят ап[т]ека, о[т']ель, с[х]ема, карто[т]ека, шед[д']евр, не ставят неправильно ударения в словах *активный, красноречие, морфология*, как, кстати, и в таких, как *летопись, живопись, партнер* и под. – далеко не всегда несовпадения в словах близкородственных языков непременно ведут к интерференционной ошибке.

Зато в учебниках, без вариантов и пометок находим *черпать, обеспечéние*; в 5 кл. *шелкóвица*, в 6 кл. (у этих же авторов) *шелковíца*.

Или ошибки на предложно-падежное управление. В одном из учебников предлог *через* включен в список предлогов, выражающих причинные отношения, но в русском языке, в отличие от украинского, предлог этот выражает временные (*через год*) и пространственные (*через реку*) отношения. Словосочетания типа *опоздал через дождь* являются грамматической ошибкой.

Очень беспокоит нас триумфальное шествие предлога *за*. К сожалению, в речи учителей и школьников он вытесняет *о* (*об*) и активно используется при глаголах речи, мышления и под. не только в значении «вместо» (*говорить за брата* – «вместо брата»): *напомнить за поездку, рассказать за происшествие, узнать за соревнования*.

Итак, даже эти примеры красноречиво говорят о том, что учителю необходимы дополнительные дидактические материалы, система заданий, которые в качестве своеобразного приложения к учебнику обеспечат усвоение нормативной речи.

Это касается и обогащения словарного запаса учащихся. Сегодня лексикон школьников беден, однообразен. Так, например, семиклассники, читая роман «Молодая гвардия», недоумевают, кто такие *смельчáки* и *карatéли*. Современный подросток, судя по ударениям, этих слов никогда не слышал. А ведь они, с точки зрения современной лексикологии, не являются диалектными по происхождению, устаревшими или новыми и т.д. Это оценочная лексика. К сожалению, сегодня выразительность речи молодежи достигается в основном за счет речевого хлама, жаргонизмов и даже обсценной лексики.

В речевом сознании детей стремительно образуются обширные лакуны. Вызывает затруднения россиеведческая лексика: *дюжина, «версты полосаты», вёдро*. А в учебниках по-прежнему написание слов *варежка, коврижка* дается среди проверяемых орфограмм. Очевидно, в наивном ожидании от пятиклассников проверочного слова *коврига*.

Достаточно специфичен в областях и речевой этикет, например, обращения. На юго-востоке, в отличие от Западной Украины, не привились *пані, сударыня*, а *госпожа* и *господин* употребляются разве что в ироничном контексте. Несмотря на достаточно широкий реестр обращений, ни одно пока в речи носителей языка не стало преобладающим. Уже ушли от *товарищ* и *гражданин*, но пока *девушка, женщина, мужик, мужчина, братан, парень*, т.е. проблема остается.

Региональный аспект школьного лингвистического образования предполагает привлечение на урок современного языкового материала края: тексты местных СМИ, рекламы, названий кафе, магазинов, продуктов (конфет, напитков и др.). Учащиеся, проводя мини-исследования, собирают материалы, дающие представление о функционировании русского языка в различных сферах жизнедеятельности региона. Анализ, обсуждение этих материалов учат школьников критически оценивать речевые явления, повышают мотивацию изучения русского языка, формируют хороший лингвистический вкус, готовят к самостоятельной взрослой жизни.

Местная тематика интересно используется на уроках развития речи. Учителя Луганской ССШ № 54 издали сборник творческих работ учащихся с использованием краеведческого материала.

Учительница СШ № 16 г. Стаханова Л.В. Жеребцова на уроке развития речи «Описание памятника» рассказала учащимся о памятниках писателям, в частности о том, как во многих городах и селах Украины в памятниках увековечена любовь к великому русскому поэту А.С. Пушкину. Школьники готовили к уроку поисковые задания – собирали информацию об авторе памятнику Пушкину в Стаханове, об истории этого сооружения, делали фотографии, что помогло ребятам лучше осознать значение этого памятника, «всмотреться» в его детали. А в качестве текстового дидактического материала учительница выбрала прекрасное стихотворение поэта-луганчанина Андрея Медведенко.

*Я снова в Стаханове. Снова
В плену тополей и берез.
Срывается с уст моих слово
Не то, что когда-то рвалось.
Ссугулила город ломота.
В развалинах стынет квартал.
Не зря – вымирающим кто-то
Его бессердечно назвал.
Заводы совсем на износе.
В плену у торгашества честь.
И шахты не действуют вовсе,
А действуют жадность и лесть.
Иду, пораженный тоскою,
Где в юности побывал*

*И креп, и родился с мечтою,
Где в скверике Пушкин стоял.
Наверное, Пушкина нету...
Где алчность, там муза молчит.
И вдруг, среди мартовских веток,
О диво! Наш Пушкин стоит!
Безмолвье его окружает
И взгляды снующих людей.
Стоит он и край возвышает
Над низменным сонмом страстей.
Пусть туча похожа на молот,
В акациях холод разлит,
Но выживет! Выживет город,
Коль в скверике Пушкин стоит!*

Учащиеся в своих сочинениях описывают не просто памятник, а частицу души шахтерского города, его неотъемлемый уголок, – памятник живет радостью и болью горожан, олицетворяя собой их духовное величие, стремление к прекрасному.

Важными и продуктивными направлениями в реализации регионального аспекта школьного филологического образования мы считаем работу над топонимикой края и использование региональных текстов, что является темой отдельного методического исследования

Литература и примечания

1. Пентелюк М., Нікітіна А., Горошкіна О. Концепція когнітивної методики викладання української мови // Дивослово. – 2004. – № 8. – С. 8.

¹ В области более 120 школьных музеев и музейных комнат.

В статье рассматривается сущность регионального аспекта школьного филологического образования. Представлен опыт организации такой работы учителями русского языка и литературы Луганской области.

Ключевые слова: региональный аспект школьного филологического образования, урок развития речи, речевой этикет, краеведческая работа, словарный запас.

У статті розглядається зміст регіонального аспекту шкільної філологічної освіти. Представлено досвід проведення такої роботи вчителями російської мови і літератури Луганської області.

Ключові слова: регіональний аспект шкільної філологічної освіти, урок розвитку мови, мовний етикет, краєзнавча робота, словниковий запас.

It was given in the article the essence of regional aspect of school philological education presented the experience of the organization of teachers of Russian language and literatura in Lugansk region.

Key words: regional aspect of the school philological education, lesson of the development speech, speech etiquette, work of local lore, glossary spare.

УДК 82 – 193

Т. М. Марченко

ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ БАЛЛАД В.И. ЛЮБИЧА-РОМАНОВИЧА

История русской литературы XIX века знает немало имён, по отношению к которым время оказалось строгим и несправедливым судьёй. Как заметил современный социолог Ю.В. Никуличев, «громкая библиотека этого столетия оказалась сведена к трём десяткам весьма неполных собраний сочинений, подавляющее большинство литераторов прошлого не прошли через необходимый для каждой культуры процесс периодической републикации, колоссальный массив журнальной литературы таковым и остался» [1, с. 50]. В результате, воспетый на все лады «золотой век» на самом деле содержит громадный художественный пласт, который для читателей многих последующих поколений стал «непрочитанной литературой». К числу таких забытых, «непрочитанных» литераторов стоит отнести Василия Игнатьевича Любича-Романовича (1805–1888), оригинального поэта, переводчика, мемуариста, человека пушкинской и гоголевской литературной среды. Его творческое наследие, не переиздававшееся ни после смерти автора, ни в советские годы, практически недоступно широкому читателю. А из литературоведов, обращавшихся к освещению жизни и деятельности литератора, назовём лишь О.К. Супрунюк [2].

Между тем, современным читателям и исследователям В.И. Любич-Романович может быть интересен как один из тех, кто активно и весьма продуктивно разрабатывал украинскую тему в русской литературе. Соученик Н.В. Гоголя по Гимназии высших наук в Нежине, он увлёкся поэзией на Украине, в студенческие годы, его лучшие стихи, вышедшие в 30-40-е годы XIX века, созданы на материале украинской истории и фольклора. Цель настоящей статьи – рассмотреть идейно-художественные особенности баллад Любича-Романовича «Сказание о Хмельницком» и «Барабаш у Хмельницкого на пиру», ставших альфой и омегой лиро-эпического поэтического цикла о героическом прошлом Украины. Первая из баллад была опубликована в журнале «Сын Отечества и Северный архив» в 1829 году, вторая – появилась на страницах журнала «Маяк» в 1845 году. На протяжении шестнадцати лет, которые отделяют интересующие нас произведения, появлялись другие «украинские» стихотворения поэта – «Песня», «Смерть

бандуриста», «Казацкая смерть», «Запорожец», «Иван Коновченко». Все они в сугубо романтической традиции воссоздавали облик Украины – экзотической страны, края сильных духом людей, в жестоких сражениях отстаивших свободу и устами бандуристов воспевавших былые подвиги в дивных песнях думах.

Именно героический эпос украинцев питал замыслы поэта. Обращение В.И. Любича-Романовича к песенному фольклору малороссиян как к эстетическому источнику не случайно и связано не только с украинскими корнями поэта. Он жил в эпоху активного знакомства русской читающей публики с историей, культурой и традициями Украины, популяризации памятников народной словесности. Этот процесс начался в 1819 году, с выходом в свет сборника «Опыт собрания старинных малороссийских песней» князя Н.А. Цертелева. Впервые изданные десять героических дум, записанных на Полтавщине, стали, по выражению составителя сборника, «новым метеором в словесности» [3, с. 122]. В статье «О народных стихотворениях», написанной в форме открытого письма М.А. Максимовичу, Н.А. Цертелев призвал литераторов, стремящихся наполнить свои произведения национальным колоритом, не считать народные предания и песни пустяками и как можно внимательнее вслушиваться в них [4, с. 272]. В.И. Любич-Романович был в числе тех, кто воспользовался призывом, прозвучавшим со страниц «Вестника Европы». Подзаголовок к «Сказанию о Хмельницком» – «из малороссийской песни» – прямо указывает адресат сюжетного заимствования. Это дума «О походе гетмана Богдана Хмельницкого в Молдавию». Именно так назывался первый из зафиксированных её вариантов в сборнике Н.А. Цертелева. Под этим же названием текст думы вошёл в известные сборники М.А. Максимовича «Малороссийские песни» (1827 г.) и «Украинские народные песни» (1834 г.). В других изданиях (вторая часть «Запорожской старины» И.И. Срезневского, 1834 г., «Исторические песни Малорусского народа с объяснениями Вл. Антоновича и М. Драгоманова», 1874 г.) дума помещена под названием «Поход в Молдавию». А вот П. Кулиш, записав очередной вариант думы в 50-е годы XIX в. от кобзаря Андрея Шута, назвал её «Хмельницкий и Василий Молдавский». Хронология публикаций названных фольклорных сборников свидетельствует о том, что сюжет для своего сюжетно-повествовательного стихотворения поэт, вероятнее всего, мог взять у Н.А. Цертелева или М.А. Максимовича. Не исключено, что он пользовался рукописными фольклорными коллекциями, в первую очередь гоголевской, ведь, как свидетельствует О.К. Супрунюк, в конце 20-х – первой половине 30-х годов бывшие нежинские однокашники активно общались [5, с. 439]. В пользу высказанного предположения свидетельствует переписка Н.В. Гоголя – он охотно делился материалами своего собрания с другими собирателями и издателями фольклорных текстов (М.А. Максимович, Н.Д. Белозёрский, П.В. Киреевский и др.).

Итак, «Сказание о Хмельницком» В.И. Любича-Романовича – пример прямого заимствования сюжета известной украинской думы и его воссоздания в литературном произведении. В основе фольклорно-литературного сюжета – события известных Молдавских походов Богдана Хмельницкого 1650, 1652 и 1653 годов. Поэт точно идёт вслед за народным источником в изображении исторических событий, буквально повторяя главные сюжетные ситуации – выступление войска в поход, переправа через Днестр, письмо Хмельницкого Василию Молдавскому, письмо молдавского господаря польскому гетману Потоцкому, неспособность поляков помочь Яссам, решительная победа казаков. Главная творческая установка автора созвучна фольклорной думовой традиции – в сжатых рамках сюжетно-повествовательного стихотворения воспеть воинские доблести и мудрость героя. Перед нами не просто героический, а героико-авантюрный сюжет, в ходе развития которого проявляется сущность характера главного героя. Отметим, что авторы коллективной монографии «Історія українсько-російських літературних зв'язків», опубликованной в 1987 году, на закате последнего советского десятилетия, заявили о консервативности авторской трактовки образа Хмельницкого в балладе. «Любич-Романович трактує Хмельниччину у відверто викривленому світлі – образ Хмельницького непривабливий: всі його вчинки примхливі, йдуть від поганого настрою, нічим не пояснюються і не піддаються об'єктивній оцінці»[6, с. 144].

Изменение современных толкований понятия „консерватизм” и анализ фольклорных материалов о Хмельницком, послуживших источниками авторского замысла, позволяют утверждать обратное. Облик гетмана Хмельницкого в балладе полностью согласуется с «мнением народным», с нравственно-психологическим обликом Богдана – героя казацких дум и исторических песен. Такой подход к трактовке образа, несомненно, предполагает знакомство с широким массивом фольклорных текстов и выходит далеко за рамки одной думы – непосредственного сюжетного образца. Герой максимально приближен к романтическому типу идеального героя-борца, народного вождя и заступника, восходящему к фольклорной традиции, его характер с определённым набором черт отражает народные представления о нравственности и доблести. Так, образ всадника на лихом коне реализует фольклорный мотив богатырства, воинской удали и может рассматриваться как реминисценция из героического эпоса. Вспомним в этой связи известную украинскую историческую песню «Ой, Богдане, батьку Хмелю»: «З Запорожжя, з Чигирина військо виступає, попереду грізний батько конем виграває...»[7, с. 129]. А вот гетман-всадник у Любича-Романовича:

*«...От устен Днепровских вод
Тихий ветер повевае...
Рать украинцев в поход
За Хмельницким выступает.*

*В пышной гетманской броне,
С булавой в руке, угрюмый,
Впереди всех на коне,
Погружён Хмельницкий в думы» [8, с. 49].*

Приведенные цитаты дают возможность обратить внимание на ещё одну восходящую к народной традиции особенность – гетман изображается на фоне широкого народного движения, в постоянном взаимодействии с казачеством – он «впереди всех». Оценочный эпитет героя – «угрюмый» никак не может служить поводом для упреков автора в консервативном подходе к историческому герою. Он иллюстрирует отнюдь не привередливость или плохое настроение Хмельницкого, как показалось идеологически заангажированным толкователям балладного текста, а «погружённость в думы». Вспомним, что «задумчивость» – неперемнная черта для героев дум К.Ф. Рылеева. «...В цепях, и грозный, и угрюмый, лежал Хмельницкий на земле; в нём мрачные кипели думы и выражались на челе» [9, с. 366-367], – читаем в знаменитой думе «Богдан Хмельницкий». Более того, народная словесность традиционно подчёркивает в образе Богдана не только задумчивость, но и хитрость, скрытность (в балладе – «таинственность», «неразгадчивость») как ценные качества, помогающие герою достичь цели. Развивает этот фольклорный мотив скрытности и Любич-Романович:

*«Но куда ведёт Гетман?
Бог святой Гетмана знает!
Сам куренный Атаман
В неизвестности блуждает...» [8, с. 50].*

И далее:

*«...Так Хмельницкий воевал,
Неразгадчивый, угрюмый:
Только в деле узнавал
Ратник Гетманские думы!» [8, с. 52].*

В думе-первоисточнике этот мотив звучит так: «Бог святой знає, Бог святой і відає, що Хмельницький думає-гадає...» [7, с. 120]. Наиболее известным фольклорным произведением, развивающим мотив хитрости Хмельницкого в борьбе с врагами, является дума «Хмельницкий и Барабаш», известная в нескольких вариантах. В думе рассказывается о том, как Хмельницкий накануне восстания хитростью добыл королевские грамоты с казацкими привилегиями, спрятанные у ставленника шляхты гетмана Барабаша. Этот сюжет актуализирован в балладе В.И. Любича-Романовича «Барабаш у Хмельницкого на пиру». В центре повествования – острый конфликт между Хмельницким – народным заступником и Барабашем – верным слугой польских магнатов. По своему содержанию баллада ближе к самому старому и наиболее лаконичному варианту из сборника Н.А. Цертелева. Это так называемый полтавский вариант, записанный в 1814 году и состоящий всего из 54 стихов. Варианты, зафиксированные позднее (к примеру, черниговский

вариант П. Кулиша), содержат новые эпизоды, значительно расширяющие событийную часть сюжета. Поэта интересует исключительно факт добывания Хмельницким королевских универсалов. Ни о содержании грамот, ни о том, для чего они нужны, речь не идёт. Действие развивается стремительно, динамично. Баллада лишена зачина или экспозиции, уже первые строки содержат завязку:

*«У Хмельницкого Богдана
Люд купається в вині:
Угощаєт он Гетьмана
Барабаша, в Чигрині!» [10, с. 5].*

Далее в композиции чётко вычленяются три части – Богдан, поднося гостю «чары с пенным вином» спаивает его и когда Барабаш засыпает, достаёт из кармана ключи, с которыми посылает верного Чуру к жене Гетмана за «королевскими листами». Вторая, кульминационная часть балладной композиции – добывание верным слугой грамот, спрятанных в тайнике, и возвращение в Чигирин. Третья, заключительная часть, завязка – пробуждение Барабаша и обнаружение пропажи ключей, отъезд обманутого гостя с мыслями о поимке Хмельницкого и передаче ляхам.

Любич-Романович точно соблюдает законы жанра – читателям воссоздан лишь эпизод, фрагмент, предыстория же событий и их дальнейшее продолжение, остались за рамками баллады. Они должны были быть известны подготовленному читателю из других источников – в первую очередь – из фольклорных, а также историографических, активно публиковавшихся в те годы, когда жил и творил Любич-Романович. Интересна одна из деталей баллады, позволяющая уточнить адресат сюжетного заимствования. Хмельницкий, в полном соответствии с текстом цертелевского или полтавского варианта думы, достаёт у Барабаша именно ключи, в то время как в позднейших фольклорных текстах фигурировали другие предметы, по которым жена Барабаша узнавала якобы гетманского посланца – кольцо и платок.

Важную роль в развитии действия баллады играют диалоги, которые усиливают эмоциональную напряжённость, придают событиям драматичность, позволяют дать яркие характеристики персонажам. Так, Хмельницкий не просто хитёр и скрытен, он решителен, способен быстро ориентироваться в возникшей ситуации. Барабаш же расчётлив и корыстолюбив. Отказывая Богдану в возможности почитать королевские грамоты, он рассуждает так:

*«Ты умён, кум, замечаю!
А зачем тебе их знати?
Но, по правде... между нами...
Что на ляхов нам пеняти,
И с почтивыми Панами –
Заодно бы не держати?» [10, с. 6].*

По сути, перед нами типичная для романтической традиции контрастная пара персонажей – «герой» и «антигерой». Традиционно и соотношение сил между ними – конфликт разрешается в пользу «героя», похвальная, с точки зрения народной морали, хитрость Хмельницкого помогает ему исполнить задуманное. Идеино-художественные особенности проанализированных нами баллад В.И. Любича-Романовича позволяют не только составить представление об интересной странице творчества этого оригинального поэта, но иллюстрируют общие процесс, характерный для русской поэзии его времени. Это «постепенный отход от традиций «элегической школы» к романтическим поискам лирической экспрессии в сюжетном репертуаре, темах и поэтическом языке»[5, с. 439].

Литература

1. Никуличев В.Ю. Непрочитанная литература: век девятнадцатый // Отечественная история. – 2002. – № 1. – С. 49–60. **2. Супронюк О.К.** Литературная среда раннего Гоголя // Изв. АН СССР. Отд. лит-ры и яз. – 1991. – № 1. – С. 58–61. **3. Цертелев Н.А.** О старинных малороссийских песнях // Сын Отечества. – 1817. – Ч. 45.– № XVI. – С. 122–136. **4. Цертелев Н.А.** О народных стихотворениях (письмо М.А. Максимовичу) // Вестник Европы. – 1827. – Ч. 154. – № 12. – С. 270–278. **5. Супронюк О.К.** Любич-Романович // Русские писатели 1800–1917: Библиографический словарь / Гл. ред. П.А. Николаев. – М.: Сов. энциклопедия, 1989. – Т. 3., – С. 438–440. **6. Історія українсько-російських літературних зв'язків.** – Т. 1. (Дожовтневий період) / Гол. ред. Н.Є. Крутікова. – К.: Наук. думка, 1987. – 447 с. **7. Українські народні думи та історичні пісні** – К.: Вид-во АН УРСР, 1955. – 659с. **8. Любич-Романович В.И.** Сказание о Хмельницком// Сын Отечества и Северный архив. – 1829. Т. VII. – С. 49–52. **9. Рылеев К.Ф.** Богдан Хмельницкий// Поэты пушкинского круга. – М.: Правда, 1983. – 687 с. **10. Любич-Романович В.И.** Барабаш у Хмельницкого на пиру // Маяк. – 1845. – Т. 22. – С. 5–7.

В статье идёт речь об идейно-тематических и художественных особенностях забытой сегодня исторической поэзии В.И. Любича-Романовича – поэта, переводчика, мемуариста, человека из ближайшего окружения Н.В. Гоголя. В центре внимания – его лиро-эпические произведения на темы украинской истории, написанные по мотивам народных дум. Их главный герой – Богдан Хмельницкий, образ которого трактуется в соответствии с фольклорно-романтическими традициями.

Ключевые слова: романтизм, тип героя, актуализация фольклорных мотивов, думы, сюжетно-повествовательные стихотворения, сюжетные заимствования.

У статті мова йде про ідейно-тематичні та художні особливості забутої сьогодні історичної поезії В.І. Любича-Романовича – поета, перекладача, мемуариста, людини з найближчого оточення М.В. Гоголя. В центрі уваги – його ліро-епічні твори на теми української історії, написані за мотивами народних дум. Їх головний герой – Богдан

Хмельницький, образ якого трактується згідно з фольклорно-романтичними традиціями.

Ключові слова: романтизм, тип героя, актуалізація фольклорних мотивів, думи, сюжетно-розповідні вірші, сюжетні запозичення.

The article is devoted to the idea-thematic and artistic peculiarities of the forgotten historical poetry of V.I. Lubich-Romanovich – a poet, translator, memorialist, the person from the nearest encirclement of N.V. Gogol. His lero-epical works about Ukrainian history, written on folk duma motives, are in the centre of attention. Their main hero is Bogdan Khmelnytsky, his image is treated according to the folklore-romantic traditions.

Key words: romantism, type of hero, actualization of folklore motives, duma, plot-narrative poems, plot borrowings.

УДК 811/161/1'282

Н. Г. Михова

О ВАРИАТИВНОСТИ НЕКОТОРЫХ СОГЛАСНЫХ В ГОВОРАХ КИРИЛЛОВСКОГО РАЙОНА ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Русские народные говоры – особые устные памятники языка. Именно в живой речи сохраняются те черты и явления, которые были характерны для языка прошлых эпох. Диалектный язык – особая система, не имеющая письменного воплощения. Одним из основных отличий говора и литературного языка заключается в том, что диалект представляет собой бесписьменную систему. Исследователи отмечают, что устные тексты характеризуются высокой степенью фонетической вариативности, так как «все закономерности в ней носят не регулярный, а вероятностный характер» [Русские народные говоры 1991, с. 16].

Существует несколько факторов порождения фонетической вариативности в живой речи. Диалектологи выделяют следующие:

1. Аллофоническое варьирование, обусловленное позиционно. Необходимо учитывать как контактные, так и дистантные фонетические связи в пределах словоформы. Таким образом, многие реализации, представляющие сложность для интерпретации, могут быть понятны при обращении к фонетическому контексту.

2. Варианты реализаций появляются в результате различных интонационных позиций во фразе. В изучении живого потока речи необходимо уделять внимание сильной позиции. Гласный под ударением – особое место, относительно которого формируется качество всех остальных звуков в фонетическом слове. Вариативность гласных, по мнению С. С. Высотского, обусловлена характером словесных ударений во фразе и особенностями интонационной конструкции. «Таким образом, в понятие основного вида гласного (или основного оттенка фонемы) здесь вносится некоторое осложнение; уточняется, что гласный даже в

сильной позиции не может быть абсолютно независим от позиционных условий самого слова в составе фразы с её ритмико-интонационными особенностями <...> здесь на первое место выдвигается факт возможного “ослабления” характерного признака гласного – некоторого изменения тембра, в частности по направлению к его редукции» [7, с. 17].

Дальнейшее изучение просодии фразы Н. Н. Розановой показало, что в русском литературном языке гласный под ударением в слабой фразовой позиции может приближаться к редуцированному и даже становиться редуцированным неопределённого тембра (приближен к [ъ]). Отечественные и зарубежные диалектологи обратили внимание на русскую разговорную речь и выявили, что «фонетическая вариативность может иметь полностью позиционную обусловленность» [7, с. 18].

3. Взаимовлияние различных слоёв одной диалектной системы. Исследователи отмечают смешение элементов в системе современного говора. Задача диалектолога – чётко разграничивать явления, принадлежащие к разным этапам развития говора. В. Г. Орлова отмечает, что одной из особенностей современного состояния говора «является почти полное отсутствие “чистых” систем, таких, в которых не проявлялись бы одновременно элементы какой-то другой системы» [7, с. 18]. Таким образом, в говоре могут наблюдаться различные варианты: традиционный, сохраняющий устойчивые элементы старой системы, и новый, отражающий произошедшие изменения. Р. Ф. Касаткина указывает на то, что соотношение между элементами традиционного и нового вариантов может быть различным. Подсистема «передового слоя» (термин Р. Ф. Касаткиной) не всегда тождественна системе литературного языка, так как говор может развиваться по своим законам.

4. Современный говор находится в постоянном контакте с другими говорами. Наиболее устойчивыми являются взаимоотношения с литературным языком, влияние которого осуществляется не только через средства массовой информации, но и при непосредственном общении с людьми, владеющими литературной нормой. Исследователи отмечают, что почти все носители говора обладают пассивным двуязычием. Кроме влияния литературного языка возможно взаимодействие с другими языками и другими диалектами.

Детальное изучение диалектных текстов показало, что вариативность наблюдается как в области гласных звуков, так и согласных. Выделение элементов, принадлежащих к основной системе, определяется количественно (т.е. частотой функционирования в речи). Фонетические особенности говора, не характерные для данной системы, являются результатом соприкосновения диалекта с литературным языком.

Материалы полевых экспедиций 2003–2005 гг. в Кирилловском районе Вологодской области показывают, что в системе согласных на данной территории наблюдаются свои варианты. Различия в реализациях

проявляются в наиболее ярких диалектных чертах, ещё не стёртых влиянием нормированного произношения.

В процессе анализа живой речи были выявлены варианты произношения *губного спиранта* [ʋ] в разных позициях.

Перед согласным: з'имóвка, д'éвка, шытóвка, Пáвло, прáвда, П'етрóвна, прáвнуц'ка, д'ерéвн'а и под.

Перед гласным: б'эс коровы, оwéц, Корóвино, самowáp, Ивán Ст'епáнович, кровáтка, wót и т.д.

На конце слова: дрóв, годóв, гр'ибóв, Ивáнов д'én', п'эт'ц'асóв, м'ётрow, лаборáнтов, около п'ен'кóв, нёт коч'егáрow.

В то же время на всей территории Кирилловского района наблюдается позиционная мена согласных [ʋ]//[ф] в соответствии с нормами современного русского литературного языка: дé[ф]ки, дерé[ʋ]ню, с [ʋ]одóй, [ʋ]арúли, корó[ʋ]а, пú[ʋ]о, клюк[ʋ]у, [ф] коўхозе, [ф]торóй, да[ʋ]áli.

Следует отметить, что количество случаев литературного произношения варьируется в зависимости от населённого пункта. Например, в селе Ферапонтово нормированное произношение преобладает, а в более отдалённых от административных центров населённых пунктах диалектные и кодифицированные варианты функционируют синхронно в речи старшего поколения. Таким образом, можно выделить следующие реализации /ʋ/: [ʋ], [ф], [w].

Качество бокового латерального согласного /л/. В речи жителей населённых пунктов, относящихся к Волокославинскому и Сусельскому сельсоветам Кирилловского района встречаются следующие варианты произношения [л]:

- в конце слова наблюдается замена [л – ъ]: жы'ѳ, бы'ѳ, мы'ѳ, куп'ѳ, забы'ѳ, ушóѳ, рабóтаѳ, спáѳ, вз'áѳ, в'инó потр'ебл'áѳ;

- в суффиксах возвратных глаголов прошедшего времени употребляется ѳ: жен'ѳс'а, род'ѳс'а, умы'ѳс'а, соб'ираѳс'а, воз'ѳс'а;

- в середине слова на месте твердого сонорного [л] встречается [ѳ]: jóѳк'и, пáѳка, м'áѳка, дóѳго, коўхóс, истоѳкút, пр'áѳка, стóѳп;

- функционирование /l/ европейского: ход'úла, каблuc'ók, т'эсно стáло, úбыло, дóѳго шlá, голодát', вы'шла зáмуш да и фс'ó;

- соответствие литературным л и л': ходú[л']и, [л]аптá, п[л]óтный, мáс[л]а не бы[л]о, бó[л']ше, мо[л]око, вá[л']еноц'ки, крúг[л]а така и т.д.

Следовательно, можно выделить варианты произношения /л/: [л], [ѳ], [l]. Необходимо сказать о том, что в деревнях, входящих в состав Ферапонтовского сельсовета, функционирование диалектных вариантов встречается в меньшей степени, чем на других территориях. Особенности в произношении, контрастирующие с литературной нормой, наблюдаются у лиц преклонного возраста и у тех, кто имеет только начальное базовое образование.

Вероятно, фонетическая вариативность связана не только с влиянием литературного языка, но и с историей заселения данного региона. Смешение новгородских и ростово-суздальских особенностей речи могло дать основу для возникновения вариантов реализаций. Появление подобного произношения свидетельствует о взаимовлиянии разных диалектных систем и нечёткости границ ареалов фонетических явлений.

Литература

1. Аванесов Р.И. Очерки русской диалектологии. – М.: Учпедгиз, 1949. – Ч. I. **2. Горшкова К.В.** Историческая диалектология русского языка. – М.: Просвещение, 1972. **3. Касаткин Л.Л.** Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. – М.: Наука; Школа «Языки русской культуры», 1999. **4. Липовская Н.А.** Губные спиранты на территории северо-восточной диалектной зоны // Русские говоры. К изучению фонетики, грамматики, лексики. – М.: Наука, 1975. – С. 105–115. **5. Орлова В.Г.** История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров. – М.: АН СССР, 1959. **6. Очерки исторической географии: Северо-Запад России: Славяне и финны /** Под ред. А.С.Герда, Г.С.Лебедева. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001. **7. Русские народные говоры: Звучащая хрестоматия. – Ч. 1: Северно-русские говоры /** Сост. Ю.С.Азарх, Р.Ф.Касаткина, Е.В.Щигель. – М. – Бохум, 1991. **8. Теплова В.Н.** Характер употребления смычно-проходных боковых сонорных согласных в западных говорах русского языка // Русские говоры. К изучению фонетики, грамматики, лексики. – М.: Наука, 1975. – С. 116–125.

В статье на примере согласных рассмотрены факторы порождения фонетической вариативности в живой речи.

Ключевые слова: народный говор, диалектный язык, фонетическая вариативность, пассивное двуязычие.

У статті на прикладі приголосних розглянуто чинники породження фонетичної варіативності у живій мові.

Ключові слова: народний говір, діалектна мова, фонетична варіативність, пасивна двомовність.

In article on example consonants considered factors products phonetic varietive at alive speech.

Key words: people's dialect, dialectal language, phonetic varietive, passive dvuyazychie.

М. М. Мухина

**ВЛИЯНИЕ НАУЧНОГО СТИЛЯ НА СОВРЕМЕННУЮ
ПУБЛИЦИСТИКУ (НА МАТЕРИАЛЕ ЖУРНАЛА «ФІНАНСИ
УКРАЇНИ»)**

Язык как явление социальное выполняет различные функции, связанные с той или иной сферой человеческой деятельности. Важнейшими общественными функциями языка являются общение, сообщение и воздействие, для реализации которых исторически сложились и оформились отдельные разновидности языка, характеризующиеся наличием в каждой из них как особых лексико-фразеологических, так и синтаксических средств, используемых исключительно или преимущественно в данной разновидности языка. Эти разновидности называются функциональными стилями, которые различаются между собой внутриязыковыми признаками – принципами отбора, сочетания и организации речевых средств языка. В современном русском языке выделяются книжные стили: научный, публицистический, официально-деловой; им стилистически противопоставлена разговорная речь, а также особое место в системе стилей занимает язык художественной литературы [7, с. 18].

Языковые стили являются относительно замкнутыми системами, однако многие исследователи такие как Виноградов В.В., Будагов Р.А., Крылова О.А. и др., полагают, что не следует рассматривать каждый языковой стиль как отдельную замкнутую систему, поскольку «часть признаков, характеризующих языковой стиль своеобразно, по-своему, повторяется в других языковых стилях» [2, с. 67], «те или иные лексические средства, отдельные структурные особенности предложений, образные средства языка и др. не принадлежат к какому-то определенному стилю речи» [3, с. 77]. Поэтому проблема межстилевого взаимодействия, а также проникновения признаков одного функционального стиля в другой является актуальной в настоящее время.

Целью статьи является определение влияния научного стиля на публицистику

В стилистической системе современного русского языка публицистический стиль, например, занимает промежуточное положение между разговорным, с одной стороны, и официально-деловым и научным, с другой.

Публицистика – искусство слова. Роль публицистики заключается в том, чтобы убеждать читателя и воздействовать на его волю и чувства с целью создания общественного мнения; кроме того, содержание публицистических произведений служит передаче сообщений и

разъяснению, комментированию событий. Публицистичность – это искусство аргументации, убеждения, поэтому нестандартность и яркость выражения усиливает действенность речи [7, с. 1].

В публицистической литературе освещаются самые разнообразные актуальные вопросы, представляющие интерес для общества: идеологические, политические, экономические, философские, морально-этические, вопросы воспитания, культуры, искусства, вопросы повседневной жизни, производства и т.д. [7, с. 12]

Публицистика объединяет в себе качества науки и искусства, а потому и выступает как особый тип творчества. Публицистика – это такая сфера языка, где могут своеобразно переплетаться и вступать во взаимодействие многие особенности научного и официально-делового стилей, с одной стороны, и разговорной речи и языка художественной литературы, с другой [7].

Рассмотрим влияние научного стиля на публицистику на примере фрагментов публикаций, взятых из экономического журнала «Фінанси України», 12'2006, с учетом экстралингвистических и языковых показателей, характерных для данного стиля. Приведем фрагменты публикаций.

«В мировой практике для финансирования внешнеторговых операций широко используются кредиты. Кредиты выдаются преимущественно экспортерам – национальным производителям, которые поставляют продукцию на экспорт, а также импортерам – иностранным лицам, которые закупают изготовленную национальными производителями продукцию. Достаточно распространенными являются также операции по выдаче кредитов отечественным предпринимателям для закупки по импорту стратегически важных товаров, преимущественно энергоносителей, современного оборудования, новейших технологий и т. д. В отдельных случаях кредиты выдаются иностранным товаропроизводителям для финансирования производства необходимой для отечественной экономики техники и технологии. Самым распространенным является кредитование иностранных товаропроизводителей при производстве самолетов и кораблей. Активно используется для финансирования внешнеторговых операций и такой инструмент как лизинг. В экономической литературе выдача кредитов для осуществления внешнеторговых операций получило название “кредитование внешней торговли... Немецкие банки выдают кредиты преимущественно банкам тех стран, которые являются наибольшими импортерами немецких товаров или в которые самыми большими темпами возрастает экспорт немецкой продукции. По данным статистики платежного баланса ФРГ, состоянием на конец 2005 года требования немецких банков к странам Европы составляли 1432 млрд. евро, или 79,2 % всех внешних требований банков, в том числе к Франции – 120 млрд. евро, или 6,6% всех внешних требований немецких банков».

«Одной из ключевых проблем функционирования рынка ценных бумаг в Украине является рыночный механизм регулирования движения ценных бумаг. Главные элементы рыночного механизма – цена, спрос и предложение. Спрос, который отображает объем и структуру общественных нужд, ограничен покупательской способностью населения. Предложение представляет собой совокупность товаров, которые поступают на рынок. Соотношение спроса и предложения, влияя непосредственно на формирование определенного уровня цен, в свою очередь, колеблется в зависимости от действующих рыночных цен. Между основными элементами рыночного механизма существуют сложные причинно-следственные и функциональные связи, которые складываются под влиянием многих социально-экономических, политических, психологических, организационно-технических и других показателей. Продолжительность жизни ценных бумаг, как стоимостный показатель, большее значение имеет долговых ценных бумаг, однако он также учитывается и при определении стоимости ценных бумаг, которые подтверждают членство. Все ценные бумаги имеют определенный цикл жизни. Эмитенты выпускают их, потом они находятся в обороте или сохраняются и, наконец, изымаются из оборота или погашаются».

Анализируя данные фрагменты, следует отметить их насыщенность специальной лексикой, т.е. научной терминологией, а также научной фразеологией, с помощью которых достигается требование точности, что является характерной чертой научного стиля; например, *финансирование* [1, с. 798], *лизинг* [1, с. 358], *кредиты* [1, с. 344], *банк* [1, с. 51], *спрос* [1, с. 703], *цена* [1, с. 823], *кредитование* [1, с. 349], *ценные бумаги* [1, с. 830], *стоимость* [1, с. 720], *платежный баланс* [1, с. 534]. Однако среди употребляемой терминологии следует выделить терминологическую лексику, которая используется в переносном значении, что является характерным для публицистики: *цикл жизни*, *ключевые проблемы*, *уровень цен*, *изымать из оборота*, *внешнеторговые операции*, *психологический показатель* и др. Термины можно встретить, также, среди иноязычной лексики, которые в свою очередь активно проникают в публицистику: *экспорт*, *экспортеры*, *импортеры*.

Рассматриваемые фрагменты также содержат абстрактную лексику, которая играет большую роль в научном стиле; например, *осуществление*, *состояние*, *требования*, *членство*, *совокупность*, *способность* и т.д.

С точки зрения использования словообразовательных типов, входящих в состав научного стиля, анализируемые фрагменты содержат существительные со значением отвлеченного процессуального признака, образованные с помощью суффиксов *-ние/-ение/-ание/и* *-тие*: *определение*, *формирование*, *функционирование*, *значение*.

Изучение текстов различных жанров, в которых воплощается научный функциональный стиль языка, позволило ученым, таким как Розенталь Д.Э., Крылова О.А., Шустрова Л.В. и др., сделать вывод, что в

научной речи процент глаголов настоящего времени превышает процент форм прошедшего, о чем свидетельствуют приведенные выше фрагменты. Кроме того, глаголы, функционирующие в научном стиле, подвергаются частичной десемантизации, которая проявляется в том, что очень большую долю глаголов в этом стиле составляют связочные *быть, являться*.

Система синтаксических средств научного стиля обнаруживает такие общие черты стиля, как стремление к объективности и логичности изложения, проявляющееся в широком распространении пассивной конструкции в научном стиле. Данные фрагменты содержат пассивные конструкции, в которых сказуемое выражается формами глагола с постфиксом -ся: *используются, выдаются, учитываются* и др.

Приведенный анализ показал, что особенности, присущие научному функциональному стилю, которые проявляются в выборе и использовании языковых средств, достаточно четко обнаруживают себя в публицистике. Проанализированные фрагменты на научную тему относятся к такому типу текстов как статья, поскольку любой подстиль, так же как и стиль, реализуется в совокупности определенных типов текстов. Приведенные фрагменты совмещают в себе особенности научного и публицистического стилей, поскольку согласно исследованиям настоящего времени стили, находясь в тесном взаимодействии, могут частично смешиваться и проникать один в другой, однако в используемых фрагментах научный стиль выступает в качестве главного, а на его фоне проявляются элементы других стилей.

Литература

1. **Борисов А.Б.** Большой экономический словарь. – М.: Книжный мир, 1999. – 895 с.
2. **Будагов Р.А.** К вопросу о языковых стилях // Вопросы языкознания. – 1954. – №3 – С. 67.
3. **Гальперин И.Р.** Речевые стили и стилистические средства языка. // Вопросы языкознания. – 1954. – №4. – С. 77.
4. **Голуб И.Б.** Стилистика русского языка. – 6-е изд. – М.: Айрис-пресс, 2005. – 448 с.
5. **Крылова О.А.** Лингвистическая стилистика: В 2 кн. – Кн. 1: Теория: Учеб. пособие. – М.: Высш. шк., 2006. – 319 с.
6. **Шустрова Л.В.** Лексическая стилистика русского языка. – М.: Изд. центр «Аз», 1995. – 115 с.
7. **Межстилевое** взаимодействие в русском и украинском языках. Искусство публицистики. Текст как функционально-стилевая категория // www.dialog-21.ru/dialog2007/materials/html/25.html
[//www.ido.edu.ru/ffec/rlang/rl15.html](http://www.ido.edu.ru/ffec/rlang/rl15.html)
[//http://langrus.ru/index.php?option=content&task=view&id=80](http://langrus.ru/index.php?option=content&task=view&id=80).
8. **Розенталь Д.Э.** Практическая стилистика русского языка. – М.: Высш. шк., 1977. – 316 с.
9. **Фінанси України.** – 2006. – №12. – С. 40–42, 79–81.

В статье дается определение функционального стиля и его классификация. Рассматривается также влияние научного стиля на публицистику. Анализируются фрагменты статей с точки зрения использования лексических, словообразовательных, морфологических, синтаксических средств научного стиля.

Ключевые слова: функциональный стиль, экстралингвистические показатели, языковые стили, стилистическая система, лексические, словообразовательные, морфологические, синтаксические средства.

Стаття включає визначення функціонального стилю та його класифікацію. Розглядається також вплив наукового стилю на публіцистику. Аналізуються уривки статей з точки зору використання лексичних, словотворчих, морфологічних, синтаксичних засобів наукового стилю.

Ключові слова: функціональний стиль, екстралінгвістичні показники, мовні стилі, стилістична система, лексичні, словотворчі, морфологічні, синтаксичні засоби.

This article gives the definition of the functional style and its classification. Influence of the scientific style on sociopolitical journalism is also examined. Article excerpts are analyzed from point of view of the use of lexical, word formational, morphological, syntactic means of the scientific style.

Key words: functional style, extra linguistic indicators, styles of language, stylistic system, lexical, word formational, morphological, syntactic means.

УДК 821.161.1—1.09+929 Мандельштам

В.А. Николаева

**СТИХОТВОРЕНИЕ О. МАНДЕЛЬШТАМА «ЛЕНИНГРАД»
(«Я ВЕРНУЛСЯ В МОЙ ГОРОД, ЗНАКОМЫЙ ДО СЛЕЗ...»):
ИСТОРИЯ ЖИЗНИ, ИСТОРИЯ ГОРОДА**

Стихотворение «Ленинград» исследователи сравнивают со стихотворением 1918 года «*На страшной высоте блуждающий огонь...*», но здесь речь идет уже не о вневременном Петрополе, а о Петербурге — Ленинграде. А. К. Жолковский отмечает, что для глубокого анализа текста помимо «конкретного подтекста, с которым играет произведение» [1, с. 7] и «всей системы инвариантных для автора мотивов» [Там же], желательно учитывать «тот влиятельный современный контекст, часто социокультурный, в дружбе–вражде с которым формируется данный текст» [1, с. 8], а также «весь (авто)биографический текст жизни и творчества автора, особой редакцией которого можно полагать рассматриваемый литературный текст» [1, с. 8]. Последнее утверждение касается, в первую очередь, стихотворения «Ленинград», «потому что этот текст больше замкнут на творчество самого Мандельштама, чем ориентирован на диалог с традицией» [2, с. 67]. Трудно не согласиться с процитированными строками, потому что для более адекватного восприятия этого произведения нужен комментарий о реальных

событиях тех драматических лет жизни не только поэта, но и всей страны. Вкратце напомним основные события тех драматических лет жизни поэта. Мандельштам вернулся в Ленинград после долгого отсутствия с целью получить комнату и остаться в «своем» городе. После скандала с переводом «Тилия Уленшпигеля», окончившегося травлей Мандельштама со стороны писателей, все надежды на дальнейшее более или менее благополучное существование возлагались на этот город, где мечты о публикации новых стихов казались осуществимыми. Однако Мандельштаму не удалось получить ни жилья, ни работы. Поэт приютился в перенаселенной квартире своего брата Евгения на 8-й линии Васильевского острова, где он ночевал в каморке у черной лестницы. Очевидно, «вырванный с мясом» звонок на двери этой лестницы и есть прототипом упомянутого в стихотворении — как и многие дореволюционные звонки, он был устроен в виде молоточка с колокольчиком (отсюда «ударяет»): «Я на лестнице черной живу, и в висок / Ударяет мне вырванный с мясом звонок...».

Жене поэта, Надежде Яковлевне, пришлось жить у своей сестры в каморке за кухней. Это история описана в стихотворении «Мы с тобой на кухне посидим...», где Мандельштам предлагает «уехать на вокзал, / Где бы нас никто не отыскал».

Стихотворению, написанному в декабре 1930 года, Мандельштам дал заголовок «Ленинград» (как известно, из «Петрограда» город был переименован в 1924 году), хотя в самом тексте, дважды обращаясь к Городу и моля о помощи, называет его «Петербург»: *Петербург, я еще не хочу умирать... // Петербург, у меня еще есть адреса...*

Несколько неожиданным претекстом этого стихотворения О. А. Лекманов считает произведение «Улица» (1905) из петербургского цикла Сергея Городецкого [3, с. 134]:

*Возвращалась по лестнице черной
И звонила с отвагой притворной.
Но за дверью звонок оборвался
И упал, и звенел, извинялся.
Отворила старуха, шатаясь,
Мертвецом в зеркалах отражаясь.
.....
Зарождались желанья и вяли,
Огоньки в фонарях потухали.*

Психологическое состояние лирического героя и нарастание эмоциональной значимости в первом двустишии передается на лексическом уровне с помощью восходящей градации, синтаксически оформленной в виде перечислительной конструкции с неморфологизированными однородными обстоятельствами меры и степени, выраженными существительными в родительном падеже: «Я

вернулся в мой город, знакомый до слез, / До прожилок, до детских припухлых желез».

Поэт сроднился с городом до такой степени, что чувствует его в своих прожилках, «до детских припухлых желез» — лимфатических узлов на шее, постоянно воспаленных у детей в сыром петербургском климате. Город — это и воспоминание о самом дорогом, что есть в жизни каждого человека, — его детстве, но он же — и болезнь. «Он думал, что Петербург — его детская болезнь и что стоит лишь очухаться, очнуться — и наваждение рассыплется», — писал Мандельштам в повести «Египетская марка», где «рыбий жир ленинградских речных фонарей» из стихотворения «Ленинград» приобретает гиперболические размеры: «Рыбий жир — смесь пожаров, желтых зимних утр и ворвани: вкус вырванных лопнувших глаз, вкус отвращения, доведенного до восторга» [4, с. 345]. «Детские припухлые железы» семантически связаны с «рыбым жиром», который, в свою очередь, мотивирует появление слова «желток». И то, и другое является «лечебной» детской едой, которую часто дают нездоровым детям. Устойчивое выражение *знакомый до слез*, употребляемое в разговорной речи, означает что-то очень хорошо знакомое, привычное, в контексте стихотворения функционирует и в буквальном, и в переносном значении: детские слезы от невкусного, отвратительного на вкус рыбьего жира сливаются со слезами, вызванными возвращением в город, который оказался мертвым. Как вспоминала Н. Я. Мандельштам, «в Москве мы останавливались, в Москву приезжали, в Москве жили, в Петербург только «возвращались». Это был родной город Мандельштама — любимый, насквозь знакомый, но из которого нельзя было бежать» [5, с. 105].

Как отметил А. Д. Степанов, возвращение в детство и воспоминания об империи вводятся в стихотворение «Ленинград» через колоратив *желтый* — цвет петербургских (ленинградских) фонарей. Рыбий жир (тоже желтоватого оттенка) напоминал Мандельштаму «желтые зимние утра» и «ворвань» (черную). Черно-желтые цвета окрашивают и пейзаж: «Узнавай же скорей декабрьский денек, / Где к зловещему дегтю подмешан желток». Черные и желтые краски, привычные у Мандельштама в описании еврейской семейной среды и Петербурга (семья и город в его подсознании до некоторой степени слиты), ощущаются вплоть до того, что становятся материей: *деготь, желток* [6, с. 39]. В подтексте угадывается, во-первых, тема детства: «Мать заправляла салат желтками и сахаром» [4, с. 336], во-вторых — важные для Мандельштама имперские ассоциации [2, с. 73], отраженные в стихотворении «Дворцовая площадь» («Императорский виссон...», 1915), *желчь двуглавого орла* затем появится в шуточном стихотворении 1931 года: «Я пью за военные астры, за все, чем корили меня / За барскую шубу, за астму, за желчь петербургского дня».

Через струящуюся в воздухе *желчь царского орла* на императорском штандарте 1915 года Мандельштам воспринимает уже не

только архитектурный пейзаж Дворцовой площади, а и весь «стройный мираж Петербурга», его сегодняшнюю горечь в 1931 году.

Повествование строится таким образом, что создается впечатление, будто лирический герой говорит сам с собой (*я вернулся*): лирический герой из второго двустихия словно сам себя заставляет проглотить столь ненавистное лекарство (*раз ты вернулся сюда, домой, так глотай же скорей*).

Противопоставление «я — ты» также соответствует еще одному противопоставлению в тексте: «Петербург — Ленинград». Поэт, говоря от первого лица, называет город «Петербургом», но когда к нему обращаются во втором лице, город называется «Ленинград». Возвращение детства становится возвращением из Ленинграда в Петербург [7, с. 295].

Торопливость зловещей встречи, выраженная «нетерпеливыми» [8, с. 43] повелительными формами глаголов «глотай же скорей», «узнавай же скорее», ведет к центральному заявлению четвертого двустихья: «...Я еще не хочу умирать...», которое перекликается с пушкинским «но не хочу, о други, умирать», однако тональность его другая. У Пушкина — это дума, смягченная мечтой о возможной любви; подлежащее отсутствует и перенесено на утверждение жизни: я жить хочу. У Мандельштама — отчетливо означенное подлежащее «я», частица «еще», означающие что в какое-то определенное, им самим выбранное время, лирический герой даст согласие на смерть [6, 39]. Лирическому герою Мандельштама кажется, что у него еще есть «время на жизнь».

Для понимания поэтики позднего Мандельштама ключевыми словами становятся частицы «уже» и «еще» [9, с. 370]. «Еще», как справедливо отмечает Л. Г. Панова, — «это замедленный в восприятии «я» ход времени, который либо в момент восприятия не приносит ожидаемых результатов (длительность со знаком «минус»):

*Еще далеко мне до патриарха,
Еще на мне полупочтенный возраст,
«Еще далеко мне до патриарха...» (1931),
Еще не умер ты, еще ты не один,
Покуда с нищенкой-подругой...
«Еще не умер ты, еще ты не один...»
(193)*

либо продлевает существование какой-либо ситуации (длительность со знаком «плюс»))» [9, 370]:

*Еще мы жизнью полны в высшей мере...
Еще машина номер первый едко
Кашиановые собирает взятки (1935)
Еще пожить и поиграть с людьми (1935)*

Семантика наречия *еще* в последнем примере перекликается с анализируемыми строками:

*Петербург! я еще не хочу умирать:
У тебя телефонов моих номера.
Петербург! У меня еще есть адреса,
По которым найду мертвецов голоса.*

Н. Я. Мандельштам утверждает, что «смерть Гумилева — без отпевания у Исаакия — окончательно превратила Петербург в город мертвых» [5, с. 76]. Об этом, по ее мнению, идет речь в последнем процитированном двустишии.

«Помните, что к Прозерпине и к Персефоне телефон еще не проведен» [4, с. 336]. Этот своеобразный «комментарий» из прозы поэта соединяет призрачный античный Петрополь 1916 года, когда образ умирающего города был лишь вымыслом, игрой воображения автора, и советский Ленинград, но в 1930 году город полон голосами тех кого увезли; тех, кого уже нет в живых. Ср. в «Четвертой прозе»: «...меня принимают за кого-то другого. Удостоверить нету сил. В карманах — дрянь: прошлогодние шифрованные записки, телефоны умерших родственников и неизвестно чьи адреса» [4, с. 361].

Ю. И. Левин среди других «нелогичностей» этого стихотворения отмечает и такое: «у тебя (т. е. Петербурга) телефонов моих номера» вместо более естественного «у меня... твоих» [10, с. 20]. А. Д. Степанов объясняет эту «неточность» последовательным олицетворением города и постоянным «смещением субъекта и объекта. Петербург (прошлого) так же помнит поэта, как и поэт — город» [2, с. 76].

У Мандельштама 1930-х годов город становится предельно ясным, без иллюзий, мечтаний, надежд. Мандельштам передает срок наступления событий, не совпадающий с ожиданиями, лирический герой «оттягивает» время казни: *И всю ночь напролет жду гостей дорогих, / Шевеля кандалами цепочек дверных.*

«Гости дорогие», приезда которых ждут по ночам, — это перифрастическое обозначение ожидания чекистов с ордером на арест. Но это могут быть и те, кого уже никогда не дожждаться, кто уже никогда не придет. Представитель газеты «Известия», «человек, как будто дружественный» после прочтения этого стихотворения в конторе издания сказал Мандельштаму: «А знаете, что бывает после таких стихов? Трое приходят... в форме...» [11, с. 259]. «Понимание действительности приходит к поэту вместе со стихами, потому что в них заключен элемент предвосхищения будущего» [11, с. 193]. Мандельштам «часто боялся того, что проявлялось в стихах» [11, с. 193]. Интересно, что Н. Я. Мандельштам употребила слово «проявлялось» (то есть становится явным, видимым вместо лишь какого-то неясного ощущения, предчувствия). Последнее двустишие стихотворения «Ленинград» — прямое доказательство правоты поэта.

Здесь нет отказа от смерти, но присутствует желание превратить насильственную смерть в добровольный подвиг — Мандельштам следует призыву Н. Гумилева «самому выбирать свою смерть». Вопрос в другом:

избежать насильственной смерти «нельзя никак», но выбрать самому время смерти и тем самым овладеть ею [6, с. 39], стать неподвластным ей, а значит, возвысится над ней, стать свободным (к чему всю свою трагическую жизнь стремился Мандельштам) — зависит от лирического субъекта, под маской которого ясно просматривается сам поэт. Как заметил Кушнер, рассуждая о проблеме «превращения» автора в лирическом произведении, в творчестве Мандельштама «нет отказа от себя, от своего сознания, нет перевоплощения» [12, с. 71].

В послереволюционные годы образ города складывается для Мандельштама из нескольких составляющих [2, с. 69]. Во-первых, это детские и юношеские воспоминания, в которых он всегда старался найти опорные точки культуры эпохи: в «Шуме времени» он отмечал, что его память враждебна всему личному. Это могли быть не только значительные события (концерты Скрябина или эсеровский терроризм), но и никому не известные люди, личные знакомые, которые от этого не становились для поэта менее знаменательными. А некоторые мелочи, подробности повседневной жизни стали даже предметом «целого» стихотворения — как, например, в произведении *«Вы, с квадратными окошками, невысокие дома...»*. Во-вторых, это зародившееся в 1916 году и получившее развитие в стихах 1920 года ощущение города как царства мертвых, *«где властвует над нами Прозерпина»* и *«каждый час нам смертная година»*. В-третьих, это жестокая (не только для Мандельштама как отдельного представителя непокорной литературы, но и для всей страны в целом) реальность наступившего сталинизма (=деспотизма). В стихотворении *«Квартира тиха, как бумага...»* поэт с горечью пишет о таких *«изобразителях, чесателях колхозного льна»*. Мандельштам не желает «отражать» реальность так, как требовали того официальные власти: *«И я, как дурак, на гребенке / Обязан кому-то играть»*. Несмотря на другое, в отличие от 1910-х гг. восприятие города поэтом, жить в нем безопаснее не стало: *В Петербурге жить, / Словно спать в гробу...*

Литература

1. **Жолковский А.К.** Блуждающие сны: Из истории русского модернизма. Сб. статей. — М.: Советский писатель, 1992. — 432 с.
2. **Степанов А.Д.** Возвращение в петербургский текст («Я вернулся в мой город...» О. Э. Мандельштама) // Из истории русской литературы XX века. Петербургский текст: Сб. статей и публикаций / Под ред. А. Б. Муратова, А. А. Павловского. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. — Вып. 2. — С. 67–78.
3. **Лекманов О.А.** Осип Мандельштам. — М.: Молодая гвардия, 2004. — 255 с.
4. **Мандельштам О.Э.** Стихотворения. Проза. — Сост. Ю. Л. Фрейдина / Предисл. и комм. М. Л. Гаспарова. — М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002. — 704 с.
5. **Мандельштам Н. Я.** Вторая книга / Предисл. и примеч.

А. А. Морозова. Подгот. текста С. В. Василенко. — М.: Согласие, 1999. — 768 с. **6. Струве Н.А.** Осип Манделъштам. — Томск: Водолей, 1992. — 272 с. **7. Успенский Б.А.** Анатомия метафоры у Манделъштама // Успенский Б.А. Поэтика композиции. — СПб.: Азбука, 2000. — С. 291–330. **8. Вольф И.** «Ленинград» как продолжение стихотворного диалога О. Манделъштама и М. Цветаевой // Смерть и бессмертие поэта: Материалы науч. конф. / Сост. М. З. Воробьева, И. Б. Делекторская, П. Н. Нерлер, М. В. Соколова, Ю. Л. Фрейдин. — М.: РГГУ, 2001. — С. 40–46. **9. Панова Л.Г.** «Мир», «пространство», «время» в поэзии Осипа Манделъштама. — М.: Языки славянской культуры, 2003. — 808 с. **10. Левин Ю.И.** Избранные труды. Поэтика. Семиотика. — М.: Языки русской культуры, 1998. — 824 с. **11. Манделъштам Н.Я.** Воспоминания. — М.: Книга, 1989. — 480 с. **12. Кушнер А.** Аполлон в снегу: Заметки на полях. — Л.: Советский писатель, 1991. — 512 с.

В статье автор анализирует композиционно-стилистическую роль концепта «Петербург» в стихотворении О. Манделъштама «Ленинград» («Я вернулся в мой город, знакомый до слез...») (1930).

Ключевые слова: концепт, ключевое слово, колоратив, лирический герой.

У статті автор аналізує композиційно-стилістичну роль концепту «Петербург» у вірші О. Манделъштама «Ленинград» («Я вернулся в мой город, знакомый до слез...») (1930).

Ключові слова: концепт, ключеве слово, колоратив, ліричний герой.

The author analyses a compositional and stylistic role of the «Petersburg» concept in the poem by O. Mandelstam «Ленинград» («Я вернулся в мой город, знакомый до слез...») (1930).

Key words: concept, keyword, colorativ, lyrical hero

УДК 811.161.1

А. Е. Павленко

ЕВРОПЕЙСКАЯ ХАРТИЯ И ВЫРАБОТКА ОБЩЕГО ПОДХОДА К ПОДДЕРЖКЕ ЯЗЫКОВЫХ МЕНЬШИНСТВ

Проблематика региональных языков и языков меньшинств чрезвычайно актуальна для теоретической и прикладной социолингвистики, а также для языкознания в целом. Она непосредственно связана с вопросами языковой политики и предотвращения социальных конфликтов, имеющих языковую составляющую, с явлениями двуязычия, диглоссии, смены языков, приверженности к исконному языку и др. Кроме того, изучение «малых»

языков позволяет получить ценную информацию о языковых изменениях вообще.

За последние два десятилетия для стран Евросоюза, а вместе с ними и для других стран-членов Совета Европы, весь комплекс проблем, связанных с «малыми» языками, получил новое звучание с появлением такого важного документа, как Европейская Хартия. В вводной части Хартии подчеркиваются три ключевых момента общей политики в отношении «малых» языков. Во-первых, указывается, что ряд «малых» языков находится под угрозой исчезновения, что привело бы к обеднению общего культурного наследия Европы, и потому необходимо принять меры по их сохранению и дальнейшему развитию. Во-вторых, подчеркивается, что одним из неотъемлемых прав человека является право выражать свои мысли на родном языке в частной или общественной жизни. И, в-третьих, отмечается, что охрана и развитие «малых» языков в различных странах или регионах Европы отнюдь не создает препятствий для существования и развития национальных языков, а, напротив, представляет собой важный шаг на пути создания общеевропейского дома, основанного на принципах демократии и культурного многообразия в контексте национального суверенитета и территориальной целостности [1, с. 4].

Все языковые меньшинства Европейского Сообщества принято подразделять на следующие четыре общие категории:

1. Небольшие, обычно моноэтнические, независимые государства, официальный язык (или один из официальных языков) которых имеет узкую сферу применения и не является рабочим языком Совета Европы (например, ирландский и люксембургский).

2. Языковые меньшинства, проживающие на территории какого-либо одного европейского государства (например, валлийцы в Великобритании или бретонцы во Франции).

3. Языковые меньшинства, проживающие на территории более чем одного государства Европейского Сообщества (например, каталонцы, проживающие в Испании и во Франции, и провансальцы – во Франции и в Италии).

4. Меньшинства, образующие языковые острова в одних странах Европейского Сообщества, и одновременно являющиеся большинством населения в других европейских странах, не обязательно входящих в ЕС (например, немецкое население Дании или словенское население северо-восточной Италии).

Так, например, в Великобритании, по данной классификации, насчитывается пять «малых» языков – гэльский, скотс, ирландский, валлийский и корнский. Очевидно, что это идиомы, глубоко различающиеся по численности языковых коллективов, степени официального признания, социолингвистическому статусу, а также по уровню стандартизованности и степени переживаемого упадка. Достаточно сравнить искусственно восстановленный корнский, не

имеющий языкового коллектива, и скотс, на диалектах которого по разным оценкам говорят от одного до полутора миллионов человек. Однако все эти идиомы могут рассчитывать на внимание и поддержку ЕС.

Можно выделить некоторые особенности, характерные для всех «малых» языков [См.: 2, с. 11–18; 3, с. 38–50].

1. Практически все эти языки контактируют и конфликтуют с доминирующими или расширяющими свой ареал языками, в связи с чем они испытывают внешнее давление и уже находятся на протяжении определенного времени в состоянии упадка.

Действительно, в большинстве случаев региональный или миноритарный статус «малых» языков обусловлен историческими изменениями политико-административных границ и сосуществованием с доминирующими государственными языками. Так, например, до политического переустройства или распада многонациональных государств не планировалось выполнения большинством нетитульных идиомов, распространенных на их территории, всего набора функций, присущих государственным языкам. Поэтому функциональные возможности этих идиомов значительно уступали соответствующим возможностям доминирующих языков (ср., напр., английский и ирландский языки до образования Ирландской республики). Все это сказывалось на функционально-стилистической дифференциации «малых» языков, развитии и объеме словарного состава и др. параметрах.

2. Общеизвестно, что у языковых меньшинств двуязычие распространено гораздо шире, чем у доминирующих групп населения. Ситуация конкуренции языков неизбежно приводит к развитию диглосного двуязычия, причем, очевидно, что этот процесс идет в ущерб «малым» языкам.

В контексте изучения «малых» языков понятие диглоссии, которое характеризует соотношение между языками или вариантами отдельно взятого языка и сферами их функционирования в обществе [4, с. 30], приобретает ключевое значение. Социолингвистическая модель диглоссии описывает общественные функции, которые каждый из двух контактирующих идиомов выполняет с учетом сравнительного распределения этих функций в структуре общества [5, с. 1].

Понятие диглоссии не может быть применено однозначно и единообразно ко всем языковым ситуациям в странах Европы. Наиболее характерные ситуации диглосного двуязычия можно найти, например, в Уэльсе, горной Шотландии и в Ирландии, а также в испанской Каталонии и в Стране Басков, где позиции исконных языков достаточно прочны и подкрепляются осознанием соответствующими группами населения своего этнокультурного своеобразия. Между тем, для многих этнических меньшинств Европы термин «диглоссия» даже не успел приобрести какого-либо политического или идеологического значения. Это было вызвано тем, что их языки были уже слишком слабы, чтобы стать полноценным элементом диглоссной ситуации наряду с

официальным языком. Так, например, эльзасский диалект оказался одновременно противопоставленным немецкому и французскому стандартам и не рассматривается как самостоятельный идиом.

Как указывает Эйткен, диглоссия не может быть проявлением стабильного и сбалансированного сосуществования двух идиомов и сопровождается постепенным вытеснением одного из них [6, с. 43–44]. Это подтверждается наблюдениями за региональными и миноритарными языками Западной Европы, большинство которых постепенно выходит из употребления. М. Стефенс описывает свыше 50 таких языков в 16 европейских государствах [См. с. 7]. Эти данные относятся к началу 1970-х гг., и за прошедшее с тех пор время упадок некоторых «малых» языков существенно углубился, несмотря на значительную поддержку, оказываемую им официальными властями (напр., ретороманский в Швейцарии). Одним из немногочисленных оптимистических примеров является каталанский язык в испанской Каталонии, где целенаправленная и энергичная языковая политика местных властей, осуществляемая с 1970-х г. принесла ощутимые позитивные результаты. Однако, как уже отмечалось, для того, чтобы восстановить позиции регионального или миноритарного языка, придания ему официального статуса и осуществления всесторонней поддержки бывает недостаточно. Это наблюдение подтверждает и судьба ирландского языка. Его положение сегодня остается почти таким же непрочным, как и в 1920-е гг., когда после получения Ирландией независимости в стране началось активное языковое строительство [8, с. 19].

3. По отношению к региональным и миноритарным языкам обычно закрепляются негативные стереотипы. Это явление характерно для многих современных языковых ситуаций. В значительной мере – это результат отчуждения того или иного языка от властных, общественных и экономических функций. Степень предубежденности членов сообщества по отношению к своему исконному языку может быть пропорциональна уровню функциональной ограниченности этого языка.

Вся история отношения европейцев к распространенным в их странах языкам показывает, что непрестижные исконные идиомы, лишенные официального статуса, даже не ассоциировались у их носителей с термином «язык» [9, с. 242–243]. Примером этому могут служить шотландский Лоуленд или французский Прованс, где местные жители на определенном этапе перестали воспринимать свою повседневную речь как собственно «язык» главным образом из-за того, что писали на другом языке, т.е. по-английски и по-французски, соответственно.

Для подобных языковых ситуаций характерна уверенность носителей «малых» языков в том, что владение более престижным языком (например, английским или французским) представляет собой большое преимущество. Из этого следует вывод, что усилия, необходимые для индивидуального усвоения исконного «малого» языка,

а тем более работа по планированию его развития не будут оправданными, если они не способны дать каких-либо ощутимых результатов помимо подчеркивания национальной, региональной или этнической индивидуальности. Такая ситуация чрезвычайно характерна, например, для упомянутого выше шотландского Лоуленда, в истории которого прагматические тенденции возобладали над «патриотическими», в результате чего общество сделало выбор в пользу отказа от стандартизации исконного языка – скотс (Scots language) –, а сторонники такой стандартизации оказались в меньшинстве. Подобные тенденции, несомненно, нарастают в процессе глобализации, несмотря на то, что в последние десятилетия во всех регионах Европы, активизируется стремление сохранить или возродить культурно-языковую самобытность различных этнических групп и целых областей, в которых распространены «малые» языки и территориальные диалекты. Процесс этот тесно связан с ростом самосознания многочисленных этнических групп в странах Европы и с формированием местных доктрин национального возрождения. Однако, к сожалению, такое осознание значимости своего исконного языка часто происходит уже после резкого сокращения набора его общественных функций.

Создание благоприятных условий для развития «малых» языков подразумевает как общую политическую поддержку, так и принятие конкретных мер. Как указывается в Меморандуме Европейской Хартии, ввиду глубокого упадка, в котором оказались многие региональные или миноритарные языки, простого запрета на их дискриминацию недостаточно для обеспечения их выживания [10, с. 22]. К поддерживающим мерам относится, прежде всего, преподавание языков в учебных заведениях разного уровня, а также использование «малых» языков в административной, правовой и общественной сферах, в СМИ, работе органов культуры, в хозяйственной деятельности и т.п. С практической точки зрения принятие Европейской Хартии, прежде всего, создало правовые условия для обеспечения всех языковых меньшинств школами с преподаванием на исконном языке.

Насущные проблемы поддержки «малых» языков необходимо решать в русле перспективной социолингвистики, важнейшими из задач которой являются планирование и прогнозирование языкового развития, рассматриваемые с точки зрения научной разработки языковой политики. Планирование развития социальных функций того или иного языка зависит от таких факторов, как уровень политического, экономического и культурного развития данной территории или народности (этнической группы), наличие у них государственности, численность данного языкового коллектива и т.п. При этом преимущественное внимание следует уделять сознательному воздействию общества на функционирование, развитие и взаимодействие языков.

Литература

1. Resolution 192 (1988) on Regional or minority languages in Europe (prov. edition) – Report on the regional or Minority languages in Europe. Twenty-third session (15-17 March 1988). Strasbourg (France). **2. Ó Corráin A., MacMathúna S.** Introduction // Minority languages in Scandinavia, Britain and Ireland. – Acta Universitatis psaliensis. Studia Celtica Upsaliensia 3. – Uppsala, 1998. – P. 11–19. **3. Edwards J.** Sociopolitical aspects of language maintenance and loss (towards a typology of minority language situations) // Maintenance and loss of minority languages. – Amsterdam – Philadelphia, 1992. – P. 37–54. **4. Fishman J.A.** Bilingualism with and without diglossia, diglossia with and without bilingualism // Journal of social issues. – No. 23 (2). – 1967. – P. 29–38. **5. Weinreich U.** Languages in contact. The Hague, 1953. – 148 p. **6. Aitken A.J.** New Scots: the problems // The Scots language. Planning for modern usage. – Edinburgh, 1980. – P. 43–63. **7. Stephens M.** Linguistic minorities in Western Europe. Llandysul, Dyfed (Wales), 1976. – xxxv, 245 p. **8. Görlach M.** Ulster Scots: a language? // Language and politics. Northern Ireland, the Republic of Ireland, and Scotland. Belfast Studies in Language, Culture and Politics. – Vol. 1. – Belfast, 2000. – P. 13–32. **9. Héraud G.** The status of languages in Europe // Issues in international bilingual education. – New York, 1982. – P. 241–263. **10. Explanatory Memorandum** – Report on the regional or Minority languages in Europe. Twenty-third session (15–17 March 1988). Strasbourg (France).

В процесі європейської інтеграції особливе значення набуває науково обґрунтована політика, направлена на підтримку мовних меншин і запобігання мовних конфліктів. Європейська Хартія стала ідеологічною основою для виробітки мовної політики для всіх країн – членів Ради Європи. Без створення сприятливих умов для розвитку «малих» мов і мовлячих на них груп суспільний прогрес у багатонаціональних державах неможливий.

Ключові слова: мовні меншини, діглосія, мовна ситуація, мовна політика.

У процесі європейської інтеграції особливе місце набуває науково обґрунтована політика, що направлена на підтримку мовних меншин і запобігання мовних конфліктів. Європейська Хартія стала ідеологічним підґрунтям для виробітки мовної політики для всіх країн – членів Ради Європи. Без створення сприятливих умов для розвитку «малих» мов та груп, які говорять ними, суспільний процес у багатонаціональних країнах неможливий.

Ключові слова: мовні меншини, діглосія, мовна ситуація, мовна політика.

In process of the European integration special meaning gains scientifically motivated policy, directed on support language minority and prevention language conflict. The European Charter became the ideological by central to production language politicians for all countries – Councilmans of the Europe. Without making the happy circumstanceses for development «small» languages and speaking on them groups social progress at multinational state impossible.

Key words: linguistic minorities, diglossia, linguistic situation, language planning.

Ю. Г. Прасол

ОККАЗИОНАЛИЗМЫ И НОВООБРАЗОВАНИЯ В ТЕКСТАХ СОВРЕМЕННОЙ ПЕРИОДИКИ

Обращение к языковому материалу, предоставляемому периодикой, стало в последнее время излюбленной практикой для тех, кто изучает процессы и тенденции, имеющие место в языке на современном этапе его развития. Не случайно авторы книги «Русский язык конца XX столетия», ставя своей целью изучение активных процессов, происходящих в русском языке, исследовали именно язык газет и масс-медиа. Как известно, именно там можно встретить наиболее актуальные для современного языка наименования, способы словообразования, обороты речи и т.д. Именно там появляются и закрепляются неологизмы, или же обретают новые значения узуальные слова. И, наконец, именно там наиболее часто встречаются такие уникальные образования, как окказионализмы – слова, находящиеся за пределами узуса, которые отсутствуют в словарях, но одновременно демонстрируют потенциал языка, позволяющий реализовать разнообразные оттенки и нюансы смысла.

Е. А. Земская определяет окказионализмы как «...необычные слова, существующие, как правило, лишь в определенном, породившем их контексте, не вошедшие в язык» [1, с. 228]. Исследователь окказионализмов в периодике 70-х годов М. У. Калниязов определяет окказионализмы как «речевые новообразования, созданные 1) с нарушением норм словообразования; 2) специфическими способами; 3) по образцам слов непродуктивных словообразовательных типов» [3, с. 3]. Другая исследовательница окказиональных образований в периодике конца 90-х годов XX века Е. Н. Дорофеева трактует окказионализм как «любое авторское новообразование, в независимости от модели словообразования, способное осуществить прагматическое воздействие на адресата» [4, с. 15]. Исследователь языковой игры В. З. Санников называет окказионализмом «результат неузуального, творческого словообразования» [6, с. 145], а Б. Ю. Норман замечает, что «...слова, образованные для данного момента, порожденные языковой игрой, носят название окказионализмов» [4, с. 179]. В целом же, окказиональными можно назвать те слова, которые образуются в языке по уже существующим в нем моделям, однако эти модели отличаются от общепринятых, узуальных, чем и объясняется необычный вид окказиональных образований, способность передавать новые оттенки значения и связанная с ней ярко выраженная экспрессивность. Этого понимания окказионализмов мы и будем придерживаться в настоящей статье.

Функция окказионализмов в языке газет огромна. Как и другие формы игры со словом, они служат, прежде всего, для реализации авторского замысла, состоящего в том, чтобы донести до читателя свое видение ситуации и заставить его посмотреть на нее своими глазами. Е. А. Земская пишет: «Окказионализмы нередко создаются для того, чтобы показать подлинную сущность того или иного явления» [5, с. 132]

Цель настоящей статьи – рассмотреть окказиональные слова, встречающиеся на страницах современной русскоязычной прессы Украины, и выявить особенности их возникновения, структуры и функционирования. В сферу нашего внимания попали и такие слова, которые вследствие определенных внеязыковых причин возникли совсем недавно, но быстро вошли в широкое употребление, и, начав кочевать из издания в издание, приобрели статус неологизмов, хотя и незафиксированных словарями. Слова эти в строгом смысле слова не являются окказионализмами, поскольку они известны большинству жителей Украины, однако, учитывая то, что основы этих слов продолжают принимать активное участие в словопроизводстве и таким образом оказывать влияние на современное словообразование в целом (и окказиональное словообразование в частности), мы считаем необходимым кратко их описать.

В современной лингвистике весьма актуальным становится такое понятие, как «ключевые слова». Е. А. Земская пишет: «Ключевыми следует считать слова, обозначающие явления и понятия, находящиеся в фокусе социального внимания» [5, с. 92]. Они играют большую роль в словопроизводстве, поскольку служат производящими основами для многочисленных и разнообразных новообразований. Ключевые слова, как правило, относятся к сфере политики (тема, в наибольшей степени привлекающая в наши дни внимание общественности). Новообразования, связанные с политическими реалиями, представляют собой наиболее актуальные слова, поскольку они связаны с наиболее значимыми для общества вопросами современности и, как правило, живут столько времени, сколько существуют определенные политические реалии. На протяжении последних лет политика неизменно удерживает пальму первенства по значимости для общественности, что находит свое отражение в языке. Наиболее яркое событие в политической жизни нашей страны – «оранжевая» революция, отголоски которой слышны и сейчас, стала причиной возникновения множества новых слов. Большинство из них связаны с именами известных политических деятелей, которые находились в эпицентре тех событий и продолжают играть ведущую роль на политической арене и в настоящее время. На данную тенденцию указывает и Е. А. Земская в книге «Русский язык конца XX столетия»: «Усиление личностного начала – как характерная черта языка нашего времени – находит специфическое выражение в сфере словопроизводства... Имена лиц порождают целые серии производных разнообразной семантики и структуры» [5, с. 99]. Наиболее

«продуктивным» именем собственным, породившим множество разнообразных неологизмов, является фамилия бывшего президента Украины – Л. Д. Кучмы. Приверженцы и сторонники его режима получили наименование «**кучмисты**» (Кучма + продуктивный суффикс *-ист*) и даже «**кучмологи**», сам же режим, благодаря распространенному суффиксу *-изм*, обрел наименование «**кучмизм**». Процесс возвращения страны на прежний курс развития получил название «**рекучмизация**», например: «*Этот человек (Мороз А.А.)... сегодня за должность спикера сам открыл дорогу к рекучмизации страны*». Политическое движение в стране, направленное против президента, получило наименование «**кучмагейта**» (по аналогии с «*уотергейтом*» – политическим скандалом в США, приведшим к отставке президента Р. Никсона). Были переосмыслены такие слова, как «оранжист» и «протестант». Слово «оранжист», первоначально обозначавшее сторонника герцога Оранского, теперь содержит ироническую коннотацию и обозначает сторонника оранжевой революции. А слово «протестант», обозначающее последователя особого направления в христианстве, стало обозначать участника какого-либо политического митинга, например: «*Во всем видна заботливая материнская рука и «махалками» обеспечившая, и харчишки «протестантам» подкинувшая!*». Некоторые окказиональные слова, образованные от фамилий известных политических деятелей, содержат ярко выраженные негативные коннотации, например, «**timoшеница**» (о Юлии Тимошенко): «*Нашу же «timoшеницу» спасла оранжевая революция*».

С точки зрения структуры все окказионализмы представляют собой сложные образования, то есть, слова, состоящие из двух или более морфем. Окказиональными чаще всего бывают существительные, глаголы и, гораздо реже, прилагательные. Ведущими процессами, принимающими участие в образовании окказионализмов, являются следующие: словосложение, аффиксация, контаминация, чистое сложение.

Продуктивным способом образования окказиональных существительных является словосложение. Одной из наиболее продуктивных моделей образования таких слов является модель: «имя существительное + интерфикс *-о-* + основа глагола». С ее помощью образуются слова, передающие абстрактное значение, например: «*Был у нас голодомор, – теперь, похоже, светит газомор*». Однако, чаще всего, по этой модели образуются слова, обозначающие деятеля и характеризующие лицо по типичному для него действию. Например: «**шкодавод**» – владелец автомобиля «Шкода», «**кнопкодав**» – депутат, «**грантоеды**» – оппозиционеры, поддерживаемые Западом, «**факелonosцы**» – участники факельного шествия. Большинство таких наименований содержит пренебрежительную, иронически-уничижительную окраску.

Также продуктивной является модель «имя существительное + интерфикс -о- + имя существительное», например: *«тарелкотерапия»* (заголовок статьи о том, что стресс можно снять, разбивая о стену тарелки) или *«пивовитие»* (заголовок статьи об истории пивоварения). С ее помощью образуются окказионализмы, передающие абстрактные понятия или процессы.

Аффиксация – другой продуктивный способ образования окказионализмов, и суффиксации принадлежит в ней почетное место. Наименования деятелей образуются с помощью разнообразных суффиксов. Активно принимает участие в окказиональном словообразовании суффикс *-ист*, с помощью которого образуются слова со значением «сторонник кого- или чего-либо». Например: *«коалиционист»* – участник коалиции: *«По видимому, с тем, что «коалиционисты» по ряду вопросов не пришли к общему знаменателю, как раз и связаны их попытки решить кадровые вопросы...»*. Сохраняют свою продуктивность такие суффиксы, как *-щик*, *-ик*. Например, *«личник»* – «личный охранник», *«чесальщик»* – «человек, поющий под фанеру» (от глагола «чесать» – «петь под фанеру»).

Названия деятелей могут быть образованы и с помощью непродуктивных в настоящее время суффиксов. Например, слово *«смехач»*, обозначающее в данном контексте «артист, веселящий своим выступлением людей в зале»: *«Что сегодня молодые люди могут узнать по телевизору из бесчисленной череды ток-шоу и скабрзных шуточек записных смехачей?»*.

Встречаются окказиональные образования и с суффиксом *-ич*. Такие слова, как пишет М. У. Калниязов, «служат в языке периодики эффективным способом сатирической характеристики персонажей». Например, заголовок статьи о том, что в одной из египетских пирамид были обнаружены рисунки, напоминающие электрическую лампочку, звучит так: *«Лампочка Тутанхамоныча»*. М. У. Калниязов отмечает, что иронический эффект возникает тогда, когда этот суффикс присоединяется не к именам собственным, а к именам нарицательным [4, с. 5]. Однако в нашем примере иронический эффект возникает как следствие присоединения этого суффикса к имени собственному иноязычного (древнеегипетского) происхождения.

При образовании окказиональных имен существительных с абстрактным значением большую роль также играет суффиксация. Весьма продуктивен в этом отношении суффикс *-ость*, например, словосочетания со словами, содержащими этот суффикс: *«здания «меньшей этажности»», «показушная игра в «европейскость»»*. Часто участвуют в образовании окказионализмов такие суффиксы, как *-ура* и *-изация*. Например, статья, повествующая о молодом человеке, демобилизовавшемся из ВДВ и решившем во время празднования своего дня рождения продемонстрировать гостям свои способности путем разбивания о свою голову пустых бутылок, озаглавлена *«Десантура»*. А

заголовок статьи о том, что чешское правительство решило открыть в Праге памятник Шевченко и заодно объявить войну украинским нелегалам, звучит так: «*Легализация и **памятизация***». Особую продуктивность в настоящее время суффикса *-изация* отмечала и Е. А. Земская: «Слова на *-изация* обычно включают иноязычные базовые основы. Доказательство высокой продуктивности этого типа – рождение слов этой структуры от русских основ» [5, с. 109]. Еще один пример: «*Плюс **дебилизация** всей страны...*» – так звучит заголовок статьи, повествующей о снижении уровня духовности в обществе. Увеличение доли новообразований с суффиксом *-изация* было отмечено исследователями в 60-е годы прошлого века. Своеобразие этих слов состоит в том, что они образованы не от глаголов, обозначающих процесс, как следовало ожидать, а от существительных. В связи с этим Е. А. Земская со ссылкой на книгу «Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского литературного языка» под редакцией М. В. Панова пишет: «Благодаря появлению указанных образований, под влиянием «социального заказа» на них впервые в русском языке появилась группа, особый класс процессуальных существительных, не соотносительных с глаголами. Эта черта в русском языке обладает резкой и неожиданной новизной» [5, с. 110]. Примеры из современной украинской периодики подтверждают по-прежнему высокую продуктивность этого типа словообразования.

Кроме суффиксации, весьма активно проявляет себя и префиксация. Продуктивным способом образования новых слов является модель «приставка (иностранного происхождения) + имя существительное». На продуктивность этой модели указывает и Е. А. Земская: «Рост именной префиксации – характерная особенность современного словообразования» [5, с. 110]. В особенности возросла активность таких приставок, как *псевдо-, квази-, эрзац-*. Е. А. Земская объясняет это тем, что «для эпохи перемен и разрушения старого актуальна семантика неистинности, ложности, «ненастоящести»», и это представляется вполне убедительным [5, с. 115]. В самом деле, большинство образований, содержащих эти приставки, связано опять же со сферой политики и атмосферой неискренности, царящей в ней. Например, цитата из статьи о политической обстановке в стране: «*Во-вторых, в костер постоянно подбрасываются полена **псевдовыборов**, или **квазивыборов**, таких, как например, события вокруг съездов НСНУ*». «*На тлі всього цього казус перебування у сесійній залі комуністів з депутатськими значками неіснуючої **квazідержави** під назвою УРСР виглядають дрібничками*». Или другой пример: «*К чему может привести подобное состояние **эрзац-свободы?***».

Кроме того, стремительный прогресс в области технологий породил возрастание активности таких приставок, как *кибер-* и *техно-*, с помощью которых образуется целый ряд новых и окказиональных слов. Например: «*кибервдова*» (супруга человека, страдающего

технозависимостью) и, соответственно, «кибервдовство», а также «техно-аддикт» и его русская калька «технозависимый», «технозависимость», «техностресс», «техноувлеченность» и даже «технофоб».

Интересную модель образования окказионализмов представляет собой также присоединение приставки иностранного происхождения «мини» к звукоподражательному междометию. Таким способом образуются шуточные названия животных. Например, статья о карликовой породе коров имеет заголовок «*Мини-му*», а статья, повествующая о самом маленьком в мире коте, – «*Мини-мяу*».

Иногда, для достижения эффекта живого непринужденного общения, в газетный текст вставляются окказионализмы, свойственные разговорной речи. Например: «*Почему развалена мощная в свое время система внешкольной работы с детьми – все эти автотофотокружки?*». В данном случае к слову «кружок» присоединяется несколько потенциально возможных слов-морфем (по терминологии Е. А. Земской [2, с. 59]), что придает слову коннотацию «собираемости».

В образовании окказионализмов принимает участие и префиксально-суффиксальный способ. В качестве примера можно привести слово «*супергрибаускасы*» (заголовок статьи о традиционном в Литве чемпионате на звание лучшего грибника). В данном случае, помимо прибавления к русской основе приставки *супер-*, к ней присоединяется также иноязычный суффикс *-аускас*, являющийся традиционным формантом литовских фамилий. Таким способом создается яркое и запоминающееся слово «*супергрибаускас*», имеющее значение «супергрибник» или «лучший грибник» и окрашенное для носителя русского языка в национальный литовский колорит.

Продуктивным способом образования окказионализмов является контаминация. С ее помощью образуются «слова-слитки» (по терминологии Б. Ю. Нормана) [4, с. 179]), образованные путем наложения двух (или более) слов, вследствие чего такие слова приобретают повышенную экспрессивность. Например, слово «*политикантроп*» (политика + питекантроп) передает значение «человек, разбирающийся (или якобы разбирающийся) в политике», а «*снегодзилла*» (снег + годзилла) – это «очень большой снеговик». Или, например, слово «*замерзавец*», образованное путем наложения слов «замерзать» и «мерзавец» (о директоре предприятия «Ритуал», оставивший своих подчиненных замерзать в неотопливаемых помещениях). Примечательно также слово «*мапа*» (мама + папа): «*Особое внимание – отцам-одиночкам. Их в Барнауле много. Чем отличается «мапа» от других мужчин?*».

Довольно распространено в наше время образование новых слов путем чистого, механического сложения. Это, например, такие неологизмы, как «*медиа-киллер*», «*гэджет-аддикция*», «*интернет-*

аддикция», *онлайн-аукцион*» и другие. В новообразованиях такого типа преобладают иноязычные основы, но таким путем, тем не менее, могут образовываться и окказиональные образования, «сложенные» из русских слов, например, *«корпус-раковина»* (статья о мотоцикле, работающем на солнечных батареях). Могут также «складываться» русская и иноязычная основы, например, *«белка-киндер»* (статья о белке, ворующей из кондитерской шоколадные яйца «Киндерсюрприз»).

Окказиональных глаголов меньше, чем существительных. Это в основном глаголы несовершенного вида, образованные от соответствующих имен существительных. Например, глагол *«волокутись»* образован от существительного *«волокута»* (ср. цитату: «милиция уже три года дело *волокут*»). Многие из таких глаголов являются возвратными и имеют окончание *-ться*). Например, глагол *«звездиться»* (ср. цитату *«завзвездилась мальчишки»*) образован от существительного *«звезда»* в значении *«звезда эстрады»* и передает значение *«вознестись высоко, вести себя высокомерно»*. Глагол *«пиариться»*, возникнув сравнительно недавно и будучи образован от существительного *«пиар»*, уже прочно вошел в активный словарный запас наших современников. Так же образован и окказиональный глагол *«форумиться»*, то есть *«участвовать в форуме»*. В качестве примера можно привести следующий заголовок: *«Не успели отсаммититься, пришлось форумиться»*. Это значит, что президент Украины, едва проводив одних европейских гостей, встречал других, прибывших на форум *«Сообщество демократического выбора»*. Глагол *«отсаммититься»* образован по весьма продуктивной в разговорном языке модели со значением *«завершить то дело, на которое указывает производящая основа (ср.: «отстряпаться» в значении «завершить стряпню» и др.)*.

В текстах современной периодики встречаются и другие глагольные формы. Это, прежде всего, окказиональные причастия – действительные и страдательные, настоящего и прошедшего времени. Такие причастия представляют собой образования, состоящие из двух основ, что позволяет выразить в одном слове два смысла. Например, причастие действительного залога настоящего времени *«взятокберущий»* (о чиновнике), или же причастие страдательного залога прошедшего времени *«свежесотканный»* (о блоке мэра г. Харькова).

Окказиональных прилагательных на страницах газетных текстов встречается еще меньше, чем глаголов, однако они зачастую бывают не менее затейливыми по внешнему виду и экспрессивными по содержанию. В их образовании принимают участие различные механизмы: аффиксация, словосложение и другие процессы. Например: *«Половина этой компании, как известно, принадлежит Газпромбанку (который вот-вот станет собственностью архидружественного Путину Dresdner Bank)»*. В данном случае приставка *архи-*, образуя

превосходную степень прилагательного «дружественный», одновременно придает ему ироническую окраску. Оказиональные прилагательные могут образовываться путем словосложения, например: «В газовом конфликте Украине как национальному государству противостоит... небольшая, но крепко сбитая банда жуликоватых бизнесменов,.. всегда решающая одну, но пламенную задачу: как бы перекачать российские государственные ресурсы в собственные **оффиорно-шелковые карманы**» (Статья о «газовой войне» между Россией и Украиной). Прилагательное **«оффиорно-шелковый»**, образованное путем сложения слов «оффшорный» и «шелковый», призвано подчеркнуть отличительные особенности карманов российских олигархов. Таким же путем образовано прилагательное «яблочно-эспээсовский»: «...и это превратило все грозные заявления антифашистов в знакомый предвыборный **«яблочно-эспээсовский» лепет**». В данном случае прилагательное **«яблочно-эспээсовский»**, образованное от существительных-названий партий Яблоко и СПС, характеризует выступления антифашистов, как несерьезные.

В целом необходимо отметить, что игра со словом, реализующаяся в оказиональном словообразовании, является характерной особенностью языка современной периодики, что отмечает Е. А. Земская: «Типичнейшая черта современного языка – расцвет неузального словообразования, распространяющегося не только в языке художественной литературы и разговорной речи (что было свойственно прошлым эпохам), но и в языке газет, любых средств массовой информации...» [5, с. 138]. Оказионализмы выполняют в тексте номинативную, экспрессивную и эстетическую функции, способствуя реализации перлокутивной функции языка, то есть установлению контакта с читателем и воздействию на его мышление. Базовыми основами для современного словопроизводства, в том числе и оказионального, служат так называемые «ключевые слова» – слова, передающие понятия, находящиеся в центре внимания общественности. Об усилении личностного начала в дискурсе прессы свидетельствует то, что значительная доля этих слов образована на основе имен собственных (в наше время это преимущественно фамилии известных политиков, играющих важную роль в жизни общества). От таких слов образуется большое количество новообразований и оказионализмов разнообразной структуры и семантики. В оказиональном словообразовании ведущую роль, как и прежде, играют такие процессы, как словосложение, аффиксация, контаминация и чистое сложение. Следует отметить, что в современном языке украинской русскоязычной прессы сохраняются те же тенденции, что и в начале десятилетия в текстах российской прессы. Дальнейшего изучения заслуживает вопрос о функционировании оказионализмов в тексте газет и их роли в реализации перлокутивной функции языка.

Литература

1. Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. – М.: Просвещение, 1973. 2. Земская Е.А. Язык как деятельность. – М., 1992. 3. Дорофеева О.М. Оказиональне слово в сучасній російськомовній газетно-журнальній комунікації. – К., 2003. 4. Калниязов М.У. Оказиональные и потенциальные слова в языке современной периодики. – М., 1978. 5. Норман Б.Ю. Язык: знакомый незнакомец. – Мн., 1987. 6. Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / Гл. ред. Е.А.Земская. – М., 2000. 7. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. – М., 2002.

В статье рассматриваются окказиональные и новые слова, встречающиеся в современных текстах украинской русскоязычной периодики. Делается попытка определить особенности структуры и семантики таких слов, а также выявить основные тенденции в современном окказиональном словотворчестве.

Ключевые слова: окказионализм, новообразование, ключевое слово, личностное начало, словосложение, аффиксация, контаминация, чистое сложение.

У статті розглядаються оказіональні та нові слова, що зустрічаються у сучасних текстах української російськомовної періодики. Робиться спроба визначити особливості структури та семантики таких слів, а також виявити основні тенденції у сучасному оказіональному словотворі.

Ключові слова: оказіоналізм, новотвір, ключове слово, роль елементу особистості, словоскладання, афіксація, контамінація, чисте складання.

The article is devoted to the study of the occasional and new words, which can be found in the modern texts of the Ukrainian Russian-language press. There is an attempt to determine peculiarities of such words' structure and semantics as well as reveal the main tendencies in the modern occasional word-building.

Key words: occasional word, new word, key word, the role of personality element, compound word formation, affixation, contamination, pure compound word formation.

УДК 808.2:801

О. В. Радчук

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ СУБЪЕКТИВНОЙ МОДАЛЬНОСТИ

Языковые единицы с национально-культурной семантикой, к числу которых принадлежат фразеологизмы и языковые афоризмы (поговорки, крылатые выражения, а также иные устойчивые словосочетания) многократно являлись объектом изучения, анализа, классификации. Лексикологические, этнолингвистические и лингвокультурологические исследования В.И. Даля способствовали углублению представлений о менталитете русского народа и

особенностях его отражения во фразеологии. Собранные ученым материалы продолжают служить источником знаний о языковой картине мира и интерес к ним не только не угасает, но и возрастает в связи с господствующей в современном языкознании парадигмой антропоцентризма.

«Языковая картина мира объективно отражает восприятие мира носителями данной культуры, но человеческое отражение не является механическим, оно носит творческий (и поэтому в известной мере субъективный) характер» [2, с. 89]. Использование фразеологизмов отдельными носителями языка и культуры отражает как общенациональные черты, зафиксированные в работах В.И. Даля, так и субъективное видение и мироощущение языковой личности. Исследованию последнего аспекта и посвящена данная статья.

Цель статьи – показать особенности проявления субъективной модальности в используемых Н.В. Гоголем фразеологизмах, пословицах и поговорках русского народа.

Актуальность темы исследования обусловлена, с одной стороны, неутоляемым интересом к изучению феноменальной языковой личности Н.В. Гоголя, а с другой стороны, недостаточной разработанностью проблемы использования языковых единиц национально-культурной семантики для реализации текстовой категории субъективной модальности в описательных контекстах.

В настоящее время лингвистическая реальность идиостиля не вызывает сомнений (Л.Г. Барлас, М.М. Бахтин, В.В. Одинцов, И.И. Степанченко, А.Т. Гулак). Поскольку художественный текст есть особая сфера творчества языковой личности, то язык писателя в полной мере дает представление о структуре языковой личности. Языковые средства и стилистические приемы, характерные для идиостиля писателя, помогают проникнуть в семантику субъективной модальности (Е.В. Падучева, Т.А. Бочкарева). Модальность художественного текста пронизывает все его части, включая и описательные контексты, и может реализовываться различными способами.

В произведениях Н.В. Гоголя субъективная модальность проявляется с помощью вводных конструкций, эпитетов и развернутых сравнений, особой структурной схемы предложений и других средств.

В поэме «Мертвые души» Н.В. Гоголь умело вводит в описания портретов фразеологизмы, пословицы, поговорки и народные выражения, которые также способствуют раскрытию авторского отношения к описываемому персонажу и тем самым становятся точным и лаконичным средством выражения субъективной модальности. Используя данные средства, писатель реализует свой замысел, описывает и оценивает. Выразительность и экспрессивность зрительных образов, пропущенных через сознание автора, усиливается путем включения в портретные описания эмоциональных элементов разговорного языка.

Проведенный нами анализ свидетельствует о том, что Н.В. Гоголь использует фразеологизмы и афоризмы при описании портретов с целью:

- 1) создания более точных и ярких художественных образов героев;
- 2) эффекта комизма в описании;
- 3) придания национального колорита персонажу;
- 4) передачи авторского отношения к герою, которого он описывает.

Функции афоризмов и фразеологизмов в поэме «Мертвые души» Н.В. Гоголя зачастую зависят от того, употребляются ли они в речи автора или в речи персонажа, и достаточно разнообразны: готовая формула используется как средство создания внешнего портрета, например, «свеж как кровь с молоком», психологической характеристики героя и указания на его эмоциональное состояние, например, «... говорил он, а между тем обтирал рукою *пот*, который в три ручья катился по лицу его» [1, с. 57]. Афоризм может подчеркивать ограниченность персонажа, если он часто обращается в своей речи к готовым общеизвестным формулам; обыденность или даже тривиальность ситуации, иногда – несоответствие стершейся фразы и действительности. Автор может использовать фразеологизм как отправную точку размышления, при этом словно заново осмысливая и комментируя его: «Лицо его вдруг, несмотря на приятность, не понравилось начальнику, почему именно, *бог ведает*, - иногда даже просто не бывает на это причин, - и он возненавидел его насмерть. » [1, с. 244]

В приведенном ниже контексте автор размышляет («*бог ведает*»), предполагает («следовало пойти в бабку»), а затем эмоционально уточняет портрет героя с помощью пословицы: «Родители были дворяне, но столбовые или личные – *бог ведает*; лицом он /Чичиков – О.Р./ на них не походил: по крайней мере родственница, бывшая при его рождении, низенькая и коротенькая женщина, которых обыкновенно называют пигалицами, взявши в руки ребенка, вскрикнула: «Совсем вышел не такой, как я думала! Ему бы *следовало пойти в бабку* с матерней стороны, что было бы лучше, а он родился просто, *как говорит пословица: ни в мать, ни в отца, а в проезжего молодца*» [1, с. 234].

В авторском описании фразеологические единицы и афоризмы нередко получают метафорическое расширение, например, «Свеж он (Ноздрев. – О. Р.) был, как *кровь с молоком*; здоровье, казалось, *так и прыскало* с лица его» [1, с. 66].

Издавна на Руси признаком красоты были белое лицо и румянец на щеках, что несомненно являлось свидетельством хорошего здоровья. В выражении из русского фольклора «*кровь с молоком*» соединились оба эти представления о красоте и здоровье. Это выражение обычно передает восхищение здоровым, цветущим человеком. Но в контексте у Н.В. Гоголя данный фразеологизм приобретает еще и дополнительную

ироническую окраску и передает насмешку, усиленную глаголом *прыскает*. В следующем примере: «Иван Антонович, казалось, имел уже далеко за сорок лет; волос на нем был черный, густой; вся середина лица выступала у него вперед и пошла в нос, – словом, это было то лицо, которое называют в общежитие *кувшинным рылом*» [1, с. 148] – народное выражение имеет разговорно-просторечную окраску. Этот фразеологический оборот основан на метафорическом переносе и используется автором для создания комического образа. Автор не прямо, а очень осторожно сравнивает своего героя со свиньей, тем самым передает свое негативное отношение к персонажу и намекает читателю на то, что персонаж может быть замешан в каком-нибудь неблагоприятном деле.

В описательных контекстах писатель активно использует различные фразеологические единицы со словом *черт*. В старинных суеверных представлениях черт ассоциировался у народа со злым духом, сверхъестественным существом, которое олицетворяло злое начало. Русский народ употреблял это слово чаще как бранное или как эмоциональное восклицание в самых неожиданных ситуациях, можно сказать, что фразеологические единицы с данным словом функционируют как междометия. Например, «Одни только частые рябины и ухабины, истыкавшие их (черты лица. – *О. Р.*), причисляли его к числу тех лиц, на которых, *по народному выражению, черт приходил по ночам молотить горох*» [1, с. 240]. В данном примере слово *черт* входит в состав фразеологического оборота и придает описанию ироническую экспрессию. В следующих контекстах выражения «*Черт возьми!*», «*Черт знает*», «*Черт побери*» входят как в речь автора, так и в речь персонажа: «Одна была такая разодетая, рюши на ней, и трюши, и *черт знает чего не было... я думаю себе только: «Черт возьми!»*» [1, с. 69]; «На это Плюшкин что-то *пробормотал сквозь губы*, ибо зубов не было, что именно неизвестно, но, вероятно, смысл был таков: «*А побрал бы тебя черт с твоим почтением!*» [1, с. 126] Автор использует просторечные восклицания «*черт возьми!*», чтобы выразить удивление, а междометный выкрик «*черт побери!*» в речи персонажа эмоционально выражает досаду, негодование. Отметим также, что во втором контексте происходит авторское переосмысление фразеологического оборота «*бормотать сквозь зубы*» и его замена на ироническое выражение «*бормотать сквозь губы*» с соответствующим пояснением причин такой замены. Подобные экспрессивно-эмоциональные выражения словно перенесены на страницы поэмы «Мертвые души» из разговорной речи и служат для выражения субъективной модальности.

Особенностью описательных контекстов Н.В. Гоголя является то, что фразеологизмы и афоризмы включаются одновременно с другими образными языковыми средствами: эпитетами, сравнениями, вводными компонентами. Именно комплексное использование разнообразных языковых средств и стилистических приемов приводит к появлению

добавочных смыслов контекста. В данном случае – комизма, что способствует реализации субъективной модальности. Например: «Трудно было сказать, которая лучше: все белогрудые, белошейные, у всех глаза репой, у всех глаза с поволокой, походка павлином и коса до пояса.» [1, с. 292] В приведенном портретном описании в целях создания комического привлекаются следующие средства выразительности: вводная конструкция (предложение *трудно было сказать*), яркие, точные эпитеты, взятые из народного языка (*белогрудые, белошейные, глаза с поволокой*), образные авторские сравнения (*глаза репой, походка павлином*), фразеологизм (*коса до пояса*). Созданный автором образ русской красавицы с длинной косой и глазами с поволокой одновременно оригинален и комичен, ироническое снижение образа происходит за счет сравнения с овощем и животным.

Рисуя портрет лавного героя поэмы Чичикова, автор не только использует устойчивые выражения, созданные народом (*ни жив ни мертв*), но и активно создает сам аналогичные, которые со временем стали так называемыми крылатыми фразами: *отведать черкесского чубука, благовоспитанные части тела*. «Уже стул, которым он вздумал было защищаться, был вырван крепостными людьми из рук его, уже, зажмурив глаза, *ни жив ни мертв*, он готовился *отведать черкесского чубука* своего хозяина, и *бог знает* чего бы ни случилось с ним; но судьбам угодно было спасти бока, плеча и все *благовоспитанные части* нашего героя.» [1, с. 91] В данном контексте писатель использует разговорный фразеологизм «*ни жив ни мертв*», в котором соединены два антонима, что характерно для народно-поэтической речи. Этот фразеологизм со свойственной для народной речи образностью подчеркивает необычное эмоционально-психическое состояние персонажа, когда он от страха теряет способность думать и действовать. Гоголевские окказиональные образования настолько органично сочетаются с общеязыковыми, что читатель их воспринимает как нечто неделимое.

Н.В. Гоголь на страницах своих произведений показал образность, красочность и сочность народных выражений, а также создал по аналогии и свои субъективные выражения. Многие фразы и словосочетания из произведений Н.В. Гоголя стали крылатыми фразами и афоризмами. Наиболее известным источником таких выражений стала поэма «Мертвые души», название которой также является крылатым выражением. В поэме «Мертвые души» писатель употребляет различные по форме и по функциям устойчивые народные высказывания.

Реализация субъективной модальности наблюдается в широком использовании Н.В. Гоголем пословиц и поговорок русского народа при создании портретов персонажей, введением в ткань повествования окказионализмов. Именно эти способы реализации авторской точки зрения, авторской модальности являются одними из характерных черт идиостиля писателя.

Литература

1. Гоголь Н.В. Мертвые души. – М., 1959. 2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М., 2004.

Выделяются некоторые особенности идиостиля Н.В. Гоголя на основе анализа языковых средств и стилистических приемов, которые употребляются автором в описательных контекстах. В работе рассматривается употребление писателем фразеологизмов и других устойчивых выражений в портретных описаниях в поэме «Мертвые души» и их роль в реализации субъективной модальности.

Ключевые слова: идиостиль, языковые средства, стилистические приемы, фразеологизм, устойчивое выражение.

Виділено деякі особливості ідіостилю М.В. Гоголя на основі аналізу мовних засобів та стилістичних прийомів, що вжито автором в описових контекстах. У роботі розглядається вживання письменником фразеологізмів та інших сталих виразів у портретних описах у поемі «Мертві душі» та їх роль у реалізації суб'єктивної модальності.

Ключеві слова: ідіостиль, мовні засоби, стилістичні прийоми, фразеологізм, стали вирази.

Some specific features of N.V. Gogol's idiosyle are traced on the basis of the analysis of language means and stylistic devices used by the writer in descriptive contexts. Use by the writer of phraseological units and other set expressions in portrait descriptions in the poem «Dead Souls» and their role in realizing subjective modality are considered in this article.

Key words: idiosyle, language means, stylistic devices, phraseological, set expressions.

УДК 81'272: 316.42

T. V. Stepykina

GLOBALIZATION AND NATIONAL LANGUAGES

Though the communication and interaction between various cultures always took place, the appeal for their dialog started to be heard relatively recently. That was not occasional. The dialog assumes a bilateral and equal process but it is doubtful that somebody may deny interaction between civilizations which was a game with one rule. This fact found its proof in a language context. The European languages are truly international languages which may claim to the role of global ones. In the second half of the XX century everyone could witness the domination of one of them – the English language.

The purpose of the proposed research is to consider the idea of dialog of civilizations in frames of two powerful tendencies: on the one hand, English becoming the only global language of international communication and, on the other hand, mass extinction of small nations' languages, extinction of a

language variety. The tasks to achieve the defined goal are: to analyze the possibility of influencing upon the two tendencies, to consider the tendencies' possible limits, how they influence the dialog of cultures and civilizations. It goes without saying that one cannot give answers to these questions with an absolute confidence, but it would be impossible to judge about dialog of civilizations not tackling them.

In the area of politics and diplomacy the state of things is more complicated. On the one hand, English remains to be the only working language of merely all international organizations (Council of Europe, European Union). It would be very difficult to imagine a diplomate who does not speak English. The NATO's expansion over dozens of countries rapidly turns English into the only language of international military communication. Though the counterbalance to that is the fact that non-English speaking countries insist on preserving the official status of their languages in international organizations and there is even a rise of a number of such languages: in the 1980s the additional official language of the UN became Arabic, in the 1990s – Russian. Even though financing interpreters' work is the biggest article in the EU's budget, it doesn't refuse this principle.

The indicated "resistance tendency" is an example of the situation that "language inequality" may cause the reaction of rejection. The reasons for that are political only. For instance, what easily takes place in Europe where in such countries as the Netherlands and Sweden English became common in politics and business, in India and Pakistan it is quite organically used, it would be very difficult to imagine English in China or Japan. Japanese people easily borrow English words but very few of them fluently speak English. The bigger the country, the more powerful its "cultural dimension", the more unlikely is assimilation of English as a mass phenomenon.

There were cases when at times of a great political stress English became for its speakers a kind of a "black label". This happened in Iran, that may happen in other countries where political elite with its western orientation passes some margin. It is rather hard to say where that margin lies. The "rejection tendency" may be manifested in the area of culture, moreover, even where English is widely spread. Thus, in India only 5-6% of all movies makes American films, the rest belongs to Indian films. There can be various reasons for this, but the fact remains the same [3, p. 45].

But there are some experts who are worried about the English language fortune and status. Professor of Harvard University S.Huntington in his conception of "civilizations clash" sees the main subject of fears is mass legal and illegal immigration of mexican people to the US that makes the threat for American culture. S.Huntington believes that two cultures the American that grounds on the rule of law, human rights and protestant labour ethics, and the Mexican are statical and irreconcilable. And here is the link to the language: there is no Americano-dream, there is the American dream made by the anglo-protestant society. Mexican Americans can share the fruits of their dream and of the society only in case if they dream is in English. Such a viewpoint stands

out for its dramatization and has no statistical or sociological data grounding. The data which S.Huntington gives witness that neither a condensed population, nor bilingual education will significantly change a standard tendency. Either in the second or in the third generation the majority of immigrants will master English. Regards having a good command of the native language, Spanish-speaking Americans do preserve Spanish more than natives of Germany or Norway whose mass immigration took place long ago. Nobody knows what situation will be in two or three generations [3, p. 46].

One may observe a paradox: English becoming a more global language of international communication will unlikely become the only and full-fledged language of “dialog of civilizations” as an ideal model. Communicating in predominantly one language which is not native for one part of the dialog has something to do with a number of difficulties and potential pitfalls for both parts. The fact is that studying foreign languages and cultures in the second half of the XX century lost its significance for the majority of the English-speaking countries, namely for Americans. Only after the tragic events of September 2001 there was figured out that there were very few American experts of Arabic, almost all of them were of the Arabic origin. Communication mostly in English brings out a new problem: the circle of communication narrows down, it becomes limited to certain groups of population. That fact deliberately or non-deliberately imposes terminology and phraseology of English discourse on its users. Thus, if to judge about time and space limits of English language, globalization is hard so far, its frames and limiters are already obvious. The full-fledged dialog that corresponds to the ideal model is impossible under the conditions of acute disbalance between languages. But in the process of extension and spread of international communication there will be growing an urge to both studying foreign languages and a demand for professionals of interlanguage communication, first of all, for interpreters whose tasks would gradually be extended to cross-cultural consulting [3, p. 47]. It is also inevitable that objectively stronger English-speaking part of the dialog should take into account inability of direct imposing of its own political, ideological and other conceptions that are deepened in English language and American culture.

Another factor that limits a total globalization of English is fixed regional communities with the dominance of one (not English) language. Nowadays, it is certainly French (in the greater part of Africa), Spanish (in Latin America), Arabic (in the Middle East and Northern Africa) and Russian (in the post-soviet area). It is worth noting, on the political level there are efforts made to preserve the status of languages of international communication to all of them.

After the collapse of the Soviet Union it was obvious that Russia would play a great smaller role than the former USSR. Within a dozen of years that prognosis was proved. But the prognosis regards the diminishing role of Russian language turned out to be disapproved. It was presumed that Russian would be rejected by all national republics as a means of strengthening their

sovereignty. The titular population would actively reject Russian in business, science and politics, elite would rapidly master English for its prestigious and pragmatic values. It was foreseen that when Ukrainian and Georgian people get together they would speak English. Nowadays, one can state that Russian language did not experience an outrageous step back in the post-soviet space. The neglect for Russian language took place only in official matters and education. The latter did not make impact on everyday communication which remains to be held in Russian, e.g. in Ukraine. In some countries the excessive urge to replace Russian resulted in the opposite reaction, e.g. in Baltic countries. Thus, in the 1930s after they gained independence, Russian language was almost totally replaced by national languages, in the 1990s this phenomenon did not happen again. This fact may likely be referred to the absence of mass biased attitude to the Russian.

We should note that a greater role in Russian language status preservation (for example on the West of Ukraine) is played by “low genres” not “high genres” of culture: in literature it is detective stories, pulp fiction, in music – Russified pop and rock genres, “shanson”. The number and variety of such products are huge, it is very tempting to write and sing in Russian, for Russian-speaking market is bigger than the Ukrainian, it is closer and more accessible than the English one. It becomes clear that Russian language possesses a greater potential of its self-preservation and spread. That fact opens up a perspective for the Russian playing a crucial role in the dialog of cultures and civilizations. But a great deal depends on what Russia would be and how it will cope with the task of adopting democratic values and principles in the nearest future.

The interrelation between leadership and cultural-language influence can be seen on the negative example of Arabian and Muslim culture. Possessing a great cultural and historical capacity it happened to be on the margins of the mainstream of the world development, it didn't fit to the democracy turn. Hence, there is no any significant impact of the Arabic language upon other languages. Unnumerous borrowings from the Arabic bears a merely ethnographical character. Even the emerge of some democratic or at least modernistic elements in Arabian political and informational areas (TV channel Al-Dzhazira) is not enough to overturn the described tendency. The opposite example can be demonstrated by the French borrowing «acquis communautaire» from a political thesaurus to a number of languages (English is one of them). This notion denotes a truly tremendous complex of laws, norms and regulations which was elaborated in the European Union for the time of its existence and which in many aspects determines life of the whole Europe nowadays. Thus, it is quite regular that notwithstanding the dominance of the English language in cross-European communication, in the case exactly the French word is used thanks to not only its capacity and laconics but as a sequence of the leading role of France in the European community since 1951.

One may conclude it is impossible to set the task separately – to strengthen the role of some national language (e.g.:Ukrainian or Russian) either in the post-soviet realm or in the whole world. At the same time it would not be worthy denying the possible effect of well-thought language dominance programs and companies. This gradually brings us to another issue which was set at the beginning of our research and which partially deals with possibilities and prospective effectiveness of a “language policy”. Here we have to mention the process of dozens of languages extinction, consequences and limits of the process and how much necessary and possible it is to hinder it or at least to slow it down. Obviously, such issues are in the area of the problematics of the dialog of cultures.

There are different evaluations of languages extinction of small nations and tribes. The most pessimistic ones claim that out of 6 thousand languages which existed at the turn of the XX–XXI centuries, there will remain only 600 in 25–30 years. A more distant prospective says there will ultimately remain about 2–3 hundred, then several dozens languages in the whole world. One should mention a characteristic dynamics of extinction of Indian languages in the US. Experts claim that out of 200 Indian languages that used to recently exist there will be about 20 only in a couple of dozens of years. Notwithstanding how accurate such evaluations would be, there are no measurements that would be truly efficient. That is why it is obvious that only thorough linguistic descriptions of extinct languages and dialects can be of some effect. The task of preservation of various language mappings of the world is expensive itself and takes much enthusiasm. The language variety, in contrast to biological one, will be on paper only if not to follow the rules of correspondent international conventions which secure their existence and development. Thus, with the extinction of national languages, the whole worlds of cultures, variety of world perceptions, ways of communication and thoughts expression will also become extinct.

However, very often during the discussions on the topic one forgets about a single issue. While «small languages» rapidly become extinct on the Northern American continent, this process slowed down and has practically stopped in Africa and Asia. That is caused by not only state policies and special programs in frames of international organizations (thus, the Council of Europe financially supported the year of 2002 as «the year of European languages»), but also probably by the natural counteraction to the language and cultural ignorance. Thus, almost the whole population of Luxemburg speaks Luxemburg language, though in the multilanguage country living for the expenses of fiscal service there is no actually need for that. Analogically Maltian people most of whom know English and Italian use the Maltian language which is a complex synthesis of the Northern African variant of Arabic language and the Sicilian dialect of Italian.

It is worthy noting the fact that many European places have a hierarchy of languages: English is used as a global language of international communication, French or German as a working language (at work, in

newspapers etc.) and the local language or dialect as a means of everyday interpersonal communication. Such a tendency witnesses about a certain necessity of a «language diversity» which gets stronger than ignoring tendencies of the modern age. At the joint of globalization and resisting to it tendencies the wisest decisions are made by the countries where, first, democracy and civic society found grounds and, second, high living standards for minorities are attained. The latter, certainly, does not secure from conflict, acute situations which are, for instance, observed in Belgium. But there are always high chances to resolve them in Europe anyway.

In sociological sources of the 1990s there was introduced a new term «glocalization» in a broad interpretation. Though in a narrow sense it implies processes of global economical situations to local conditions [See: 5]. By the theory, territories (and even groups and individuals) differ from each other not by a historic and chronological developness or backwardness (according to some imagined modernization scale), but by their unique pictures of the phenomena in which local traditions and social norms are bound with the global. By the glocal criterium countries, cities, regions, organizations and individuals differ [Ibid.]. The identity of place nowadays is determined glocally, namely, it is structurized in space but not predetermined by a logics of a symbolic time[See: 2, p. 10].

The language issue is specifically acute for artistic writing nowadays. In which language should a writer write to become known to the whole world? In post-colonial cultures this problem is solved to the favour of English or French [1, p. 24]. It is curious that Reingrad Nethersole believes that «a new hybrid literature works written in English which arise in the point where center and periphery occur and which transmit the local experience in response to the internationalized culture of literacy» [4, p.638] as a proof of the growing gap between the local and the global. She claims that usage of English instead of the native language fixes a linguistic homogenization. On the other hand, using native language for creating literary works cuts a writer off the world recognition. How to combine the local and the global in politics, economics and culture? There will be no definite answer in the nearest decades.

Extrapolation of existing language tendencies nowadays is doomed to failure. It is relevant to not as much as language mapping of the world as to the perspectives for a dialog of cultures. The correlation looks more like non-linear. Though the Chinese eventually may make a claim to become a universal language in the nearest future, the very fact of its shift to the highest rate of its speakers as well as China's leadership in gross domestic product will make a substantial pressure on world partners. Thus, we will become witnesses of separation of hegemony of language from a hegemony of its world view. English will preserve its dominance as a global language of an international communication, though China's economic boost will undermine «americanocentricity» which has been established in science, international relations, business and mass culture. This fact will naturally stimulate equal

relations and dialog with China which will eventually lead to the «dialog of civilizations».

References

1. Высоцкая Н. Транскультура или культура в транс? // *Вопр. Лит-ры.* – 2004. – №2. – С. 3–24. **2. Berman M.** *The Twilight of American Culture.* N.Y. & L., 2000. **3. Huntington S.P.** *The Clash of Civilizations?* // *Foreign Affairs.* – Vol. 72. – 1993. – No 3. **4. Nethersole R.** *Models of Globalization* // *PMLA Journal.* – May 2001. – Vol. 116. – No 3. **5. Robertson R.** *Glocalization: Time-Space and Homogeneity-Heterogeneity* // Featherstone M., Lash S., Robertson R. (Eds.) *Global Modernities.*– London: Sage, 1995.

Автор рассматривает вопросы языковой гомогенизации и языкового разнообразия в условиях глобализации. Анализируются причины массового исчезновения языков малых наций. Представлено понятие глокализации, которое соотносится с проблемой диалога культур и цивилизаций.

Ключевые слова: глобализация, языковое разнообразие, диалог культур и цивилизаций, глокализация, исчезновение языков.

Автор розглядає питання мовної гомогенізації та мовного розмаїття за умов глобалізації. Анализуються причини масового зникнення мов малих націй. Запропоновано поняття глокалізації, що співвідноситься з проблемою діалога культур та цивілізацій.

Ключові слова: глобалізація, мовне розмаїття, діалог культур та цивілізацій, глокалізація, зникнення мов.

The author of the article tried to focus on the problems of language homogenization and language variety in conditions of globalization. Here it is considered the reasons for mass extinction of small nations' languages, extinction of a language variety. The notion of glocalization and its relevance to the problem of the dialog of cultures and civilizations is offered in the research.

Key words: globalization, language variety, dialog of cultures and civilizations, glocalization, language extinction.

С. Б. Фомина

**ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ПОДХОД В ОБУЧЕНИИ ЯЗЫКУ
КАК ОДИН ИЗ ЭФФЕКТИВНЫХ ПУТЕЙ ФОРМИРОВАНИЯ
КОММУНИКАТИВНО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ
КОМПЕТЕНЦИИ ЛИЧНОСТИ**

Идея взаимосвязи культуры и языка относится еще к XVIII веку. С Вильгельма фон Гумбольдта берет свое начало традиция рассматривать разные языки как выражения различных мировидений.

«Разные языки – это отнюдь не различные обозначения одной и той же вещи, а различные видения ее; и если вещь эта не является предметом внешнего мира, каждый (говорящий) по-своему ее создает, находя в ней ровно столько своего, сколько нужно, чтобы охватить и принять в себе чужую мысль» [2, с. 349].

Язык играет решающую роль в формировании личности, национального характера, общности нации. Особое значение проблема взаимосвязи языка и культуры приобрела в наше время, когда интенсивно развиваются отношения людей, принадлежащих к разным культурам. Соответственно, односторонний подход к обучению языку, где язык и культура рассматриваются отдельно, в настоящее время уже не актуален, так как при таком подходе культурная и духовная сущность языка остаётся вне поля зрения.

Межкультурная коммуникация является особым видом коммуникации, так как при сопоставлении языков и культур выявляется не только общее, но и особые, специфические различия в истории развития народа. В условиях межкультурной коммуникации могут возникнуть некоторые коммуникативные барьеры из-за отсутствия понимания ситуации общения, вызванного культурными, географическими или ментальными различиями. С целью сглаживания коммуникативных барьеров необходимы методики взаимосвязанного обучения языка и культуры, где происходит овладение не только языком, но и правилами межкультурной коммуникации.

Целью данной статьи является показать необходимость соизучения языка и культуры и подтвердить важность использования лингвокультурного подхода в изучении языка для эффективности межкультурной коммуникации и развития коммуникативно-культурной личности.

Новая отрасль знания, лингвокультурология, как самостоятельное направление лингвистики изучает взаимосвязь языка и культуры. Лингвокультурология создает собственный понятийно-терминологический аппарат, который сочетает в себе ее лингвистические и культурологические истоки. Особое внимание

заслуживает развивающееся в последнее время понятие концепта. Концепт – «понятие, погруженное в культуру» (по Н.Д. Арутюновой и Н.В. Телия). Он обладает эмотивностью, коннотациями, имеет «имя» / «имена» в языке [5, с. 39]. Концепты как идеальные образования кодируются в чувственно-образных представлениях, система которых образует так называемую концептуальную картину мира.

Лингвокультурный подход представляет собой конкретизацию изучения культурных концептов с точки зрения их ценностного компонента, имеется в виду сопоставление отношения к тем или иным предметам, явлениям, идеям, которые представляют ценность для носителей культуры. Ценности, определяющие поведение людей, составляют наиболее важную часть языковой картины мира. Сепир писал, что в каждом языковом коллективе «в ходе сложного исторического развития в качестве типичного, в качестве нормального устанавливается какой-то один образ мышления, особый тип реакции» [1, с. 273]. Концепты реализуются прежде всего при помощи лексем. В итоге возникает языковая картина мира.

В качестве примера рассмотрим лингвокультурологические особенности языковой концептуализации времени как культурного явления и понятия в русской и англоязычной культуре.

Универсальный концепт времени является как самым интересным, так и самым сложным и важным, ибо сквозь его призму воспринимается нами все сущее в мире, все доступное нашему уму и нашему истолкованию. В процессе постижения времени, в сознании человека, складывается концептуальная модель времени, представляющая собой базовую когнитивную структуру, нашедшую отображение в языке. Так как концепт имеет «слоистое» строение, и разные слои являются результатом, «осадком» культурной жизни разных эпох, он имеет особую структуру, включающую в себя и внутреннюю форму. Ю.Е. Прохоров предполагает, что «на самой глубине» любого концепта находится набор архетипических, наиболее общих и фундаментальных, изначальных понятий, логических связей, образных представлений и выработанных на их основе принципов, правил человеческого существования [8, с. 86].

Итак, в «Этимологическом словаре» Н.М. Шанского мы находим, что слово «время» произошло от основы «vert», что и вертеть при помощи суффикса «men». В «Этимологическом словаре русского языка» Г.П. Цыганенко мы находим, что данное слово, заимствовано из старославянского языка, в котором оно развилось из праславянского «вращение» (дней, месяцев), производного от «vert» – «вращать». Затем, в результате преобразований, появилось в русском языке слово «веремья». Таким образом, русское слово «время» связано с глаголом «вертеть», «вращать», имеют один и тот же корень «vert», с первоначальным значением – «нечто вращающее» или «нечто возвращающееся в прежнее положение». То есть, время в восприятии

русского человека связано с вращением, возвращением, круговоротом, что говорит о том, что в слове «время» заложено восприятие его как движение по кругу, т.е. цикличность времени. Таким образом, очевидна этимологическая связь времени с движением, что и находит отображение в культурных ценностях представителей русской культуры. Циклическое время «не мыслится отдельно от событий, которыми оно наполняется» [4, с. 48]. Циклично – это «на майские», «к октябрьским», «на крещение». Так же «архаичный слой» концепта «время» указывает на некоторую непоследовательность в действиях, выполнение сразу нескольких видов деятельности в один отрезок времени. Таким образом, русской культуре более присущи черты полихронной культуры. В таких культурах ценятся семейные связи, долговременные дружеские контакты. Как отмечает Л. Виссон, «русские живут по преимуществу в полихронном времени, когда внимание обращено сразу на множество событий, и человек может быть очень гибок в отношении запланированных дел, потому что для него гораздо важнее долговременные отношения, нежели краткосрочные» [3, с. 76].

В «Этимологическом словаре» Дугласа Харпера мы находим, что слово «time» является однокоренным слову «tide» и имеет значение «прилив», «время», «час».

Таким образом, время в английской культуре изначально исчислялось приливами и отливами, что и было способом измерения времени, строгая периодичность которых и повлияла на восприятие времени. В то же время, этимология слова «time» указывает на более серьезное отношение ко времени со стороны представителей англо-американской культуры, представители которой по способу использования времени относятся к монохронной культуре, где время распределено таким образом, что в один и тот же отрезок времени возможен только один вид деятельности, поэтому все идет подобно звеньям цепи одно за другим, последовательно. Склонность представителей англо-американской культуры к планированию, соблюдению договоренностей, пунктуальности, сосредоточенность на выполнении одной задачи в определенный промежуток времени есть ни что иное, как проявление монохронности. Представители данной культуры воспринимают время линейно, уподобляя его дороге, начинающейся в прошлом и уходящей в будущее [10]. Данная структура времени создаёт четкую, строго очерченную систему приоритетов и само время превращается в одну из ценностей, становясь почти осязаемым, его можно «потратить», «потерять», «сэкономить».

Время, на настоящем этапе развития общества, действительно имеет огромную значимость и ценность как в русской так и в английской культурах, что находит своё отражение в пословичном богатстве языков. Темпоральная ориентация может описываться при помощи показателей пространственной ориентации. В соответствии с нашим представлением, прошлое – позади, а будущее – впереди:

«самое страшное уже позади», или «нас ждут приключения» (т.е. в будущем). Порой будущее «утопично» так как 1) оно помещается где-то в неопределенном *futurum*; 2) его ждут; 3) оно не соприкасается с настоящим. Это или апокалипсис (в религиозной картине мира) либо идеально устроенный мир (светлое будущее, коммунизм – в советской) [5, с. 77];

«lost time is never found again» т.е. прошлое необратимо, а «distant future» неизвестно.

Говоря о времени, мы зачастую соотносим его с какими либо событиями: а) о кратковременных или ближайших событиях русские и англичане скажут: «в два счета, во мгновение ока, в один присест»; «на носу», «не успеешь и оглянуться», «in no time», «in a twink» – т.е. очень быстро; б) о долго длящихся событиях: «битый час» (с неодобрением), «в долгий ящик откладывать, в час по чайной ложке, долгая песня», «for donkey's years» – т.е. очень долго. «I haven't seen you for donkey's years»; в) о неожиданных и ожидаемых событиях: «точно снег на голову», «the time is ripe» — т.е. время пришло, срок пришел; г) о событиях, которые никогда не наступят, либо вероятность исполнения которых невелика. Причем следует подчеркнуть, что для русского менталитета характерно неодобрительное отношение к событиям, долго длящимся во времени: «когда рак на горе свистнет», «после дождика в четверг», или «till Kingdom come» – т.е. слишком долго или маловероятно.

Время воспринимается как движение в пространстве, время «течет», «тянется», а порой жизнь проходит в погоне «за убегающим временем»: «time is motion» или «time flies». В основе метафоры «time is money» – понимание времени как ресурса – такая концептуальная метафора содержит в себе и способ взаимодействия с объектом, то есть время можно тратить (to spend / waste time), беречь (to save time) и т.д.

Время способно залечить любовные раны, «time works wonders». Оно подобно всемогущему магу, «time cures all things», т.е. лучший целитель: «time is a great healer». Время также может иметь эмоционально-ценностный окрас: оно может быть добрым и злым, может быть даже жестоким и безжалостным: «благое время», «добрый час», «роковое время», может быть благоприятным и неблагоприятным: «have a rough time», «have a fine time». Время даёт человеку шанс: «take time by the forelock». Говоря о времени в русской, так и в английской культурах, хочется вспомнить о том, что время мыслится как жидкость – оно «течет», как вода: «много воды утекло», или «a lot of water has flown under the bridge since we last met», текущая и необратимая вспять вода тождественна невозвратному потоку времени. Вероятно, есть связь происхождения данных оборотов с использованием в древности водяных часов. «Один из древнейших способов измерения времени был основан на количестве вытекающей воды, при помощи так называемых «водяных часов» [7, с. 27], поэтому время может «истечь».

Временной период также подразумевается при употреблении слова «пора» в русском языке: «летняя, зимняя, осенняя, весенняя пора», «пора отпусков», даже «пора любви». В английской культуре с целью показать последовательность повторяющихся циклических событий, употребляется слово «time»: «summer time», «winter time». Концепт времени также неразрывно связан с обозначением суток, но «эквивалентность для названия частей суток оказывается в значительной степени мнимой» [9, с. 57]. В английской культуре сутки делятся на полночь «midnight» и полдень «midday», причем полдень представляет время, предназначенное для работы, вторая половина дня представлена словом «afternoon». Различие в концептуализации членения суток проявляется при различии обозначения точного времени. Как уже говорилось выше, полдень «midday» и полночь «midnight» лежат в основе обозначения точного времени: 5 a.m. (ante meridiem) или 5 p.m. (post meridiem). При этом, время до полудня концептуализируется как «утро» и является необычным для представителей русской и украинской культур, так как в английском языке можно говорить о часе, двух и трёх утра (one, two, three in the morning). Концепты, по замечанию Д.С. Лихачева, возникают в сознании человека как отклики на предшествующий языковой опыт человека в целом [6, с. 51], и концепт «время – time» подтверждает свою неразрывность как с культурно-национальным сознанием народа, так и способность приобретать новую коннотацию, более актуальную для современного ритма жизни: «time is money», что уже прижилось как внешнее заимствование и в русском языке: «время-деньги».

Следовательно, будучи многомерным (как минимум, трехмерным) ментальным образованием, концепт «время – time» имеет образную сторону, представляющую собой опыт и историческую память, т.е. релевантные признаки практического знания; понятийную сторону – языковую фиксацию, его словарную дефиницию; ценностная же сторона концепта подтверждается его важностью для представителей как русской, так и английской культур. Отсчет времени в понимании человека ассоциируется с наступлением конкретных явлений, протяженностью действий в определённый отрезок времени. В характеристике времени в английской и русской культурах закрепился жизненный опыт и знания.

Таким образом, наряду с коммуникативной компетенцией следует формировать и лингвокультурологическую компетенцию при обучении языкам с целью развития языкового и культурного сознания, прививать интерес как к языку, так и к культуре, обучать мыслить и сравнивать, что в свою очередь поможет избежать трудностей в межкультурной коммуникации. Следует помнить что эффективная межкультурная коммуникация предполагает понимание как самой культуры, так и тех факторов, которые влияют на различные аспекты жизни.

Таким образом, для совершенствования процесса обучения иностранному языку и успешного его практического применения необходимы дальнейшие исследования в области лингвокультурологии в плане изучения ключевых концептов культуры, что в свою очередь даёт представление о языковой концептуализации мира, специфичного для каждого отдельного языка и имеющей особенности в каждой культуре, пользующейся данным языком.

Литература

- 1. Вежбицкая А.** Понимание культур через посредство ключевых слов. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 604 с.
- 2. Гумбольдт В.** Язык и философия культуры. – М.: 1985. – 349 с.
- 3. Кузьменкова Ю.Б.** От традиций культуры к нормам речевого поведения британцев, американцев и россиян. – М., 2005. – 316 с.
- 4.** Логический анализ языка. Культурные концепты. – М.: Наука, 1991. – С. 45–51.
- 5. Маслова В.А.** Когнитивная лингвистика, – Мн: Тетра Системз, 2004. – 256 с.
- 6. Маслова В.А.** Лингвокультурология: Учеб. пособие. – М.: Академия, 2004. – 208 с.
- 7.** Мокиенко В.М. Загадки русской фразеологии. – М.: Высш. шк., 1990. – 160 с.
- 8. Прохоров Ю. Е.** В поисках концепта. – М.: Наука, 2004. – 204 с.
- 9. Шмелёв А.Д.** Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 224 с.
- 10. George Lakoff.** The Contemporary Theory of Metaphor. Copyright George Lakoff, 1992. URL: <http://Lakoff>.
- 11. Англо-русский фразеологический словарь** / Под ред. А.В. Кунина. – 4-е изд., исп. и дополн. – М.: Рус. яз. 1984. – 895 с.
- 12. Даль В.И.** Сборник. Пословицы, поговорки и прибаутки русского народа. – СПб.: Литера: ВИАН, 1997. – Т. 1. – 416 с.
- 13. Сытель В.В.** Разговорные английские идиомы. – М., Просвещение, 1971. – 128 с.
- 14. Цыганенко Г.П.** Этимологический словарь русского языка. – К.: Рад. шк., 1989. – 511 с.
- 15. Этимологический словарь русского языка** / Под ред. Н.М. Шанского–Изд-во Моск. Ун-та, 1968. – Вып. 3. – Т. 1. – 437 с.
- 16. Online Etymology Dictionary** by Douglas Harper. 2001. URL: <http://www.etimonline.com/index.php>

Данная статья рассматривает практическое применение лингвокультурного подхода в обучении языку как одного из путей формирования коммуникативно-компетентной личности. В статье рассматриваются лингвокультурологические особенности концептуализации времени в англоязычной и русской культурах как пример соизучения языка и культуры. Данный подход при изучении языка способствует развитию успешной личности в условиях межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: лингвокультурология, концепт, межкультурная коммуникация, время, лингвокультурологическая компетенция.

У статті розглядається практичне вживання лінгвокультурного підходу у навчанні мові як засобу формування комунікативно-компетентної особистості; лінгвокультурологічні особливості мовної концептуалізації часу як культурного явища і поняття у російській та англомовній культурах як приклад вивчення мови та культури.

Даний підхід у вивченні мови сприяє розвитку успішної особистості в умовах міжкультурної комунікації.

Ключові слова: лінгвокультурологія, концепт, міжкультурна комунікація, час, лінгвокультурологічна компетенція.

In the proposed article the practical use of linguo-cultural approach that helps in the formation of a communicative-competent personality is considered. A lingua-cultural analysis of time conceptualization in Russian and Anglo-American culture is given as an example of linguo-cultural causation. The concrete realization of linguo-cultural approach in teaching and learning the language helps much in the development of a successful personality in the world of cross-cultural communication.

Key words: cultural linguistics, concept, cross-cultural communication, time, linguo-cultural competence.

УДК 811.111'38 + 929 Мердок

П. Ю. Шопин

МЕТАЯЗЫКОВАЯ РЕФЛЕКСИЯ В РОМАНЕ А. МЕРДОК «ЗАМОК ИЗ ПЕСКА»

«He talked and talked, and as he did so his heart was lightened as never before».

Iris Murdoch, The Sandcastle

Презентация коммуникации и речемыслительной деятельности персонажей и автора в словесном творчестве является одной из наиболее актуальных проблем современной филологии. Описание языковой личности писателя и героев его произведений обеспечивает понимание их мышления и психологических особенностей. Метаязыковые высказывания являются, на наш взгляд, тем материалом, который позволяет понять ментальность человека, т.к. рефлексия над речью раскрывает ценностные приоритеты языковой личности, уровень ее интеллектуального и духовного развития. И.Т. Вепрева пишет о значимости изучения процессов метаязыковой рефлексии, указывая на тот факт, что: «исследование вербализированной метаязыковой деятельности языковой личности позволяет «заглянуть» в «черный ящик» сознания, реконструировать различные этапы речемыслительного процесса» [1, с. 35].

В настоящей публикации рассматривается рефлексия над речью персонажей как одна из ключевых характеристик романа А. Мердок «Замок из песка». Мы также сделаем попытку классификации метаязыковых высказываний на основании их природы, функций и структуры. Выбор данного произведения обусловлен тем, что метаязыковые высказывания и эксплицированная рефлексия составляют

основу не только диалогов в тексте произведения, но и внутренней речи главных героев.

Рефлексия над коммуникацией эксплицируется в метаязыковых высказываниях персонажей и автора, когда они пытаются понять окружающую их реальность: «метаязык есть результат рефлексии и контроля языкового сознания над своей работой» [2, с. 243]. Следовательно, объектом нашего исследования будут высказывания в тексте художественного произведения, которые являются результатом метаязыковой рефлексии.

Метаязыковыми высказываниями мы будем называть все языковые средства, с помощью которых передается процесс рефлексии над речью. Термин «рефлексия» определяют следующим образом: «тип философского мышления, направленный на осмысление и обоснование собственных предпосылок, требующий обращения сознания на себя... Рефлексия – процесс зеркального взаимоотражения субъектами друг друга и самих себя в пространстве коммуникации и социального взаимодействия...» [3]. Рефлексия проявляется не только в контроле и комментировании своей речи, но и в рефлексивном восприятии речи другого участника общения, осознании особенностей общения в целом, что может быть эксплицировано в авторских ремарках, внутренней речи персонажа. Языковая личность стремится разобраться в обстоятельствах порождения определенных высказываний либо отдельных слов и выражает в метаязыковых высказываниях не только отношение к говорящему, но и к себе, а также к окружающему миру. Н.И. Бирюков говорит о рефлексии как об основе человеческого сознания: «Загадка сознания – это загадка рефлексии, удивительной способности взглянуть на себя со стороны, как если бы «я» было «не-я». Но для этого надо сначала найти себя вне себя, найти что-то такое, что есть одновременно и «я», и «не-я». Этому диалектически противоречивому требованию удовлетворяет лишь другой человек. ... И только *наши* совместные действия, опосредованные отличным и от другого, и от меня, но и для другого, и для меня одним и тем же предметом, создают необходимые условия для рефлексии и самосознания...» [4, с. 106]. Совместным действием, которое создает условия для рефлексии персонажей романа, становится коммуникация, а ее «орудием» – язык: «сознание как высшая, понятийная ступень мышления формируется только на базе языка» [1, с. 32-33].

Чрезвычайно значимым представляется осознание дискурсивной природы метаязыковых высказываний в тексте романа А. Мердок «Замок из песка». Рефлексия касается не только отдельных лексических единиц, но также затрагивает осознание процесса коммуникации во всей его многогранности: «...words themselves do not contain wisdom. Words said to particular individuals at particular times may occasion wisdom» [5].

Языковое сознание персонажа находится в центре внимания автора и читателя, и осмысление реальности достигается именно на

уровне рефлексии не только над речью, но и над поведением и взаимоотношениями между людьми. Г.В. Ейгер определяет следующие функции языкового сознания: отражательная (создает языковую картину мира), оценочная, ориентировочно-селективная, интерпретационная, регулятивно-управляющая [1, с. 45]. Метаязыковые высказывания могут быть классифицированы согласно выполняемым функциям, о чем речь пойдет ниже. При экспликации метаязыковых высказываний в тексте художественного произведения мы становимся свидетелями сознательных интеллектуальных усилий по преодолению автоматизма коммуникации.

Метаязык часто используется при необходимости преодоления определенного напряжения в общении. Однако рефлексия над речью присуща лишь людям с определенным уровнем интеллектуального развития и культуры. Можем сделать вывод о том, что герои романа А. Мердок являются сильными языковыми личностями. Однако сам факт рефлексии не свидетельствует о моральных качествах человека; главную роль играет характер метаязыковых высказываний, их направленность: «...самоинтерпретация, рефлексия над своей жизнью (будь то жизнь внешняя, событийная, или внутренняя – жизнь мыслей и эмоций) неотделима от интерпретации языка и коммуникации. Глубина этой интерпретации зависит от общей культуры человека» [6].

Слова Марианны Гейде о книге Айрис Мердок «A Fairly Honourable Defeat», на наш взгляд, также верны по отношению к «The Sandcastle». Мир «Замка из песка» «имеет два равноопасных (подчас даже для самой жизни) полюса: ужас «идеального заключенного», лишенного возможности рефлексии, – и ужас самой рефлексии, оторванной от мира вещей и обращенной саму на себя в бесконечном самоосмыслении: тогда вещи – дома, интерьеры, одежда, самые человеческие тела – выскользывают из рук, живые цветы подозрительно похожи на искусственные, а искусственные – на живые, тогда сама способность мыслить помещает человеческое сознание в свой личный концлагерь, где приказы отдают даже те, кто не подозревает об этом» [7]. Диалектическое единство «рефлексия-безрассудство» и соотношение конструктивного и деструктивного в самой рефлексии мы обнаруживаем в метаязыковых высказываниях персонажей произведения.

А. Мердок писала: «Our destiny can be examined but it cannot be justified or explained...» [8]. В романе рефлексия помогает Уильяму Морю понять происходящее и оценить его, но она не позволяет ему действовать решительно, потому что сознание тесно связано с рациональным поведением в обществе («conventional morality»), а любовь женатого человека к молодой девушке требует безрассудства. Уильям Мор постоянно находится в состоянии рефлексии над общением с другими людьми, для него чрезвычайно важно, что он говорит и слышит: «Of course it takes a long time to know a man, and this is only an impression. What do you think, Mrs Mor?» Mor held his breath. He thought the question

rather bold. He hoped that Nan was not going to dislike Miss Carter» [9, p. 32]; «You still haven't sold this box, Tim», said Donald. Really! thought Mor, doesn't Don know how Tim always responds to any remark of this sort – and if he does know, why does he make it» [9, p.65]; «What do you want that box for?» said Mor sharply. «Whatever will you use it for?» He immediately regretted his words. Nan turned quickly towards him, Tim Burke averted his face, and Don blushed scarlet. ... Mor wished he could blot out his words» [9, p. 65]; «Oh», said Miss Carter, «I *must* swim! Do you mind? I must! I must!» Mor felt a little alarmed and shocked at this suggestion; but he felt too that his permission was being asked and he could hardly say no. He was silent. «Oh, please I *must* swim», said Miss Carter again» [9, p. 91]; «There was something about the way in which Tim had said, «I saw you in a car with a girl», which made Mor suddenly see the situation from the outside; and seen from the outside it looked as if it were something, whereas seen from the inside it was of course nothing, nothing at all» [9, p. 106].

В то же время рефлексия не всегда означает объективную оценку речи собеседника и во многих случаях не помогает Мору формулировать и контролировать свои высказывания. Наоборот, в эксплицированных метаязыковых высказываниях Уильяма Мора главенствует оценка уже свершившейся коммуникации: «I'm afraid your Irish imagination has carried you away a bit, Tim. That was just Miss Carter, who's painting Demoyte's portrait. And in fact I would have been with you this afternoon if it hadn't been that the car broke down». Tim was silent. All this isn't quite true, thought Mor. Oh God!» [9, p. 99]; «Bledyard said at last, «I sent her away». «*You sent her away?*» said Mor. He almost laughed at the impudence of it» [9, p. 195]. Но метаязыковые высказывания показывают моральную оценку происходящего. Рефлексия постоянно возвращает главного героя к реальной жизни, что не мешает ему отвергать жизнь в пользу мечты до последнего момента. С другой стороны, возможно именно любовь к Рейн и была настоящей жизнью Уильяма Мора, которую разрушило конвенциональное восприятие реальности, сознание своего места в обществе. Рефлексия над речью и жизнью наталкивает Мора на мысль о неслучайности его привязанности к Рейн, но она же превращает любовь в эфемерное чувство, «фантазмагорию». А. Мердок противопоставляет рациональное поведение и поведение человека, движимого чувством любви: «Of course Good is sovereign over Love as it is sovereign over other concepts, because Love can name something bad. But is there not nevertheless something about the conception of a refined love, which is practically identical with goodness? Will not «Act lovingly» translate «Act perfectly,» whereas «Act rationally» will not? It is tempting to say so» [8].

Рефлексия заменяет реальность, речь сменяется метаязыком, а жизнь становится непрерывным строительством и разрушением замков из песка. Об этой особенности произведений А. Мердок писала Дж.К. Оутс: «Murdoch believes that the «inner» world is, in a sense, parasitic upon the «outer» world, and that love, far from being the redemptive, all-

consuming force that sentimentalists consider it, is in fact the most dangerous of all delusions. It is bound up helplessly with egoism and personal fantasy, the «tissue of self-aggrandizing and consoling wishes and dreams which prevent one from seeing what there is outside one,» and it is, fairly normally, too myopic, possessive, and «mechanical» to aid one in a realistic interpretation of the universe. Emotions that feel «genuine» and «existential» enough but are, of course, illusions, sheer phantasmagoria» [10].

С одной стороны, метаязыковая рефлексия необходима для разрешения конфликтных ситуаций и обеспечивает понимание реальности и представлений, преобразенных в общении: «Mor went through to what she called the downstairs toilet and tried to wash his hands. They were blackened, as usual, by the ancient rubber grips on the handle-bars. Soap made little impression on the dirt, although plenty came off on the towel. Mor, who had deduced from Miss Handforth's tone that she was hostile to Mr Demoyte's other guest, decided that he would not be, as she put it, polite, and instead he mounted the stairs and knocked on the door of Demoyte's dressing-room» [9, p. 26]; «All right», said Tim, reluctantly replacing the earrings. «Is it yes or no?» ... In the face of this rather fierce question he suddenly realized that he was, that he has been perhaps for some time, in the position of the coy maiden who has made up her mind but who puts up a show of resistance merely in order to be persuaded. He hated vain shows. ... He said, «The answer is yes, of course. But there are a number of difficulties». Tim turned on him. «Yes, is it?» he cried. «Holding out on us, were you? And I thought you would surely say no, and no again for the next months!» [9, p. 67].

С другой стороны, в романе рефлексия часто разрушает само общение, поскольку она служит для нагнетания коммуникативного напряжения, что наиболее ярко отражено в спорах Мора с женой: «Don't nag him about the climbing», said Mor. Donald wanted to go on a climbing holiday. His parents were opposed to this. «Don't use that word at me!» said Nan. «Someone's got to take some responsibility for what the children do» [9, p. 11]; «I wonder how much longer the heat wave will last». «In other countries», said Nan, «they just have the summer-time. We have to talk about heat waves. It's dreary» [9, p. 12]; «You'll enjoy it when you're there». «You always make that futile remark», said Nan, «and I never do. Will there be company?» Nan hated company. Mor liked it. [9, p. 12]; «Don't forget we must talk to Felicity about her future». «Must we?» said Mor. This was the sort of provocative reply which he found it very hard to check, and by which Nan was unfailingly provoked. A recurring pattern. He was to blame. «Why do you say «must we?» in that peculiar tone of voice?» said Nan. She had a knack of uttering such a question in a way which forced Mor to answer it [9, p. 14-15].

Метаязыковые высказывания чрезвычайно частотны в тексте художественного произведения, что показывает исключительную значимость общения в жизни персонажей. В тексте мы находим целые

комплексы метаязыковых высказываний, которые сконцентрированы в диалогах ключевых персонажей [9, p. 15, 45–46, 48–49, 59–60, 71, 86–87, 110–111, 113, 114–115, 141, 167–169, 192–198]. Приведем пример такого комплекса метаязыковых высказываний: «He put the phone down. Then he stood quite still in the telephone-box and a strange cold feeling came over him. Why on earth had he done that? Why had he told a lie? Why hadn't he said that he was out with Miss Carter in the car? He hadn't even reflected about it, he had told the lie immediately, without even thinking. Why? ... Here I am telling another lie, said Mor to himself. Suddenly, he said to Miss Carter. «I'm sorry, that's not true. The fact is that, I don't know why, I didn't tell my wife that I was with you in the car – which was very foolish of me». ... Now she'll despise me, thought Mor. She'll despise me for telling her that I told it. «Oh dear», said Miss Carter. «You'll have to tell her when you get back. She won't mind much, will she? But I expect she'll be cross with me». Mor felt a sudden relief... He was grateful to Miss Carter for the simple way in which she had dealt with it, and he was glad now that he had told her. ...«We may have missed the turning...» He felt that this last exchange had broken some barrier between himself and Miss Carter, and he found himself now more at ease in her presence. For a moment he was almost glad of his foolishness» [9, p. 86-87].

При изучении природы и функций метаязыковой рефлексии актуальной проблемой становится ее классификация. Мы хотели бы указать на некоторые варианты систематизации корпуса метаязыковых высказываний в тексте романа А. Мердок «Замок из песка». Прежде всего, следует отметить разделение метаязыковых высказываний в соответствии с объектом рефлексии: а) слово (лексическая единица): «She has some pathetically comic name». «Rain Carter», said Mor. «Rain Carter!» said Nan [9, p. 12–13]; «Oh yes, please», said Miss Carter. «I love children's art». It seemed to Mor a little quaint that she should refer to the boys as children. It occurred to him that he was regarding Miss Carter as being in some way more youthful than his own pupils» [9, p. 51]; б) высказывание: «Hello, sir», said Mor, swinging on the door, «where's Miss Carter?» «Accustomed as I am», said Demoyte, without turning round, «to being treated like an old useless piece of outdated ante-diluvian junk, I—» «Sorry, sir», said Mor...» [9, p. 146]; «To have made the declaration at all was insane; he could not think how he could have been so foolish» [9, p. 153]. Можем также указать на различие конвенционального и неконвенционального метаязыка, хотя здесь граница условна: речь идет о метаязыковых клише и оригинальных высказываниях персонажей: а) метаязыковые клише: «When did you first», said Mor – he could not find the words - «notice me at all?» [9, p. 167]; «All right, Bill», she said. «You are obviously what they call a fast worker» [9, p. 185]; б) оригинальные метаязыковые высказывания: «He doesn't want to be summed up by a slip of a girl», said Mor. He glanced sideways at her. Miss Carter smiled faintly. «But I will sum him up», she said, «I will» [9, p. 50]; «Mr Demoyte is enjoying himself», she said. «I'd better

rely on you instead. Could you please get me all his books? Can I trust you, I wonder?» She spoke with a cool peremptory air which Mor might have resented. «Yes!» said Mor fervently. He did not resent it» [9, p. 51]. Важным критерием при рассмотрении языковой рефлексии является ее функционирование в словах автора, прямой и внутренней речи персонажей, при этом все случаи метаязыка связаны с рефлексией героев романа.

При классификации метаязыковых высказываний по функциям, которые они выполняют, следует учитывать, что отражательная функция проявляется во всех случаях метаязыковой рефлексии; оценка речи непосредственно связана с ее интерпретацией персонажами; ориентировочно-селективная и регулятивно-управляющая функции наименее эксплицированы во внутренней речи персонажей. Интерпретация и оценка своей и чужой речи играют важную роль в понимании концептуальных основ языковой личности персонажей: Mor was answering a question. «Freedom», he said, «is not exactly what I would call a virtue. Freedom might be called a benefit of a sort of grace – though of course to seek it or gain it might be a proof of merit» [9, p. 58–59]; «Rain», said Mor, «Rain». It did him good to utter her name» [9, p. 165]; «Nan found to her surprise that the words were not new after all» [9, p. 186]; «Well, you tell me what that is, Bledyard», said Mor. «I can see you're going to in any case» [9, p. 196]; «I'm glad too», he said. «It'll be good for her!» The words were empty. The future in which Nan would enjoy the benefit of her daring did not belong to him» [9, p. 247].

Классификация метаязыка в соответствии с используемыми языковыми средствами [11] представляется сомнительной, т.к. метаязыковые высказывания могут содержать любые языковые компоненты. Для классификации высказываний-рефлексивов И.Т. Вепрева предлагает четыре основных критерия нормативности языкового выражения: а) динамический (употребление новой, незнакомой лексической единицы), б) стилистический (маркирован-немаркирован), ксеноразличительный (дихотомия социальной принадлежности «свой» – «чужой»); в) деривационный, идеологическая переориентация концептосферы; г) личностный [1, с. 105–108]. Метаязык романа в наибольшей мере связан с личностным и стилистическим оцениванием нормативности речи. Динамический и деривационный критерии малоинтересны для нашей классификации, поскольку нет значимых примеров подобной речевой рефлексии. Единственным случаем возможного использования динамического «рефлексива» являются метаязыковые высказывания об имени «Рейн»: «She's called Rain Carter, for some obscure reason», said Donald» [9, p. 129]; «I think it's a pretty name», said Felicity [9, p. 129]. Здесь наблюдается одновременно деривационное и динамическое напряжение, потому что имя собственное «Rain» является неологизмом и одновременно именем нарицательным (rain – дождь). Классификация метаязыковых высказываний может быть

сделана в соответствии с теми этапами речемыслительного процесса, на которых происходит метаязыковая рефлексия. В большинстве случаев метаязык описывает уже свершившуюся коммуникацию, но есть примеры рефлексии до начала собственно коммуникации, а также в момент порождения речи.

В зависимости от результативности метаязыка можно классифицировать его на метаязыковые высказывания, которые снимают коммуникативное напряжение, и высказывания, ведущие к его росту. Дифференциация метаязыковых высказываний могла бы основываться на дихотомии «вежливый – невежливый», которая проявляется в большинстве случаев метаязыка романа, т.к. основным жанром коммуникации в произведении является фатическое общение, и нормативность в нем устанавливается благодаря правилам речевого этикета. К сожалению, сложно классифицировать такие приемы презентации языковой рефлексии, как повтор высказывания говорящего адресатом с последующей его оценкой, пересказ речи других героев, аллюзии с повтором текста другого произведения, повтор речи другого персонажа как воспоминание (высказывание отца Рейн, которое воспроизводит героиня во внутренней речи).

Подводя итоги, можем сказать о том, что результаты данной работы подтверждают предположение об особой роли метаязыковых высказываний в романе А. Мердок «Замок из песка». Метаязыковая рефлексия персонажей романа требует дальнейшего изучения, т.к. в процессе исследования установлено, что оценка и интерпретация «Замка из песка» теснейшим образом связаны с метакоммуникацией героев произведения, с их самосознанием, которое находит свое отражение в тексте. Экспликация автором языкового сознания персонажей через метаязыковые высказывания свидетельствует о внутренней созерцательности самого автора, о его пристальном внимании к подсознательному, внутреннему миру и языковому бытию героев. Рассмотрение языковой личности автора и персонажей художественного произведения, основанное на материале метаязыковых высказываний, является перспективным направлением дальнейшего исследования, а детальный анализ основных классов метаязыковых высказываний, выделенных в настоящей работе, позволит понять глубинные центры языкового сознания персонажей и автора и даст возможность интерпретировать метаязык в контексте авторского замысла.

Литература и примечания

1. Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. – 384 с. **2. Мечковская Н.Б.** Семиотика: Язык. Природа. Культура: Курс лекций. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 432 с. **3. Грицанов А.А., Абушенко В.Л.** Рефлексия// История философии: Энциклопедия. — Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом. 2002. — 1376 с.// <http://www.velikanov.ru/philosophy/refleksija.asp>.

- 4. Бирюков Н.И.** Проблема происхождения сознания в позднесоветском неомарксизме// Ільєнковські читання – 2006: Матеріали VIII Міжнародної наукової конференції. – К.: НАУ, 2006. – С. 103-107.
- 5. Macintyre, A.** Which world do you see?// <http://partners.nytimes.com/books/98/12/20/specials/murdoch-metaphysics.html>.
- 6. Сидорова М.Ю.** Рефлексия «наивного» говорящего над языком и коммуникацией (по материалам открытых Интернет-дневников)// www.philol.msu.ru/~sidорова/articles/Reflection.html.
- 7. Гейде М.** Без права на рефлексия// www.knigoboz.ru/news/news2786.html.
- 8. Lita, A.** «Seeing» human goodness: Iris Murdoch on moral virtue// <http://www.ul.ie/~philos/vol7/murdoch.html>.
- 9. Murdoch, I.** The Sandcastle. – Kharkiv: Ranok-NT, 2003. – 288 p.
- 10. Oates, J.C.** Sacred and profane Iris Murdoch// http://www.usfca.edu/fac_staff/southern/murdoch.html.
- 11. Горяева М.А.** Языковая рефлексия как текстообразующий компонент// www.phil.pu.ru/depts/02/anglistikaXXI_02/28.htm.

В статье речь идет об особенностях использования метаязыковых высказываний в романе А. Мердок «Замок из песка». Автор рассматривает дифференциальные черты метаязыка художественного произведения и предлагает несколько вариантов его классификации. Метаязык романа представляется как важный элемент стиля писательницы и ее языковой личности.

Ключевые слова: классификация, метаязык, рефлексия, сознание, экспликация, языковая личность.

У статті мова йде про особливості використання метамовних висловлювань у романі А. Мердок «Замок із піску». Автор розглядає диференційні риси метамови художнього твору і пропонує декілька варіантів її класифікації. Метамова роману представляється як важливий елемент стилю письменниці та її мовної особистості.

Ключові слова: експлікація, класифікація, метамова, мовна особистість, рефлексія, свідомість.

The article deals with the intricacies of meta-linguistic expressions in the novel of I. Murdoch *The Sandcastle*. The author analyzes characteristic features of the meta-language of the work and suggests several variants of its classification. Meta-language of the novel is considered as an important constituent of the author's style and her linguistic personality.

Key words: classification, consciousness, explication, linguistic personality, meta-language, reflection.

Н. Л. Юган

**«БЫЛИ И НЕБЫЛИЦЫ» В. ДАЛЯ В ЛИТЕРАТУРНОЙ
КРИТИКЕ 30–40-х гг. XIX в.**

Появление четырех книг В. Даля «Были и небылицы Казака Владимира Луганского» (1833–1839), включающих в себя 13 разножанровых произведений, привлекло внимание современной автору критики. В 40-х гг. XIX в. при выходе новых произведений современники вновь дают оценку текстам «Былей и небылиц», учитывая при этом их роль и место в творческой эволюции писателя. В предлагаемой статье впервые делается попытка проанализировать в совокупности все обнаруженные на данный момент высказывания о «Былей и небылиц» литературных критиков 1830–1840-х гг.

Растянувшаяся практически на целое десятилетие публикация цикла Даля не способствовала его целостному восприятию современниками писателя. К тому же незадолго до «Былей и небылиц» появился оригинальный высокохудожественный «пяток первый» «Русских сказок» (1832), который произвел большой общественный резонанс. Некоторые высказывания критиков о сказочных произведениях нового цикла – повод дать оценку прежним опытам Даля.

Отдельные произведения «Былей и небылиц» были охарактеризованы при их появлении в периодических изданиях.

В № 24 «Московского телеграфа» за 1830 г. Н. Полевой назвал опубликованную в журнале «Цыганку» «превосходным сочинением» [1].

Разные оценки получила сказка «О Емеле-дурачке», вошедшая в состав альманаха «Новоселье» (СПб, 1833). В № 5 «Московского телеграфа» за 1833 г. редактор обвиняет Даля в «подделывании», безыскусном подражании уму и языку народной сказки. Как писатель-романтик Полевой призывает автора «напитаться духом народным, обогатить свой язык языком сказок и создавать свое» [2, с. 105]. Вместе с тем после всех порицаний и поучений критик отдает «всю справедливость начитанности и памяти Казака Луганского: он узнал простонародье русское до дна (выд. автором. – Н. Ю.)» [2, с. 105]. В № 79 «Северной пчелы» за 1833 г. анонимный рецензент отмечает национальный «простонародный» характер обработки «Емели», остроту и высокохудожественность текста [3, с. 315]. Н. Надеждин в № 5 «Телескопа» за 1833 г. называет сказки Казака Луганского замечательным явлением в отечественной словесности. Он считает, что писатель угадал тайну русского национального характера, постиг специфику народного юмора. Однако в «Емеле» рассказ Казака Луганского «слишком забросан пословицами и прибаутками», «не оживляется изобретательностью», «не проникается одною цельною

мыслью», а потому большею частью «скучен и утомителен» [4, с. 104–105].

В «Обзрении русских газет и журналов по части изящной словесности» в № 74 «Литературных прибавлений к Русскому инвалиду» за 1835 г. Я. Неверов называет вышедшую в «Библиотеке для чтения» (Т. 5, 1834 г.) сказку Казака Луганского «О воре и бурой корове» «чисто русским народным рассказом» [5, с. 591]. Заслугой писателя он считает оригинальную обработку лубочного источника русскими народными поговорками, пословицами, изречениями, присказками. Таким образом, по мнению критика, Даль постигает «русский ум», «русское сердце», «русскую историю» и представляет образованному обществу «русский народный дух» [5, с. 591].

По мере выхода в свет отдельных книг «Былей и небылиц» (1833, 1835, 1836, 1839 гг.) появляются критические отзывы на них.

В № 53 «Северной пчелы» за 1833 г. один из издателей Н. Греч [6, с. 233–234] пишет о повестях I-ой книги цикла как о достойных внимания читателей «по вымыслу и изложению». Критик отмечает реалистичность, «замысловатость» и «живость» повествования «Нападения врасплох». Но при всем этом «Цыганка», по его мнению, превосходит данное произведение «как основною своею идеею, так и исполнением». В конце рецензии Греч восторженно восклицает: «Книжка первая? (выд. автором. – Н. Ю.) Следственно, будет и вторая, и третья? – Давай Бог!» [7]. Полевой в № 6 «Московского телеграфа» за 1833 г., подтверждая свою первоначальную высокую оценку «Цыганки», обосновывает и конкретизирует ее. «Превосходный рассказ» здесь «соединен с изяществом основной мысли», в ней создан поэтический образ цыганки Кассандры, повествование отличается тонким психологизмом. Более сдержанно критик говорит о «Нападении врасплох», считая вымысел повести «уродливым», но и в нем видит достоинства – верно схваченные с природы характеры, комизм повествования. В целом Полевой называет стиливую манеру писателя «прекрасной» в обеих повестях [8, с. 241–243].

В № 10 «Молвы» за 1835 г. был помещен отзыв В. Белинского о II-ой книге «Былей и небылиц». Критик разочарованно говорит о крушении надежд на Казака Луганского как на «необыкновенного художника, которому суждено создать народную литературу». Недостатками далевских литературных сказок он считает чрезмерное балагурство и «некритическое заимствование» народных сказочных сюжетов. Разбор произведений книги Белинский завершает выводом: представленные здесь сказки «одна другой хуже». Однако в конце все же не может удержаться от похвалы авторскому мастерству: «так забавно, что невозможно читать без смеха». В целом же критик очень строго оценил Даля: «творчества у него нет и не бывало», «забавный балагур» [9, I, с. 153].

Свое мнение о сказках Даля Белинский подтвердил и в 1836 г. в рецензии на «Святочные рассказы» неизвестного автора. Произведения писателя-новичка, в которых соединяются «простодушные и лукавство», «прекрасная мысль» под «простонародно-фантастической формой», критик сравнивает со сказкой Даля, не имеющей часто «ни мысли, ни цели, ни начала, ни конца» [9, II, с. 225].

Несомненно, оценка Белинским сказочного творчества Даля отразила его отношение к литературной сказке как жанру. В 1835 г. критик сходно отзывался о сказке П. Ершова, в которой, по его мнению, «отсутствуют художественные достоинства», а сказки Пушкина, хоть и не отрицал вовсе, считал непопулярными [9, I, с. 150–151]. Впоследствии в отзыве на «Повести, сказки и рассказы Казака Луганского» (1846) Белинский в целом смягчает данную им ранее характеристику далевских сказок, но признается, что не совсем понимает «этот род сочинений». Единственно приемлемыми он считает «верно записанные под диктовку народа сказки» [9, X, с. 81].

В «Современнике» в т. 3 за 1836 г. и в т. 15 за 1839 г. появились библиографические описания вышедших III-ей и IV-ой книг «Былей и небылиц» [10; 11].

В рецензии на III-ю книгу в т. XVII «Библиотеки для чтения» за 1836 г. О. Сенковский [12, СXXXI], пародируя сказовую манеру далевского повествования, сообщает от имени кумы Соломонида подслушанный разговор дяди Софрона, попа Осипа, кума Матвея. Сенковский не принимает ни созданный Далем образ сказочника, ни стиль его произведений, который непонятен, по его мнению, простому «народу православному»: «А собрались <...> мужики, дураки, Заолешане, думали, гадали: «Куда-де он хитер, Казак Луганский! Будто хмель золотой по тычинке вьется; змейкою со словечка на словечко переходит <...>». «Слово есть, мысль придет сама», – пишет о сказках Даля рецензент. Ему вторит и дядя Софрон, «мужик ряжий, грамотей»: «Сказка слово, вестимо дело, да в слове-то надобно дело (в обоих случаях выд. автором. – Н. Ю.), сиречь смысл <...>» [13]. Изобилие пословиц и поговорок, присказок и прибауток приводит к утрате значения фразы, превращает повествование в пустую болтовню. Высказанная точка зрения основывается на системе теоретических воззрений Сенковского, в частности на его теории разговорного языка, в которой он настаивает на «выпрямленном языке», на предложении смыслового, а не эмоционально-образного типа [14, с. 341, 371, 380–381, 425, 446, 474]. Понятно, что с этой позиции критик не мог принять далевских новаций.

Наибольшее количество отзывов получила IV-ая книга цикла. В ней внимание критиков привлекла, прежде всего, пьеса «Ночь на распутье». А. Краевский в т. IV «Отечественных записок» за 1839 г. ставит в заслугу Далю умение тонко проникнуть в «самую сущность русского юмора», поэтически точно воссоздать образы народной

демонологии [15, с. 1–4]. Он отмечает значимость далевских новаций для всей русской литературы: «С появлением этой драмы начинается новый век для нашей мифологии, не чопорной и не кудрявой, как некогда думали, но игривой и простодушно поэтической <...>» [15, с. 6]. Этот же критик в № 5 «Литературных прибавлений к Русскому инвалиду» за 1839 г. считает «Ночь на распутье» явлением исключительным в современной отечественной литературе: «<...> эта фантазия <...> проникнута такой жизнью, такую свежестию мечты, что мы признаем ее одним из самых благоухающих цветков русской поэзии <...>» [16, с. 92]. В обоих отзывах сказочные произведения книги Краевский хвалит за «русскую игривость, насмешливость и простодушие» [15, с. 7; 16, с. 93]. В рецензии, опубликованной в т. IX «Сына отечества» за 1839 г., издатель журнала Ф. Булгарин отмечает сходство творческих принципов пьесы Даля и прозы А. Вельтмана: «То, что пробовал А.Ф. Вельтман в романе и повести, г-н Даль решился теперь испытать в драме. <...> Смотрите на нее как на драматическую картину русского сказочного мира, изложенную в разговорах, и вы убедитесь, что картина прекрасна!» [17, с. 137]. Вместе с тем, он строго осуждает помещенные в книгу сказки: «пародии», «приторное балагурство и безвкусице», «пустая болтовня на манер каких-нибудь мужиков» [17, с. 138–139]. В т. XXXV «Библиотеки для чтения» за 1839 г. Сенковский резко критикует Даля за приверженность «грубой», «противоизящной», «лапотной» литературе. Он осуждает стремление Казака Луганского подделаться «под грубый язык простолюдинов», его «шутовство» [18, с. 13–14]. Критик считает, что просторечье фантастических персонажей лишает «Ночь на распутье» «прелести и чистоты русской волшебной сказки» [18, с. 14]. Остальные произведения книги, по его мнению, вообще не заслуживают внимания [18, с. 26].

Отзывы о произведениях «Былей и небылиц» остались в письмах и дневниках современников писателя. Подразумеваемая журнальную публикацию «Цыганки», П. Плетнев в письме к В. Жуковскому от 17 февраля 1833 г. характеризует повесть как «очень замечательную» [19, с. 527]. Декабрист В. Кюхельбекер в изгнании, получив задержавшиеся журнальные номера, сочувственно отзывается о «Цыганке» в своем «Дневнике» 28 марта 1834 г.: «<...> повесть Даля «Цыганка» (в «Телеграфе») не без достоинства <...>» [20, с. 299]. Заслуживает внимание и тот факт, что первые три книги «Былей и небылиц» находились в библиотеке Пушкина, но, к сожалению, не дошли до нас, были утеряны [21, с. 15]. Возможно, Даль лично преподнес Пушкину хотя бы одну из них при встрече [22, с. 92]. В рецензии на IV-ю книгу «Былей и небылиц» в «Отечественных записках» Краевский замечает, что «сказки Даля его (Пушкина. – Н. Ю.) восхищали». «Мы помним еще, – добавляет рецензент, – как он читывал наизусть почти всю сказку его «О жиде вороватом и цыгане бородатом» [15, с. 7]. Все сказанное

свидетельствует не только о дружеских контактах писателей, но и о внимании и интересе Пушкина к творчеству Даля.

Таким образом, появление «Былей и небылиц» привлекло внимание современников Даля. Они дали оценку журнальным публикациям отдельных произведений «Былей и небылиц» и охарактеризовали каждую книгу цикла в целом. Интерес у критиков возник к авторской работе над стилем и языком повествования, к воплощенным оригинальным способам обработки фольклора, принципам воссоздания в литературном произведении русского национального быта. При этом мнение современной писателю критики не было однозначным. Оценка далевских опытов каждым критиком связана, прежде всего, с его эстетическими воззрениями. Внимание современников Даля к его художественным опытам и экспериментам, полемичность критических статей указывает на то, что в «Былях и небылицах» автор ставил и по-своему решал насущные проблемы развития жанрово-стилевой системы русской литературы.

Особенности последующего изучения «Былей и небылиц» обусловлены их творческой историей. Дело в том, что в 1846 г. все произведения «Былей и небылиц» Даль включил в собрание сочинений «Повести, сказки и рассказы Казака Луганского», и цикл перестал существовать как самостоятельная единица. С этого времени анализ текстов «Былей и небылиц» проводился в совокупности с другими произведениями 1830-х гг. При этом сказки данного цикла характеризовались вместе со сказочными произведениями «пятка первого».

В 1840-х гг. высокие оценки творчества писателя В. Белинского, Н. Гоголя, И. Тургенева, С. Шевырева были связаны с вышедшим изданием «Повести, сказки и рассказы Казака Луганского». Гоголь и Тургенев, находясь под воздействием авторитетного мнения Белинского [23, с. 97], своеобразно и в то же время во многом сходно говорят о реалистичности и народности произведений писателя. Так, Белинский считает любовь Даля к русскому народу «не чувством, не отвлеченной мыслью», а «деятельной, практической» [9, X, с. 80]. Гоголь развивает данное утверждение, обращая внимание, прежде всего, на достоверность и глубину отображения автором реальной действительности: «все у него правда и взято так, как есть в природе» [24, с. 424]. Тургенев конкретизирует высказанное Белинским суждение о народности Даля, понимая под народностью «сочувствие к народу, родственное к нему расположение <...>» [25, с. 278]. Таким образом, три величайших деятеля в литературе данного периода в один голос возвестили о рождении «самобытного», «истинно народного» писателя. Этой же точки зрения придерживается и Шевырев, который в критическом анализе русской литературы за 1846 г. называет далевские «Повести, сказки и рассказы» «одним из лучших украшений прошлогодней словесности». Он считает Даля автором, который «познакомился с Русью не в кабинете,

не по книгам, и который умеет заставить прочесть все, что ни выйдет из-под его пера» [26].

Конечно, приведенные высокие оценки критиков касались, прежде всего, физиологических очерков автора, которые Белинский считал «перлами современной русской литературы» [9, X, с. 83]. Но вместе с тем в отзывах по-новому оценивалось и сказочное творчество Даля 1830-х гг. В названной рецензии Белинский существенно смягчил свои первоначальные выводы о далевских сказочных опытах. Критик пишет: «Он (Даль. – Н. Ю.) так глубоко проник в склад ума русского человека, до того овладел его языком, что сказки его – настоящие русские народные сказки...» [9, X, с. 81–82]. Тургенев не видит в них «особенно художественного достоинства со стороны содержания», но отмечает «русский склад ума и речи, изумительное богатство чисто русских пословиц и оборотов», «неподдельный и свежий колорит», отличающий «от пошлого балагурства непризнанных народных писателей» [25, с. 278]. Приняв этот жанр, Белинский все же не желает его «дальнейшего размножения» в далевском творчестве и выражает надежду на то, что теперь писатель обратит «свой богатый и сильный талант» на физиологии, не теряя времени на сочинение сказок [9, X, с. 82–83]. Аналогичный совет – «расстаться с своими сказками и притчами в рифмованной прозе» как «с играми не совсем еще зрелой юности», дает Дально Тургенев [25, с. 280]. Понятно, что сказки Даля реабилитированы Белинским и Тургеневым не сами по себе. Они оказались первой ступенью в творческой эволюции писателя, которая привела его к созданию высокохудожественных произведений русской реалистической прозы.

Во многом сходно понимают значение сказок Даля для развития отечественной литературы С. Шевырев в статье «Взгляд на современную русскую литературу» (1842) и М. Максимович в заметке «О народной исторической поэзии в Древней Руси» (1845). Шевырев считает писателя первым при «возделывании народной устной стихии в русском языке» [27, с. 184]. Максимович говорит о важности опытов Даля в «народном вкусе»: они «были верным и благовременным указанием на своенародный склад и колорит, которыми должно было освежиться господствовавшее изветшалое письменное выражение» [28, с. 436]. Оба критика видят в Дале талантливую продолжателя пушкинских традиций – использования «простонародных» мотивов и речевых оборотов в литературном произведении.

В названной статье Шевырев напрямую связывает сказочное и реалистическое творчество Даля. Он пишет: «В его сказке и прежде, под фантастическим покровом, таилось глубокое предчувствие русского мира и русской жизни, – и мало-помалу это предчувствие, богатея опытом, зрея и спея в дельной жизни, образовалось в самый светлый и верный практический взгляд на весь быт русский и на всего русского человека, – и из фантастической сказки Даля-Луганского вышла дельная

глубокая русская повесть, обнимающая оригинально и верно самые разнообразные стороны русской жизни» [27, с. 184–185]. Именно в сказках вызревало уникальное авторское представление о народности.

К сожалению, глубокие тонкие наблюдения выдающихся писателей и критиков об эволюции творчества Даля, взаимообусловленности в нем фантастического и реалистического начал, влиянии сказок на реалистическую прозу писателя и на русскую литературу в целом не получили развития в последующем. Наоборот, исследователям ближе оказалось высказывание самого писателя в статье «Полтора слова о русском языке» (1842) о причинах создания сказок: «Не сказки сами по себе были ему (автор пишет о себе в 3 лице. – *Н. Ю.*) важны, а русское слово, которое у нас в таком загоне, что ему нельзя было показаться в люди без особого предлога и повода – и сказка послужила предлогом» [29, с. 424]. Понятно, что нужно осторожно относиться к откровениям подобного рода, причем рассчитанным на широкую публику. Но слова писателя стали едва ли не основной интерпретацией его сказочного творчества в советском литературоведении: не было практически ни одной работы по сказкам Даля, в которой данная статья не была бы процитирована. При таком подходе снижается значимость авторских художественных новаций, сказка писателя представляется лишь удобной рамкой для введения необходимого языкового материала.

Из сказанного ясно, что в 1830-е гг. ни первые журнальные публикации отдельных произведений «Былей и небылиц» Даля, ни каждая из четырех книг цикла не были обойдены вниманием критики. Полевой, Надеждин, Неверов, Греч, Белинский, Сенковский, Краевский, Булгарин высказали различные, часто прямо противоположные суждения о принципах далевской обработки фольклора, воссоздания национального русского быта в художественных произведениях, авторской работе над стилем и языком повествования. Полемичность отзывов была обусловлена несходством эстетических позиций их авторов. Высокую оценку повесть «Цыганка» получила в письме Плетнева и в дневнике Кюхельбекера. Привлекает к себе внимание и факт присутствия первых трех книг «Былей и небылиц» в библиотеке Пушкина, а также отмеченный Краевским особый интерес поэта к отдельным сказкам далевского цикла.

В рецензии 1846 г. Белинский существенно смягчает свои первоначальные выводы о сказочном творчестве Даль 1830-х гг. Как и Тургенев, критик видит в сказках этап творческой эволюции писателя, который привел его к созданию высокохудожественных произведений в жанрах физиологического очерка и реалистической повести. Сходное мнение было высказано Шевыревым. К тому же и Шевырев, и Максимович во многом сходно понимают значение сказок автора для современной им русской литературы: через введение в текст народной устной стихии идет обновление языка художественной литературы.

Перспективным направлением исследований является выявление новых критических отзывов о других циклах Даля («Русские сказки...1832 г.», «казахские повести», «болгарские повести» и др.) и их анализ.

Литература

1. [Полевой Н.А.] От издателя «Московского телеграфа» // Московский телеграф. – 1830. – № 24. – С. 544. 2. [Полевой Н.А.] Разбор. «Новоселье» // Московский телеграф. – 1833. – № 5. – С. 103–105. 3. Яков Ут-н. Новые книги. Письмо к издателю «Новоселья» // Северная пчела. – 1833. – 10 апр. – № 77. – С. 305–307; 11 апр. – № 78. – С. 309–311; 12 апр. – № 79. – С. 313–315. 4. [Надеждин Н.И.] Литературная расправа. «Новоселье» // Телескоп. – 1833. – Ч. 14. – № 5. – С. 92–108. 5. Неверов Я. Обзорение русских газет и журналов по части изящной словесности. (Из июльской книжки Ж.М.Н.Пр.) // Литературные прибавления к Русскому инвалиду. – 1835. – 11 сент. – № 73. – С. 581–582; 14 сент. – № 74. – С. 589–592; 18 сент. – № 75. – С. 596–598; 21 сент. – № 76. – С. 603–605. 6. Фесенко Ю.П. Проза В.И. Даля. Творческая эволюция. – Луганск; СПб., 1999. 7. [Греч Н.И.] Новые книги: [Были и небылицы Казака Владимира Луганского. Кн. 1.] // Северная пчела. – 1833. – 8 марта. – № 53. – С. 209. 8. [Полевой Н.А.] Русская литература. Новые книги // Московский телеграф. – 1833. – № 6. – С. 228–247. 9. Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. – М., 1953–1959. 10. [Пушкин А.С.] Новые книги: [Были и небылицы Казака Владимира Луганского. Кн. 3.] // Современник. – 1836. – Т. 3. – С. 315. 11. [Плетнев П.А.] Новые сочинения: [Были и небылицы Казака Луганского. Кн. 4.] // Современник. – 1839. – Т. 15. – С. 69. 12. [Сенковский О.И.] Собр. соч. Сенковского О.И. (Барона Брамбуеса). – СПб., 1858. – Т. 1. 13. [Сенковский О.И.] Критика: [Были и небылицы Казака Владимира Луганского. Кн.3.] // Библиотека для чтения. – 1836. – Т. XVII. – Ч. 2. – С. 30–31. 14. Каверин В.А. Собр. соч.: В 6 т. – М., 1966. – Т. 6. 15. [Краевский А.А.] Современная библиографическая хроника: [Русские книги: Были и небылицы Казака Луганского. Кн. 4.] // Отечественные записки. – 1839. – Т. IV. – № 6-7. – Отд. VII. – С. 1–7. 16. [Краевский А.А.] Библиография: [Были и небылицы Казака Луганского. Кн. 4.] // Литературные прибавления к Русскому инвалиду. – 1839. – Т. II. – № 5. – С. 90–93. 17. [Булгарин Ф.В.] Очерк русской литературы за 1838 и 1839 годы: [Были и небылицы Казака Луганского. Кн. 4.] // Сын отечества. – 1839. – Т. 9. – Ч. 2. – С. 135–139. 18. [Сенковский О.И.] Критика: [Были и небылицы Казака Луганского. Кн. 4.] // Библиотека для чтения. – 1839. – Т. XXXV. – С. 13–26. 19. Сочинения и переписка П.А. Плетнева. – СПб., 1885. – Т. 3. 20. Кюхельбекер В.К. Путешествие. Дневник. Статьи. – Л., 1979. 21. Библиотека А.С. Пушкина. Б.Л. Модзалевский. Приложение к репринтному изд. – М., 1988. 22. Тархова Н.А. Пушкин и Даль по материалам «Летописи жизни и творчества А.С. Пушкина» // Вторые Международные Измайловские чтения, посвящ. 200-летию со

дня рождения В.И. Даля (25–27 окт. 2001 г.): Материалы. – Оренбург, 2001. **23. Ильин С.А.** Русская критика 1840–70-х годов о В.И. Дале // Далеvский сборник. – Луганск, 2001. – С. 96–103. **24. Гоголь Н.В.** Полн. собр. соч.: В 14 т. – М.; Л., 1951–1952. – Т. 2. **25. Тургенев И.С.** Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. – М., 1978. – Т. 1. **26. Шевырев С.П.** Русская литература 1846 г.: [Повести, сказки и рассказы Казака Луганского] // Москвитянин. – 1847. – Ч. 1. – С. 154. **27. Шевырев С.П.** Взгляд на современную русскую литературу. Ст. вторая. Сторона светлая. (Состояние русского языка и слога) // Москвитянин. – 1842. – Ч. 2. – № 3. – С. 153–191. **28. Максимович М.А.** О народной исторической поэзии в Древней Руси (Второе письмо к М.П. Погодину) // Фризман Л.Г., Лахно С.Н. Максимович-литератор. – Харьков, 2003. – С. 432–441. **29. Даль В.И.** Полтора слова о нынешнем русском языке // Даль В.И. Оренбургский край в очерках и научных трудах писателя. – Оренбург, 2001. – С. 409–430.

В статье анализируются первые литературные отклики на появление «Былей и небылиц» В.И. Даля в 30–40-х гг. XIX в.

Ключевые слова: литературная критика, рецензия, отзыв, фольклор, народность.

У статті аналізуються перші літературні відгуки на появу «Былей и небылиц» В.І. Даля у 30–40-і рр. XIX ст.

Ключові слова: літературна критика, рецензія, відгук, фольклор, народність.

The article for the first time touches upon the analysis of all the literature critics' sayings about «True stories and tall tales», writes by V.I. Dal, in 1830–1840-ies, leaf have been discovered up to leis moment. Here are revealed critical commentaries on the first journal publications of the cycle, on the publications of every of the four parts of «True stories and tall tales», and also the references, remaining in letters and diaries of Dal's contemporaries. The article also examines the evaluation of critics of the 1840-ies, considering the role of «True stories and tall tales» in *the evolution of the writer*.

Key words: the literary critiques, review, review, folklore, nationality.

А. Л. Панищев

**ПРОБЛЕМА МЕЖЭТНИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА В РУАНДЕ
И БУРУНДИ И ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ ЕЕ РЕШЕНИЯ**

*Блаженны миротворцы, ибо они
Будут наречены сынами Божиими*

Евангелие от Матфея (5 : 9)

Среди ряда проблем в современном мире особенно остро стоят межэтнические конфликты. Полагаю, что именно они самые кровавые и жесткие среди всех остальных видов вооружённых конфликтов. Даже мировые войны не дают примеров такой изощрённой жестокости, которая сопровождает этнические чистки. Наглядным примером тому служат события в Руанде и Бурунди, где по сей день продолжается кровопролитная война между народами тутси и хуту. Данный конфликт было бы ошибочно списывать на закономерное следствие поиска народами путей самоидентификации, более прочных связей внутри системы, а также определения своих географических границ. Причины этого столкновения могут корениться в противоречии господствующих этнических установок и стереотипов.

Действительно, среди различных видов межэтнических конфликтов выделяется конфликт стереотипов. Последний находит своё проявление в ходе столкновения наций, что обусловлено исторически сложившимся восприятием их друг другом как противников. Разрешение подобных конфликтов требует от этноса больших волевых усилий и отказа от стереотипов, установок, провоцирующих агрессивные действия сторон.

В этих двух территориально сравнительно маленьких африканских странах большинство населения представляют народы тутси и хуту. Чтобы понять суть данной проблемы и возможные пути её решения, дадим короткую историческую справку, касающуюся этого конфликта. Тутси, являясь кочевыми скотоводами, в XIV веке пришли на земли современных стран Руанды и Бурунди, покорив при этом местных жителей – хуту. В ходе взаимоотношений между ними назрела довольно-таки сложная ситуация: в сознании тутси хуту расценивались как второсортные люди, обязанные прислуживать им; хуту же стали воспринимать тутси как жестоких завоевателей. Однако такое положение дел не вызывало у тутси и хуту явной ненависти друг к другу, воспринималось ими как некая должная социальная структура.

В период эпохи колониализма ряд серьёзных проблем между тутси и хуту удавалось сглаживать на основе родовых культурных традиций, а также на базе единого законодательства, которое представляла Бельгия. До середины XX века авторитет метрополии, как гаранта соблюдения права, в целом, был непоколебим, а посему и право, отличавшееся национальной нейтральностью, являлось относительно эффективным. Когда же в 1962 году страны Бурунди и Руанда стали независимыми, то сила исторически сложившихся стереотипов,

установок оказалась настолько велика, что спровоцировала всплеск ненависти между тутси и хуту. В получившей независимость Бурунди, где соотношение тутси и хуту было примерно таким же, что и в Руанде, началась цепная реакция: здесь тутси сохранили большинство в правительстве и в армии, однако это отнюдь не помешало хуту создать несколько повстанческих армий. Первое восстание хуту пришлось на 1965 год; оно было жестоко подавлено. В ноябре 1966 года, в результате военного переворота, была провозглашена республика и в стране установлен тоталитарный военный режим. Новое восстание хуту в 1970-1971 гг., принявшее характер гражданской войны, привело к тому, что около 150 тысяч хуту было убито и не менее ста тысяч стали беженцами.

Руанда получила независимость в 1962 году. Обиженные хуту тут же пришли к власти и начали оттеснять тутси. Массовые преследования тутси, начавшиеся в конце 80-х годов и достигшие своего пика в 1994 году, в странах Западной Европы расценили как геноцид. В то время за несколько недель было убито от 800 тысяч тутси, а также умеренных хуту. В 1994 году на севере Руанды за два месяца в ходе таких этнических чисток погибло по приблизительным подсчётам 500 тысяч человек. Около 1,7 миллионов хуту стали беженцами – в их лагерях в то время от холеры и от голода умирали ежедневно по 2000 человек.

Государственные чиновники, являясь частью народа, призывают к этническим чисткам, а подчас и непосредственно в них участвуют. Например, ряд государственных министров правительства Руанды прямо призывали народ к уничтожению народа тутси. Так, в Руанде премьер-министр Жану Камбанде, министр информации Элиезера Нийитегека прямо призывали народ к этническим чисткам против тутси. Вызывает негодование приказ о массовом осквернении женщин тутси, который отдала женщина-министр Паулин Нийрамасухуко. Само ужасающее то, что люди, как правило, следуют таким законам, сохраняя тем самым законопослушность, но, по сути, прекращая быть людьми. Эта законодательная система санкционирует право на бесчестье и высвобождает все животные инстинкты, которые в синтезе с воображением, как психической функции, и со спекулятивным рассудком приводят к диким, страшным поступкам. Тот факт, что люди следуют букве закона свидетельствует об отсутствии развитой идеи личной ответственности за содеянное, о господстве родоплеменных установок. Слабость естественного права перед выхолощенной буквой закона указывает на явную недостаточность развития в представлений о личной чести. Отсутствие ясного представления о чести личности делает индивида зависимым от властей, которые издают аморальные указы и, мягко выражаясь, странные прокламации. Так, в 1990-м году издание хуту «Кангура» («Проснитесь») напечатало 10 указов хуту:

1. Каждый Хуту должен знать, что женщина Тутси, где бы она ни была, преследует интересы ее этнической группы. Поэтому предателем будет считаться тот хуту, который женится на женщине тутси, заведет дружбу с женщиной тутси, или будет держать тутси в качестве секретарши или наложницы.

2. Каждый Хуту должен помнить, что дочери нашего племени более сознательно относятся к своей роли жён и матерей. Они более красивы, честны и работоспособны в качестве секретарш.

3. Женщины Хуту, будьте бдительны, попытайтесь образумить своих мужей, братьев и сыновей.

4. Каждый Хуту должен знать, что Тутси лжив в сделках. Его единственной целью является превосходство его этнической группы. Посему предателем будет считаться каждый хуту, который – является деловым партнером тутси; – который вкладывает деньги в проект тутси; – который одалживает или ссужает деньги тутси; – который помогает тутси в бизнесе посредством выдачи лицензии и так далее.

5. Хуту должны занимать все стратегические посты в политике, экономике, правоохранительных органах.

6. В сфере образования большинство учителей и учеников должны принадлежать к племени хуту.

7. Вооруженные силы Руанды будут комплектоваться исключительно представителями Хуту.

8. Хуту должны перестать жалеть Тутси.

9. Хуту должны быть едины в борьбе против Тутси.

10. Каждый Хуту должен распространять идеологию Хуту. Хуту, который попытается помешать своим братьям распространять идеологию хуту, считается предателем.

Конечно, такие настроения доминируют не только у хуту, но и у тутси, что не внушает оптимизма в успешном разрешении данной проблемы. Вышеперечисленные предписания из издания «Кангура» указывают, что принципы межэтнической ненависти глубоко вжились не только в социально-политическое, но и родоплеменное сознание обоих этносов, поэтому даже на уровне отдельной семьи конфликт останется открытым. Всё же эту общую для человечества беду необходимо как-то устранить, наладить отношения между этими двумя африканскими племенами. В последние несколько десятилетий этот конфликт уже распространился и на другие страны, в которых много выходцев из Руанды и Бурунди, например, в ДРК (Заир) или далёкой от Руанды и Бурунди Танзании. Хотелось бы обозначить некоторые возможные пути урегулирования данного конфликта. Конечно, нельзя однозначно утверждать, что эти пути будут эффективны, однако в сложившихся условиях, в общем-то, терять нечего. Собственно говоря, если предлагаемые пути окажутся недейственными, то чистки продолжатся, независимо от того, вызваны они ошибками миротворцев или давней ненавистью народов друг к другу. Тем не менее вероятность успешного решения проблемы есть.

Полагаю, что одним из путей разрешения конфликта между тутси и хуту может стать искусственное создание определённых условий, способствующих установлению родственных связей между данными народами. Такое действенное средство использовалось, например, ещё Ромулом в деле установления союза с сабинами. Действительно, римляне свою изолированность преодолели очень простым, но отнюдь не честным приёмом: пригласили сабинцев на праздник, во время которого похитили их дочерей. Однако за таким, по сути, вероломным поступком последовало доброе, заботливое отношение к похищенным сабинянкам, которые в конечном итоге остановили разразившуюся войну между римлянами и сабинами. Конечно, древняя Италия не есть Африка, и сабинцы не испытывали острой ненависти к Риму, однако следует обратить внимание на принцип национальной нейтральности в гражданстве и в деле заключения браков.

Убеждён, что международному сообществу следует серьёзно задуматься над тем, чтобы из документации граждан, в том числе из их паспортов, была убрана строка о национальности. Конечно, такая формальная мера не исправит сложившегося положения. В ряде африканских стран, в том числе и в Руанде, к ней прибегали, но безрезультатно. Развитию чувства интернационализма может способствовать принятие значительной частью населения такой религии, которая была бы обращена ко всему человечеству, например, православия. По существу, христианство в католической и протестантской форме известно народам Руанды и Бурунди, но эти направления в христианстве, являясь средством для решения светских, государственно-колониальных вопросов, в значительной мере себя дискредитировали. Неудивительно, что те христианские монастыри и церкви, где мирное население пыталось спастись, стали местами страшной резни. Поэтому будет уместно обратиться к новой религии, в которой догматически прописана невозможность выполнения Церковью светских функций и немыслимость политической работы духовного лица, как это допускается католической или протестантской церквями. Естественно, что трибуналом ООН преследуются уже, по меньшей мере, четверо католических священников за участие в этнических чистках. Помимо этого предполагаемая религия должна соответствовать общим принципам религиозной жизни вообще, независимо от национальности и формы вероисповедания людей, иначе говоря – архетипам религиозного сознания. Последнее требование весьма сложно, поскольку языческие обычаи часто очевидно противоречат нормам христианства. Однако, если присмотреться ко всем религиям более внимательно и взглянуть в структуру языческой мифологии, то общие принципы мировосприятия метафизического бытия обязательно отыщутся. Например, почти во всех мифах мужское начало отождествляется с Небом, а женское – с землёй. В принципе здесь вопрос заключён не в аналогиях, а в формах практического проявления мифа. Для этого поиска необходимо отдельное исследование.

В самом деле, утверждение общечеловеческой религии должно поспособствовать решению конфликта. Утверждение новой религии вполне осуществимо. Например, в лагерях беженцев, в условиях напряжённой, взрывоопасной атмосферы, постоянного стресса, довлеющего над людьми, последние будут более восприимчивы к идеям гуманизма и высшей духовности. Причём к своей системе ценностей они начнут относиться более критично, понимая, что нельзя жить в вечной ненависти. Хуту, приняв общечеловеческую религию, возвратятся на родину с доброжелательными установками в отношении тутси. Последние же, также как и хуту, из своих лагерей должны возвратиться в свои страны с такими же дружелюбными установками. Совпадение установок тутси и хуту приведёт к погашению их ненависти друг к другу, и конфликт прекратится. Народы, приняв новые христианские идеи, будут жить в своих странах уже не как враги, а как люди, призванные заботиться о благе любого другого человека, независимо от его национальности. Говоря о православной культуре как основе для преодоления агрессивного национализма, уместно привести такие слова: «Всеобъемлющей и универсальной должна стать наша культура. Мы призваны говорить не только о православной или общехристианской культуре как культуре соборной, но и о соборной культуре, объединяющей все духовные достижения рода человеческого. Только восприятие культуры в таком измерении позволит нам с

чистой совестью читать Гомера и Данте, Шекспира и Гёте, творения других гениальных художников и мыслителей всех времён и народов. Иначе неизбежен некий индекс запрещённых книг, возврат к временам инквизиции...» [1, с. 396]. Если идеи соборности будут привиты народностям Руанды и Бурунди, то взаимообмен между их культурами будет соответствовать духовным принципам человечества.

Конечно, здесь следует решить ряд немаловажных проблем. В первую очередь, необходимо подготовить опытных, а главное – духовных, благородных проповедников. Они, помимо общих требований к пастырю, должны владеть местными языками, знать общие черты культуры и религии данных народов, также иметь представления о климатических условиях этого региона. Наконец, им необходимо знать, что обстановка, в которой они будут служить людям, весьма сложная как с климатической, так и с правовой стороны. Вполне возможно, что проповедники сами окажутся целями для вооружённого нападения. Надо осознавать сложность той среды, в которой предстоит работать миротворцам. Поэтому, по мере возможности, в Руанде и Бурунди важно обеспечить безопасность для миссионеров, что уместно возложить на миротворческий военный контингент. Наличие военного контингента есть обязательное условие для решения этой проблемы, поскольку военная сила всегда уважалась в странах Африки и Азии. Беззащитный, разоруженный человек никогда не сможет что-либо решить в данном регионе. Неудивительно, что, в 1994 году 10 бельгийских миротворцев, охранявших дом премьер-министра Руанды Увириндигийимана, когда, согласно рекомендации своего командира, сложили оружие, были подвергнуты зверским, извращённым пыткам и убиты. В любом случае существует угроза для тех, кто добивается мира. Однако, если равнодушно относиться к таким межэтническим войнам и ничего не предпринимать, то никогда ненависть и агрессивность не уступят место дружбе и доверию, и конфликту между тутси и хуту не будет окончания.

Следует отметить, что утверждение такой религии, как христианство, будет полезным и нужным с точки зрения преодоления стереотипов, согласно которым хуту воспринимают тутси как завоевателей, жестоких господ, а тутси считают, что хуту – это второсортные люди, их обслуга, рабы.

Также следует учесть, что в условиях развитости циклического представления о времени, что для традиционных культов, верований вполне характерно, стереотипы приобретают силу традиций. Христианство же, постулирующее идею линейности времени, способно трансформировать к лучшему мировоззрение обоих народов, помочь им отказаться в чём-то от прошлого, положить конец зависимости от старых родовых стереотипов.

Принятие и распространение христианской религии обусловит формирование предпосылок к более интенсивному развитию общества в целом. Например, возрастёт потребность в грамотности, благодаря которой люди смогут читать не только религиозные тексты, но и книги о культурах иных народов. При высоком уровне грамотности населения будет сложнее спровоцировать его на агрессивные действия, у людей будет больше оснований для выработки собственных мнений относительно различных вопросов, в том числе национального. Также грамотность населения должна способствовать развитию местных национальных языков, что в условиях укоренения интернационализма способно блокировать стирание особенностей народных культур. На сегодняшний день уровень грамотности в Бурунди составляет 35 %,

а в Руанде – 48 %. Такой низкий уровень грамотности населения предполагает весьма узкие возможности для выживания человека в городской среде, способствует развитию криминальности. Между тем ВУЗы гуманитарного профиля и лингвистические центры России могли бы взять на себя подготовку кадров для учебных заведений в Руанде и Бурунди. Думаю, что многие рядовые жители этих африканских стран почти ничего не знают об иных государствах, например, о России, Испании, Боливии... Знакомство же с обычаями в других странах должно вызвать в людях таких племён, как тутси и хуту, как минимум чувство любопытства к миру, который лежит за границами их государств. Убеждён, что человек, получивший образование в среде той культуры, в которой господствовала идея спасения всего человечества, всегда будет относиться к миру с любовью, в каждом видеть образ Божий, беречь честь и жизнь любого человека. Россия, традиционно выполнявшая миссию помощи другим народам, имеет все основания спасти многие народы, в том числе тутси и хуту, от духовного растрепания и, соответственно, от братоубийственных войн. Думаю, что закончить эту статью следует цитатой из книги В.С. Соловьёва: «Спасаящийся спасётся. Вот тайна прогресса – другой нет и не будет» [2, с. 557].

Литература

1. Никитин В.А. Основы православной культуры. Отдел религиозного образования и катехизации Русской православной церкви, 2002. – 486 с. **2. Соловьёв В.С.** Тайна прогресса // Соловьёв В.С. Соч.: В 2 т. – Т. 2. – М.: Мысль, 1988. – С. 556–557.

¹ Сообщение на данную тему было сделано на круглом столе, который прошёл в рамках IV Международной научно-практической конференции, посвященной Европейскому Дню Языков (24–25 сентября 2007 г., г. Луганск, Луганский национальный педагогический университет имени Тараса Шевченко).

Данная статья посвящена проблеме этнического конфликта между народами тутси и хуту. Автор показывает некоторые источники столкновения и глубину поднятой проблемы. Вероятным путём решения конфликта может быть преодоление этнических стереотипов на основе религии, обращённой к идее спасения всего человечества. Эта религия, согласно своей догматике, не должна стремиться к решению политических и социальных вопросов.

Ключевые слова: народ, стереотип, конфликт, религия, право.

Стаття присвячена проблемі етнічного конфлікту між народами тутсі й хуту. Автор показує деякі джерела зіткнення й глибину цієї проблеми. Вірогідним шляхом вирішення конфлікту може бути подолання етнічних стереотипів на підґрунті релігії, що звернена до ідеї спасіння всього людства. Ця релігія, за своєю догматикою, не повинна прагнути до вирішення політичних та соціальних питань.

Ключові слова: народ, стереотип, конфлікт, релігія, право.

This article is devoted to the problem of ethnic conflict between tutsi and chutu people. The author reveals some of the clash reasons and profundity of the problem. One of the possible ways out is observed in negotiation of ethnic stereotypes based on religion, applying to the idea of mankind rescue. This religion, according to its dogmatic, is not press towards political and social solutions.

Key words: people, stereotype, conflict, religion, law.

Відомості про авторів

Бондарева Олена Євгеніївна, провідний науковий співробітник Національного центру театрального мистецтва імені Олеся Курбаса, член Національної спілки письменників України та Національної спілки театральних діячів України, доктор філологічних наук, професор Національного медичного університету імені Богомольця (*Київ, Україна*)

Бовк Олена Іванівна, старший викладач кафедри англійської філології факультету романо-германської філології Черкаського національного університету імені Богдана Хмельницького (*Черкаси, Україна*)

Волкова Наталія Олександрівна, професор кафедри російської мови та загального мовознавства ДООЗ ВПО «Череповецький державний університет», доктор філологічних наук (*Череповець, Російська Федерація*)

Герасименко Ельвіра Миколаївна, старший лаборант кафедри іноземних мов Національного фармацевтичного університету, пошукувач кафедри російської мови Харківського національного педагогічного університету ім. Г. С. Сковороди (*Харків, Україна*)

Гнізdechko Оксана Миколаївна, завідувач кафедри загального та германського мовознавства Чернігівського державного педагогічного університету ім. Т. Г. Шевченка, кандидат філологічних наук, доцент (*Чернігів, Україна*)

Данилюк Сергій Семенович, заступник декана факультету романо-германської філології з наукової роботи Черкаського національного університету імені Богдана Хмельницького, кандидат філологічних наук, доцент кафедри практики англійської мови (*Черкаси, Україна*)

Жулій Тетяна Борисівна, професор кафедри російського мовознавства та комунікативних технологій Луганського національного педагогічного університету імені Тараса Шевченка, кандидат педагогічних наук, доцент (*Луганськ, Україна*)

Какзанова Євгенія Михайлівна, доцент кафедри іноземних мов Інституту мовознавства РАН, кандидат філологічних наук (*Москва, Російська Федерація*)

Каменєва Ірина Адамівна, аспірант кафедри російської мови Харківського національного педагогічного університету ім. Г. С. Сковороди (*Харків, Україна*)

Карпенко Олена Петрівна, завідувач кафедри кафедри російської мови Харківського національного педагогічного університету ім. Г. С. Сковороди (*Харків, Україна*)

Коваленко Лариса Петрівна, директор Алуштинського відділення Кримського філіалу Луганського національного педагогічного університету імені Тараса Шевченка, кандидат педагогічних наук, доцент (*Ялта, Україна*)

Комар Людмила Веніамінівна, старший викладач кафедри англійської філології та перекладу Кременчуцького інституту Дніпропетровського університету економіки та права (Кременчук, Україна)

Кошман Ірина Миколаївна, доцент кафедри журналістики Східноукраїнського національного університету імені В. І. Даля, кандидат філологічних наук (Луганськ, Україна)

Крамар Ольга Казимирівна, доцент кафедри історії російської літератури ХХ століття Єлецького державного університету ім. І. О. Буніна (Єлець, Російська Федерація)

Кримова Вікторія Володимирівна, аспірант кафедри всесвітньої літератури Луганського національного педагогічного університету імені Тараса Шевченка (Луганськ, Україна)

Курносова Ірина Михайлівна, декан філологічного факультету Єлецького державного університету ім. І. О. Буніна (Єлець, Російська Федерація)

Логвиненко Ірина Анатоліївна, викладач кафедри східних мов Харківського національного педагогічного університету ім. Г. С. Сковороди, пошукувач кафедри російської мови ХНПУ ім. Г. С. Сковороди (Харків, Україна)

Лоповок Віра Львівна, методист кафедри соціально-гуманітарних дисциплін та методики їх викладання Луганського інституту післядипломної педагогічної освіти (Луганськ, Україна)

Марченко Тетяна Михайлівна, докторант кафедри російської та світової літератури Харківського національного педагогічного університету ім. Г. С. Сковороди, кандидат філологічних наук, доцент (Горлівка, Україна)

Міхова Наталія Григорівна, аспірант ДООЗ ВПО «Череповецький державний університет», доктор філологічних наук (Череповець, Російська Федерація)

Мухіна Мар'яна Мар'янівна, викладач кафедри англійської мови Донбаського державного технічного університету, аспірант Луганського національного педагогічного університету імені Тараса Шевченка (Алчевськ, Україна)

Ніколаєва Віра Анатоліївна, аспірант кафедри російського мовознавства та комунікативних технологій Луганського національного педагогічного університету імені Тараса Шевченка (Луганськ, Україна)

Павленко Олександр Євгенійович, завідувач кафедри іноземних мов та російської словесності Таганрозького інституту управління та економіки, доктор філологічних наук, доцент (Таганрог, Російська Федерація)

Паніщев Олексій Леонідович, старший викладач кафедри філософії та соціології Курського інституту соціальної освіти Російського державного

соціального університету, кандидат філософських наук, професор Російської академії природознавства (Курськ, Російська Федерація)

Прасол Юлія Григорівна, аспірант Харківського національного педагогічного університету ім. Г. С. Сковороди (*Харків, Україна*)

Радчук О. В., Харківського національного педагогічного університету ім. Г. С. Сковороди (*Харків, Україна*)

Степикіна Тетяна Володимирівна, завідувач кафедри англійської філології Луганського національного педагогічного університету імені Тараса Шевченка, кандидат філософських наук, доцент (*Луганськ, Україна*)

Теплицька Ольга Миколаївна, асистент кафедри філологічних дисциплін Луганського національного педагогічного університету імені Тараса Шевченка (*Луганськ, Україна*)

Фоміна Світлана Миколаївна, викладач англійської мови та літератури, магістр англійської філології (*Луганськ, Україна*)

Шопін Павло Юрійович, студент факультету іноземних мов, магістрант Луганського національного педагогічного університету імені Тараса Шевченка (*Луганськ, Україна*)

Юган Наталія Леонідівна, старший викладач кафедри всесвітньої літератури Луганського національного педагогічного університету імені Тараса Шевченка, кандидат філологічних наук (*Луганськ, Україна*)